М. МУРАТОВ

К ДАЛЕКИМ БЕРЕГАМ

1947 ДЕТГИЗ

SHOUT
SHARE
IT

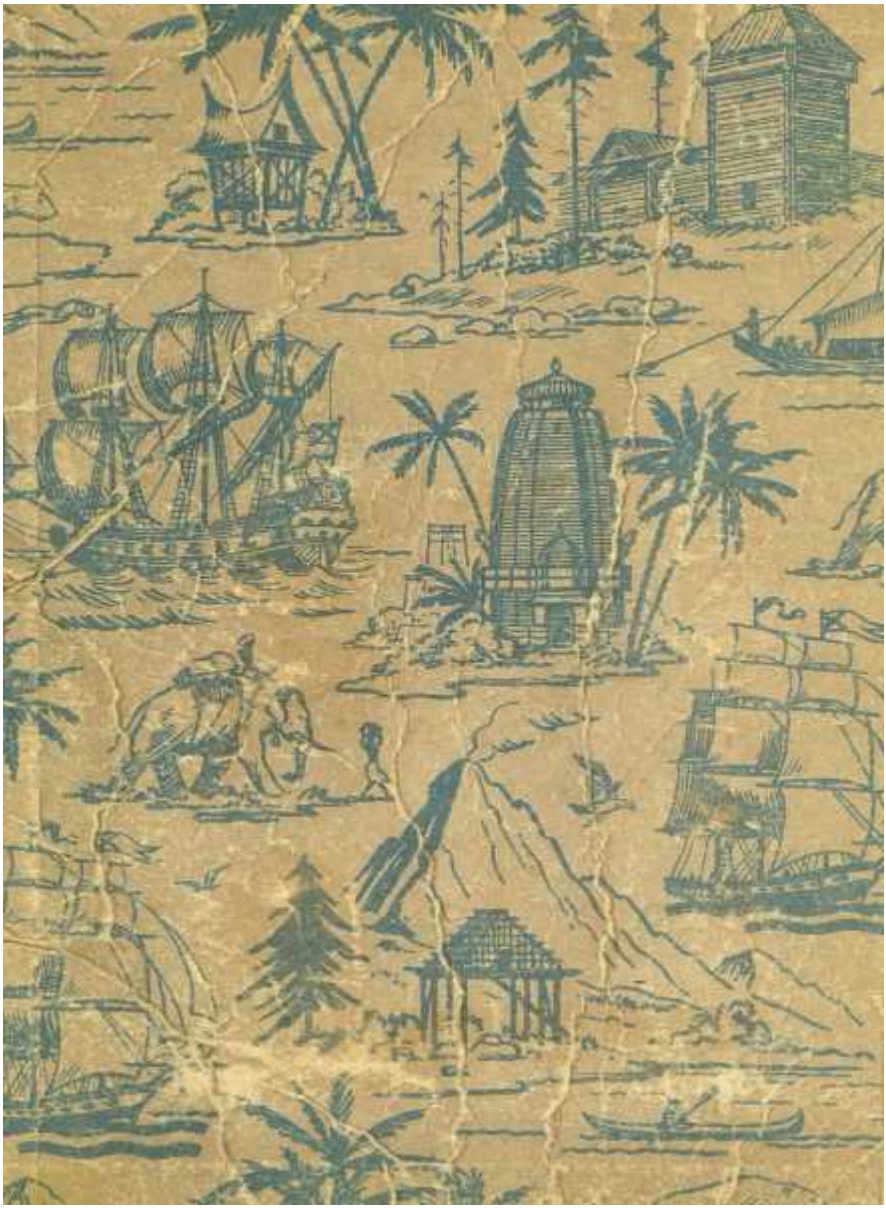
Annotation

Рисунки: И.РербергаРассказы о старинных русских путешествиях.

•

М. МУРАТОВ
и
<
л
п
notes
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10

М .МуРАТОL
1СИМ *Шг*



М. МУРАТОВ

К
далеким:

БИБЛИОТЕКА
МЕСТКОМА
ВОДГЕО
№ 3351

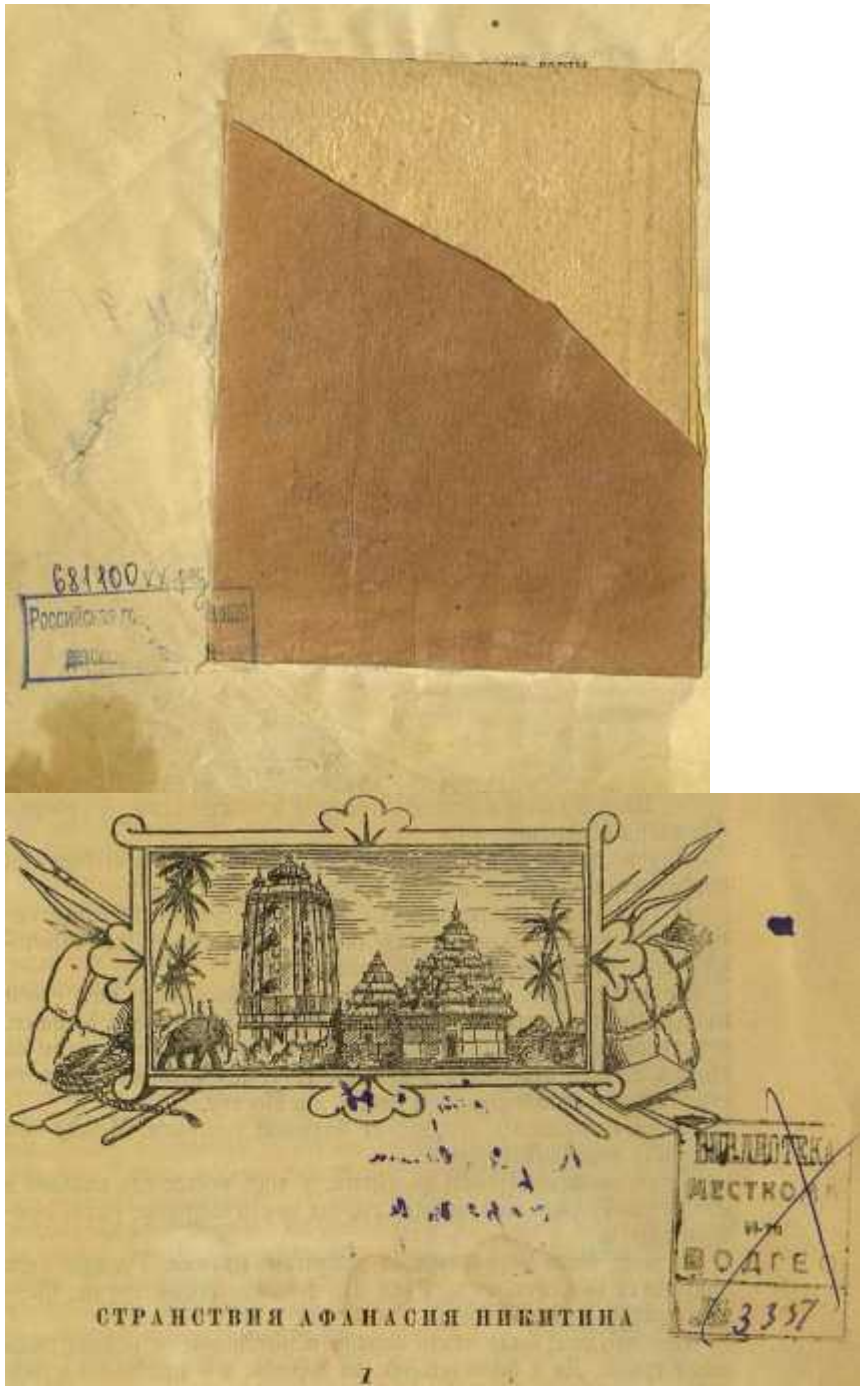
БЕРЕГАМ

Р.'ССКАЗЫ О СТАРИННЫХ РУССКИХ ПУТЕШЕСТВИЯХ

И·91

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1947 Ленинград

Обложка, титул и заставки *П. Рерберга*



В 1466 году тверской купец Афанасий Никитин решил предпринять путешествие в далекие страны.

Афанасий Никитин был человек еще не старый и полный сил. Он хорошо знал грамоту, был наблюдателей и любознателен.

Тверские купцы не раз слыхали, что русские товары — меха,

тонкие холсты, кожевенные изделия и среди них особенно седла — дорого стоят на Кавказе, в Средней Азии и Персии. На Русь иногда приезжали купцы из этих стран и перекушщики-татары. Они покупали русские товары, чтобы продать по дорогой цене в своей земле. А сами привозили из-за Каспийского моря шелковые ткани, жемчуга и камни-самоцветы. Эти товары на Руси ценились очень дорого, а за морем стоили гораздо дешевле.

Выло обидно давать наживаться иноземным купцам, з

— Надо бы самим пойти с товаром в чужие края, — говорил Афанасий Никитин.

Другие тверские купцы охотно прислушивались к его словам, потому что с тревогой думали о своих торговых делах.

В те времена Тверское княжество еще сохраняло самостоятельность и даже называлось великим. Но оно уже было охвачено с трех сторон московскими владениями.

Великий князь московский Иван III объединил под своей властью большую часть Руси. Он был гораздо богаче и сильнее, чем тверской князь Михаил Борисович. Тверские бояре один за другим начали отъезжать в Москву. И чужеземные купцы часто стали возить свой товар не в Тверь, а в Москву.

Тверь оказалась в стороне от большой торговли. Между тем она была торговым городом.

Тверь была выстроена на Волге, у того места, где впадает в нее речка Тверца. Недалеко от города текли и другие реки, притоки Волги.

А реки были тогда самыми важными путями. Густые леса покрывали большую часть Руси. По лесным тропам трудно было пробираться даже пешком.

Еще труднее было ехать верхом и почти совсем нельзя было везти грузы. Да и было опасно: за деревом мог притаиться разбойник, из кустов мог выскочить зверь. Река же была готовой широкой дорогой. И плыть по ней было безопаснее, оттого что с берега нельзя было незаметно подкрасться к судну, плывущему посередине реки.

Поэтому купцы перевозили свои товары главным образом по рекам.

Афанасий Никитин не раз плавал из Твери по Волге в татарский город Казань. Сюда приезжали купцы из русских городов и из Средней Азии, Персии, с Кавказа, а иногда даже из далекой Китайской земли.

Русские купцы учились говорить по-татарски, чтобы успешнее торговать, и в русский язык вошли многие татарские слова, связанные с торговлей и дорогой: базар, тара, сундук, ямщик.

Три копейки называли татарским словом «алтын». А на

серебряной монете, которая чеканилась в Твери, даже была выбита татарская надпись: «Михаил Теферпджп». Это значило:

Михаил Тверской.

Афанасий Никитин довольно свободно объяснялся по-татарски. Он был опытен в торговых делах. Купцы относились к нему с доверием.

Афанасий Никитин узнал, что в Москву приехал с Кавказа, из города Шемахи, посол Асаи-бек с подарками от шир-ванского шаха. Великий князь собирался отправить в ответ подарки ширванскому шаху, владевшему небольшой, но довольно богатой землей на западном берегу Каспийского моря. Эти подарки должен был отвезти ПОД надежной охраной Постройка стен Твери.

МОСКОВСКИЙ ПОСОЛ Василий 11а- *0 миниатюры XIV века:*

пин,(который был родом из Твери.

Афанасий Никитин задумал снарядить небольшое судно с товарами и присоединиться к московскому послу.

Сам Афанасий Никитин не был богат, но некоторые тверские купцы согласились дать ему в долг свои товары на продажу, с тем чтобы получить значительную часть прибыли. Шесть купцов решили сами поехать с Афанасием Никитиным.

Расходы делали вскладчину. Купили небольшое судно, наняли гребцов, поднесли подарки тверскому князю, чтобы испросить у него отпускную грамоту для поездки в чужую землю.

Василий Папин должен был плыть сперва по Москве-реке, а йотом по Оке к Нижнему-Новгороду, чтобы оттуда по Волге спуститься к Каспийскому морю. Афанасий Никитин и его спутники решили приплыть из Твери в Нижний-Новгород к тому времени, когда туда прибудет Василий Папин. Под защитой посольского корабля тверское судно могло плыть в некоторой

безопасности мимо татарских земель, начинавшихся за Ыижним-Новгородом и тянувшихся до Каспийского моря.

Однако сборы затянулись. Наконец небольшое гребное судно е мачтой, на которой при попутном ветре поднимался парус, было готово и нагружено.

Афанасий Никитин и его товарищи торжественно простплпсь с родным городом. Они отстояли службу в церкви Спаса Златоверхого, стоявшей за высокими стенами тверского кремля, потом исповедались и причастились, как перед смертельно опасным делом.

Бее знали, что даже из более близких странствий не всегда удается вернуться домой. Одни заболевали и умирали на чужбине, другие погибали от рук разбойников, третьих захватывали в плен татары п продавали в рабство после очередного набега на русские земли.

Судно поплыло мимо старинных русских городов — Калязпна, Углича, Костромы — и благополучно дошло до Нижнего-Новгорода.

На крутом холме, у того места, где Ока впадает в Волгу, возвышались стены и башни нижегородского кремля. Афанасий Никитин и его спутники пошли в кремль, чтобы узнать, нет ли вестей о Василии Папине, и внести налог за провозимые товары пошлпнпику нижегородского князя.

— Опоздали. Папин уже отплыл на низ, — сказал пошлинник.

Он добавил, что посол ширванского шаха Асан-бек задержался в Москве и скоро должен быть в Нижнем-Новгороде. Приходилось дожидаться Аеан-бека, чтобы попросить у него позволения плыть вместе в Ширвап.

Через две недели действительно на Оке показался струг Асан-бека. Вместе с ним плыли тезики, как называли на Руси купцов из Средней Азии и других восточных стран.

За стругом Асан-бека плыло судно, которое снарядили московские купцы, тоже направлявшиеся в Ширван.

Когда струг причалил к пристани, Афанасий Никитин и его спутники пошли к Асан-беку.

в ,

Струг Асан-бека внешне походил на судно тверских купцов, но был значительно больше. Внутри он выглядел совсем иначе. Сам Асан-бек и восточные купцы в широких шелковых халатах и вышитых тюбетейках сидели на коврах, поджав ноги. Слуги подавали им вареный рис с бараниной и сушеные фрукты.

С рисунка XVII века. Из альбома Мейерберга■

А на корме стояли клетки с кречетами и соколами разных пород: белыми, серыми, черными.

Среди них были могучие птицы, одним ударом убивавшие в воздухе гусей и лебедей, и маленькие хищники, пригодные только для охоты на мелкую дичь. Особые слуги ухаживали за кречетами и соколами, чтобы они не пропали в пути от истомы.

Великий князь Иван III посылал этих охотничьих птиц в подарок шаху Ширвана.

Афанасий Никитин почтительно поклонился Асан-беку и по-татарски изложил свое дело. Асан-бек знал, что привлекать в Шпрван чужеземных купцов выгодно, потому что они уплачивают шаху товарами за разрешение торговать и даже за проезд через Ширвапскую землю. Поэтому он охотно разрешил тверским купцам присоединиться к его кораблю.

— Все, что случится с тобою, будет и со мною, — произнес Асан-бек татарскую формулу дружбы на прощанье.

Через день вниз по Волге от Нижнего-Новгорода поплыли струг Асан-бека и два русских судна — московское и тверское.

Довольно долго плыли между берегами, поросшими густым лесом. После устья реки Ветлуги, впадающей в Волгу за Ниж-иим-Новгородом, начались земли казанского хана. Суда продолжали плыть без помехи.

За землями казанских татар, на левом берегу Волги, кочевала Ногайская орда. Дальше к югу шли владения астраханских татар/ Леса кончились, начались степи.

С кораблей не ваз видели кочующих татар. Покачиваясь, шли высокие двугорбые верблюды, паслись табуны лошадей и стада овец. На арбах, запряженных волами, везли круглые легкие передвижные жилища из прутьев, обтянутых войлоком.

Иногда с кораблей замечали всадников на берегу, у самой воды. Татары сидели на небольших крепких лошадках

неподвижно, как будто приросли к седлам, смотрели на корабли и переговаривались друг с другом.

Афанасий Никитин и его спутники поглядывали на них с некоторой тревогой и толковали *о* том, что татары, может быть, наблюдают за кораблями неспроста, А кормщики направляли суда подальше от берега и ночью выставляли стражу.

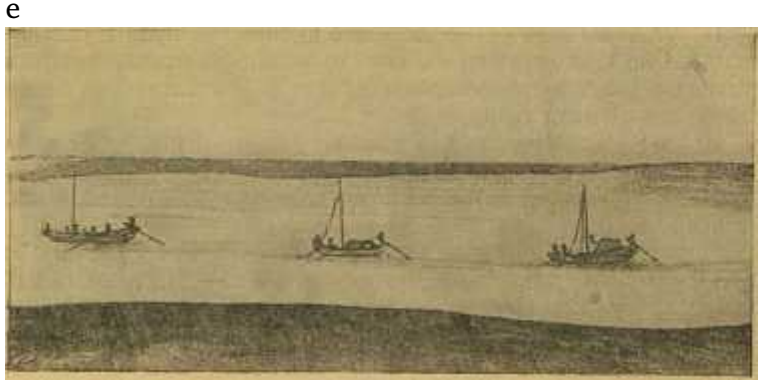
В низовьях Волги благополучно миновали город Сарай, бывший столицей Золотой орды. Когда-то русские князья были вынуждены приезжать сюда с данью н подарками. Затем Золотая орда распалась на несколько независимых ханств. Но название ее главного города было хорошо известно Афанасию Никитину и его товарищам, с детства слышавшим рассказы о том, как смелый тверской князь Александр Михайлович был казнен в Золотой орде.

Уже недалеко была Астрахань, когда они увидели небольшую лодку, которая отчалила от берега и направилась к стругу Асан-бека.

Три татарина взошли на судно, поклонились Асан-беку и сказали, что впереди его ждет большая опасность. Астраханский хан собирается напасть на корабли, чтобы отнять московские подарки и товары. Татары предлагали Асан-беку незаметно провести суда мимо Астрахани.

Они кланялись Асан-беку, но глаза их бегали по сторонам, точно обшаривая судно. Можно было прогнать их прочь. Но тогда они уже наверное поспешили бы с вестями к астраханскому хану. Он обычно разрешал за хорошую плату чужеземным купцам торговать на астраханских базарах, но проезжать с товарами мимо Астрахани было действительно небезопасно.

е



На реке.

С рисунка XVII века. Из альбома Мейерберга.

Асаи-бек обещал трем татарам дать полотна и по кафтану-однорядке, если они благополучно проведут суда.

Афанасий Никитин перед Астраханью перешел на судно

Асан-бека, где было больше вооруженных людей.

К Астрахани подошли е таким расчетом, чтобы проплыть мимо нее ночью. Проводники-татары направили судно по одному из рукавов, на которые разбивается Волга вблизи устья. @

В это время взошла луна и осветила реку п землю. Сотни вооруженных татар, конных и пеших, стояли на берегу, поджидая суда.

— Видно, подали весть татары-проводники, — сказал Афанаьий Никитин.

С берега раздались крики:

— Качма! Качма! (Стойте! Стойте!)

Татары погнались за судами, стреляя из луков. От берега начали отчаливать лодки с вооруженными людьми.

Гребцы изо всех сил налегли на весла, чтобы уйти от погони. С кораблей начали отстреливаться из пищалей и луков.

«Они застрелили у нас одного человека, а мы у них двух», вспоминал потом Афанасий Никитин.

Вдруг небольшое судно тверских купцов дрогнуло и остановилось. Оно наскочило на ез, как называли частокол, который ставили в реке, устраивая ловушку для рыбы. Татарские лодки сейчас же нагнали тверское судно.

Другое русское судно миновало ез благополучно, но село на мель, не дойдя до моря. Татары захватили его и с торжеством повели к сзу, где уже обыскивали маленькое тверское судно, отбирая товары.

Потом татары перевели ограбленных купцов на маленькое судно, а большое взяли себе. Четырех человек — вероятно, самых сильных, молодых гребцов — схватили, чтобы продать как невольников в рабство. А остальных отпустили плыть дальше на маленьком судне.

Только немногие из ограбленных русских людей сохранили кое-какие пожитки и малоценные товары. Они поплыли вслед за стругом Асан-бека в Каспийское море, направляясь в ширван-ский город Дербент. Но на Каспийском море разбушевалась буря. Маленькое судно не смогло бороться с волнами и было выброшено на берег недалеко от Ширванской земли.

Горцы кайтаки, жившие по соседству с Ширваном, сбежались к судну, потерпевшему кораблекрушение у их берегов. Они захватили людей и отняли у них все, чего не успели отобрать татары.

и

Афанасий Никитин приплыл в Дербент с Асан-беком.

Афанасий уцелел, но меха, которые он вез на продажу, остались на тверском судне, ограбленном татарами. Его тревожило не только собственное горе, но и беда, случившаяся с товарищами.

Он настойчиво просил Асан-бека выручить спутников, которых захватили кайтаки. Асан-бек ответил, что помочь может только шах Ширвана.

Из Дербента поскакал гонец к шаху Феррух-Иессару, жившему вблизи Шемахи. Афанасий Никитин тем временем стал присматриваться к городу, в котором очутился.

По-персидски дверь называется «дер», а преграда—«бенд».

У города Дербента,
Со старинной голландской гравюры.

Город не напрасно получил название, составленное из этих двух слов. Почти неприступные горные хребты близко подходят в этом месте к побережью Каспийского моря. Остается свободной только узкая долина. У входа в нее был построен город Дербент.

Он являлся как бы единственной дверью, которая вела через горную преграду. Через Дербент вдоль берега Каспийского моря шел путь в Персию, Аравию и далекую Индию. А люди еще увеличили препятствие, которое поставила природа. Они построили толстую каменную стену с чугунными воротами, которая простиралась от гор до самого моря, чтобы нельзя было обойти город.

Небольшое Ширванское государство, в котором было всего три заметных города — Дербент, Шемаха и Баку, — извлекало немалую выгоду от того, что через его земли шла торговля с восточными странами.

Небольшие домики Дербента были окружены фруктовыми садами. Жители ловили осетров и белуг в Каспийском море и разводили виноградники. Они были довольно зажиточны и гостеприимны.

Достаточно было гостю похвалить какую-нибудь вещь в доме, чтобы хозяин предложил ее в подарок. Но обычай требовал, чтобы гость отдаривал хозяина подарком такой же ценности. И Афанасий Никитин, лишившийся своих товаров, должен был

воздерживаться от этих похвал.

Шах Феррух-Иессар с досадой узнал, что кайтаки захватили русских купцов, плывших в Ширван. Он немедленно написал кайтакскому князю Алиль-беку:

«Судно мое разбилось под Тархи, а твои люди схватили людей этого судна и товар их ограбили. И ты ради меня людей с судна пришли ко мне и товар их собери, потому что люди эти посланы на мое имя. А что тебе будет нужно от меня, за тем ты ко мне пришли».

Алиль-бек не решился рассердить своего сильного соседа. Кайтаки отпустили путников п вернули их пожитки. Но это были лишь жалкие остатки тех товаров, которые отняли астраханские татары.

Ограбленные русские люди прибрели в Дербент. Многие из них потеряли не только собственное добро, но и товары, взятые в долг. Некоторые не смогли бы отдать долг, даже продав оставшиеся дома пожитки. А по закону, такие должники теряли свободу и попадали в холопы к. заимодавцам.

Товары Афанасия Никитина тоже были взяты в долг. Он не решился возвращаться домой с пустымп руками.

«Мы, заплакав, разошлись кои куды: у кого что есть на Руси, тот пошел на Русь, а кой должен, тот пошел, куда его ноги понесли. Иные остались в Шемахе, а иные пошли работать к Баке», рассказывал потом Афанасий Никитин.

Он направился в Баку. В то время это был небольшой городок. Окрестности Баку были бедны растительностью я выглядели уныло. Но эта голая земля таила в себе богатство: нефть.

Жители Баку и пришлые люди рыли колодцы и ведрами черпали нефть. Ее употребляли как лекарство от ревматизма и чесотки. А во время войны она превращалась в грозное оружие. Перед горящей нефтью не могли устоять деревянные стены крепостей. Во время штурма направляли из особых орудий огненную струю на деревянные укрепления и дома. Вспыхнувший пожар нередко решал судьбу города.

За нефтью приезжали издалека. Нефть наливали в большие кожаные мешки. Неторопливо шагая, верблюды развозили их в разные стороны. А по Каспийскому морю к Баку часто приходили персидские корабли.

Тверская люнета великого князя Михаила Борисовича (1461

—1485).

Афанасий Никитин недолго прожил в Баку. Он упорно думал о том, как вернуться на родину.

Для этого надо было достать деньги на уплату долгов и на обратный путь. В Баку нужны были рабочие, чтобы черпать нефть из колодцев.

Но они зарабатывали мало, а труд был очень тяжел.

Афанасий Никитин был человек очень предприимчивый. Он придумал выход. Переходя перед Астраханью на судно Аеан-бека, Афанасий Никитин не мог перенести туда свой товар, но, повидимому, взял с собой деньги и, может быть, несколько особенно ценных собольих шкурок. Этим нельзя было расплатиться с заимодавцами. Но если бы удалось купить на эти средства такой товар, который очень дорого ценится на Руси, то можно было бы вернуться на родину.

Афанасий Никитин разузнал, чем торгуют в Ширване, и убедился, что здесь нет собственных товаров, которые можно было бы продать на Руси с большой прибылью.

Правда, в Шемахе, вырабатывались шелковые ткани, но они были довольно плохи. А на Руси дорого ценились добротные шелка из персидского города Иезда. И еще дороже ценились жемчуга.

Великий князь Иван III, расчетливо накапливавший богатства в московской казне, старался покупать «гурмызскиˆ верна». Так называли в Москве жемчуга, привозившиеся из далекого города Ормуза, который стоял у Персидского залива Индийского океана.

Расспрашивая купцов, проезжавших через Ширван, Афанасий Никитин мог узнать, что в Ормузе не только жемчуга, но и драгоценные..камни стоят во много раз дешевле, чем в Твери или в Москвет Ои задумал поехать в Персидскую землю — в йезд, а если удастся, направиться через' Персию дальше на юг —

Ни один русский человек еще не совершал такого путешествия. Но ото не смутило Афанасия Никитина. Он был смел, и его тянуло увидеть далекие, неведомые страны.

Афанасий Никитин переплыл Каспийское море на судне, возвращавшемся из Баку в Персию, и остановился в персидском городке. Он прожил здесь полгода и научился за это время объясняться по-персидски.

Потом начался длинный путь по Персидской земле. В одиночку никто не решался’ пускаться в далекое путешествие. Афанасий Никитин присоединился к купеческому каравану.

Неприхотливые выочиые верблюды шли медленно, но как будто не знали усталости. Афанасий Никитин увидел землю, совсем не похожую на русскую.

Нередко на протяжении нескольких десятков верст местность менялась так резко, как будто караван проходил через совсем разные страны. Иногда вместо дороги была тропка, .которая вилась по склону горного хребта. Воздух, очень сухой, очень чистый, был необыкновенно прозрачен, и вершины гор с особенной отчетливостью вырисовывались на синем небе.

Потом день за днем ехали по пустынной серой равнине плоскогорья. Только мелкие сухие кустарники да колючие растения, почти лишенные зелени, видны были с дороги.

Когда спускались в долину, где вилась речка, картина сразу менялась. Маленькие сельские домики с плоскими крышами прятались среди персиковых, миндальных, фисташковых деревьев. Под окнами цвели розы с удивительно тонким ароматом.

Местами дорога проходила мимо тщательно возделанных полей. Афанасий Никитин с радостью смотрел на пшеницу и просо, напоминавшие ему родину.

Одногорбые выочные персидские верблюды были значительно слабее, чем их двугорбые монгольские собратья, служившие татарам. Но и они шли изо дня в день вперед^Нппь немного усту^ пая верблюдам в выносливости, шли вместе с ними серВбjggSgjj& серые ослы, почти такие же сильные, как их дикие родичи, которых в то время еще было в Персии.:

Но пути Афанасий Никитин несколько раз подолгу задерживался в торговых городах^ J3 |р£де он прожил целый месяц.

У персидского города.Со
старинной голландской гравюры.

Уже подъезжая к этому городу, Афанасий Никитин увпдел целые рощи тутовых деревьев. Эти деревья росли и во дворах и в

садах почти у каждого дома. Жители Иезда кормили листвой этпх деревьев шелковичных червей — гусениц бабочки, называющейся тутовым шелкопрядом. Тонкая, длинная и крепкая нить, которую выпускает эта гусеница, обматывая свой кокон, давала шелк, прославивший Иезд далеко за пределами Персии.

В Иезде, как обычно, Афанасий Никитин и его попутчики остановились в караваи-сарае, устроенном для приезжающих купцов. Здесь можно было прожить некоторое время, поставив во ч дворе своих верблюдов, лошадей, ослов и разложив в особых помещениях привезенные для продажи товары.

Караван-сарай находился недалёко*от базара. Как и в других персидских городах, почти вея торговля в Иезде была сосредоточена на базаре.

выставив на продажу готовые туфли, неторопливо шил следующую пару; оружейный мастер, поглядывая на свой товар, отшлифовывал наконечник стрелы; портной шил новый халат.

Здесь длинными рядами стояли открытые лавки. В одних рядах продавали сушеные фрукты, овощи и разные съестные припасы, в других — шелковые ткани, металлические изделия, ковры, домашнюю утварь.

И тут же помещались лавки-мастерские. Сапожник,

Была даже лавочка, в которой продавали рукописные книги, бумагу и чернила. Афанасий Никитин с любопытством смотрел на искусно переплетенные персидские и арабские рукописи, украшенные замысловатыми узорными заставками, концовками и

Лист персидской рукописи XVI века. рИСуНКаМИ-МИНИаТЮраМИ.

Он был любителем чтения, хотя, как все русские люди его времени, читал главным образом церковные книги — псалтырь, часослов, жития святых — и только изредка мог достать немногие повести и сказания, включавшиеся в рукописные сборники. Отправляясь в далекий путь, он взял с собой несколько книг и очень жалел о том, что они пропали около Астрахани вместе с его товаром.

) кдла.

. Персидские и арабские книги были красивы, но незнакомое письмо казалось какой-то смесью волнистых линий и точек.

Афанасий Никитин купил в лавочке только палочку сушеных чернил и немного бумаги для записей в пути.

Старинная персидская ткань.

Из собрания Государственного Исторического музея в Москве

На базаре всегда было много народу. Сюда приходили не только за покупками, но и просто посмотреть, что продают в лавках, потолкаться между людьми, встретиться со знакомыми. И Афанасий Никитин много времени проводил на базаре, присматриваясь к товарам, прислушиваясь к говору толпы, знакомясь с другими приезжими купцами из разных стран.

Он убедился, что шел--ковые ткани в Иезде действительно можно купить по дешевой цене. Но он думал о том, что еще выгоднее было бы достать жемчуга или камни-самоцветы, потому что их легче было уберечь на обратном пути, зашив в одежду. К

тому же при удаче эти драгоценности могли дать еще больше прибыли, чем ткани.

Афанасий Никитин решил ехать дальше — в Ормуз. Караванная дорога из Иезда к побережью Индийского океана ныщ. прямо на юг. /КГ'

Путь был дальний и нелегкий, потому что местами прих< лось ехать по выжженной солнцем песчаной равнине. Зато,: блпжаясь к морю, путники попадали в полосу фруктовых л

2 к далеким берегам 17

Itafice государственная] I детская мбшгека"'" 1

■ №<оо

и финиковых пальм. Финики, очень вкусные и питательные, были здесь необыкновенно дешевы.

«Финиками кормят жпвотп ну», рассказывал потом Афанасий Никитин, вспоминая свой путь.

Караванный путь кончился на морском берегу, в городе Бендере. Недалеко от Бендера, на скалистом, бесплодном островке, стоял прекрасный город Ормуз. На островке была хорошая гавань, но не она привлекала сюда мореплавателей и купцов.

В Персидском зали-

Старннпая персидская ткань. В6, ПОблПЗОСТП ОТ ЭТОГО

Из собрания Государственного Исторического ОСТрОВКа,

НахОДЯТСЯ БаХ-*музея в Ноское.* $p_{e}g_{CKne}$ острова. ОКОЛО

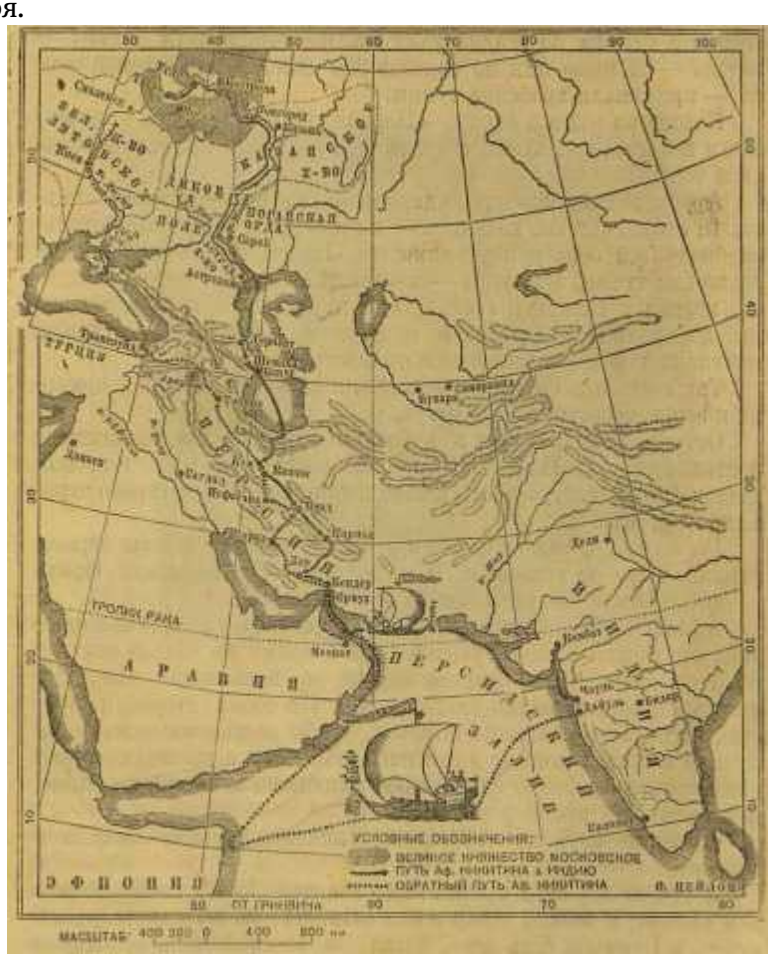
них на дне моря в изобилии водятся раковины, содержащие жемчуг.

Сюда собирались со всех сторон смелые и сильные пловцы — персы, индусы, арабы. Привязав к поясу небольшой мешок для добычи, они бросались с лодок в море и, ныряя, собирали раковины. Потом, когда лодка возвращалась на берег, ловцы вскрывали кривыми ножами раковины и вынимали жемчуг.

Этим людям нужно было удобное, безопасное место, чтобы спокойно сортировать и сохранять жемчужины. Скалистый островок, находившийся недалеко, вполне подходил для этой цели.

Островок был расположен как раз в таком месте, где скрещивались пути из разных стран.

Поблизости, через город Бендер, шел караванный путь, пересекавший Персию от океанского побережья до Каспийского моря.



СХЕМАТИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ПУТИ АФАНАСИЯ

НИКИТИНА.

Прямо с востока по Индийскому океану приплывали индусы. С запада — по морю или по караванным дорогам Аравийской земли — приезжали арабские купцы.

Купцы из разных стран — Персии, Индии, Аравии — приезжали на островок, чтобы скупать жемчуг. Они привозили сюда свои товары.

Арабы везли знаменитые дамасские стальные изделия — кинжалы, сабли, шлемы, кольчуги — и приводили коней, славившихся быстротой бега и неутомимостью. Персы привозили вина и шелковые ткани, а индусы — драгоценные камни, перец, гвоздику, краски и слоновую кость. Даже итальянские купцы, генуэзцы, добирались до Ормуза и привозили туда тонкие сукна, а покупали там драгоценности и пряности.

Так создалась своего рода постоянная международная ярмарка и вырос богатый город Ормуз.

Островок превратился в небольшое государство, платившее постоянную дань Персии. Ормузские власти со всех торговых сделок брали десятую часть в виде пошлины, но зато строго охраняли торговлю.

Город был хорошо укреплен с моря, а многочисленная стража охраняла его от грабежей. И недаром арабы называли Ормуз «Дер-Эль-Аман»— убежище безопасности.

Афанасий Никитин с удивлением смотрел на великолепные дома ормузских купцов, украшенные коврами не только внутри, но и снаружи, чтобы жаркое солнце не накаливало каменные стены. Город был очень благоустроен. По обеим сторонам лучших улиц были постланы циновки, чтобы раскаленные жаркими лучами солнца камни не жгли ноги пешехода, а на перекрестках улиц стояли верблюды с большими кожаными мешками на спине, наполненными пресной водой.

Особенно изумлял Афанасия Никитина размах ормузской торговли.

«Гурмыз же есть пристанище великое. Всего света люди в нем бывают, и всякой товар в нем есть. Что на всем свете родится, то в Гурмызе есть все», писал он впоследствии, вспоминая этот город.

Афанасий Никитин стал разузнавать цены на разные товары. Жемчуг здесь действительно можно было купить дешевле, чем в других местах. Но Афанасий не торопился покупать его.

На восточном базаре.

С арабской миниатюры XIV века

Он любовался алмазами, рубинами и сапфирами, которые привозили сюда на продажу индусские купцы. На вырученные деньги индусы покупали коней и увозили их в Индию. Афанасий Никитин узнал, что в Индии нет своих хороших лошадей. Они, видимо, плохо переносили климат Индии. Попытки развести там хороших лошадей оканчивались неудачей: жеребята рождались вялыми и слабыми.

Индусы запрягали в свои повозки буйволов и быков. Но знатные индусские воины дороже всего ценили быстрых и сильных

коней, которые привозились из Аравии и- Пе$гш. Купив арабского коня в Ормузе, можно было продать его в Индии с очень большой прибылью.

Афанасий Никитин раздумал покупать Ормузский жемчуг. Он решил купить чистокровного арабского коня и отвезти его в Индию, чтобы продать, а на вырученные деньги приобрести драгоценные камни, которые там стоили гораздо дешевле, чем в Ормузе.

В то время на Руси лишь немногие знали, что иа свете есть земля Индия. Только любители знаний читали и перечитывали рукопись, называвшуюся «Сказание о Индийском царстве».

Индийский «царь и поп, над царьми царь», Иоанн, от лица которого велось это повествование, рассказывал о своем государстве: «Царство мое таково: итти в одну сторону 10 месяцев, а на другую неможно дойти: тамо соткнулись небо и земля. Есть у меня в единой стране люди немы, а в иной земле — люди рогаты, а в иной стране — люди о трех ногах, а иные люди

— 9 са-жеи, а иные люди — четвероручиы. А иная у меня земля, в ней же люли полиса, а полчеловека».

Далее рассказывалось, что в Индийской земле есть лютый зверь крокодил и птица, такая большая, что вьет гнездо на пятнадцати дубах. Там течет прямо из рая река Едем, на берегах которой миого драгоценных камней. А царский дворец так велик, что надо пять дней, чтобы обойти вокруг него. Он выстроен из золота и серебра, а внутри изукрашен, как небо, звездами.

Афанасий Никитин п в Персии п в. Ормузе расспрашивал об Индийской земле. Он узнал, что там нет пи рогатых, пи трехногих людей, и н странных существ — полиса, полчеловека. Нет и птицы, которая вьет гнездо на пятнадцати дубах, но лютый зверь крокодил есть на самом деле. Живут там и другие удивительные звери и птицы. Реки Едем, вытекающей из рая, нет, но драгоценных камней действительно много. А о великолепии царских и княжеских дворцов ему рассказали многое такое, что походило на сказку. Афанасия Никитина тянуло побывать в зем-ае чудес — Индии.

Неуклюжее индийское судно, тава, с одной мачтой п одним парусом, отплыло из Ормуза в Индию.

На таве везли коней персидские, арабские и индурские купцы. Среди нпх резко выделялся белизноˆ кожи и всем своим обликом простой русский человек из Твери.

Шел уже третий год с тех пор, как Афанасий Никитин отплыл по Волге из родного города. А он продолжал все больше и больше удаляться от своей земли, направляясь ˆневедомую ему страну.

ill

Маленькое индусское судно, на котором Афанасий Никитин отплыл весной 1469 года из Ормуза, было слишком непрочно, чтобы напрямик пёресечь обширный Персидский залив Индийского океана. Шесть недель шло оно вблизи берега, направляясь в город Чауль, стоявший на западном побережье Индии, немного южнее Бомбея.

Наконец подошли к ■ Чаулю. Вблизи пристани стояли корабли, пришедшие не только из разных городов Индии, но и из Аравийской земли. На берегу толпились темнокожие индусы. Почти все они носили только повязку вокруг бедер. Но эти стройные, по большей час|и красивые люди совсем не походили на дикарей.

Кокосовые пальмы с ветвями, веером раскинувшимися вокруг вершин, манго- — .....иимаць'ши'.

вые деревья с глянцевиты- у „обервяья 11ади11. , МЕСТКОМ ь

МИ, ВеЧНОЗелеНЫМИ ЛИСТЬЯ- Со *старинной голландской гравюры.*

ми и бананы росли вокруг глинобитных домов. Наряду с хибарками, покрытыми пальмовыми листьями, стояли за белыми каменными оградами красивые дома богатых индусов. В разных частях города были видны мусульманские мечети с высокими минаретами. Их позолоченные полумесяцы ярко блестели под солнечными лучами.

Афанасий' Никитин сошел на берег и пошел по городу, держа в поводу коня.

Еще в пути Афанасий Никитин узнал, что в индийских городах есть гостиницы, называемые дхад&а-сала. Вместе с другими приехавшими в Чауль купцами Афанасий Никитин направился в одну из таких гостиниц.

Индусы смотрели на него с удивлением: несмотря на то что Афанасий Никитин загорел под жарким солнцем, он все же резко отличался белизной кожи не только от индусов, но и от приезжих персов и арабов.

«Мужи и жены все черны. Аз хожу куды, ино за мной людей много: дивятся белому человеку», рассказывал впоследствии Афанасий Никитин.

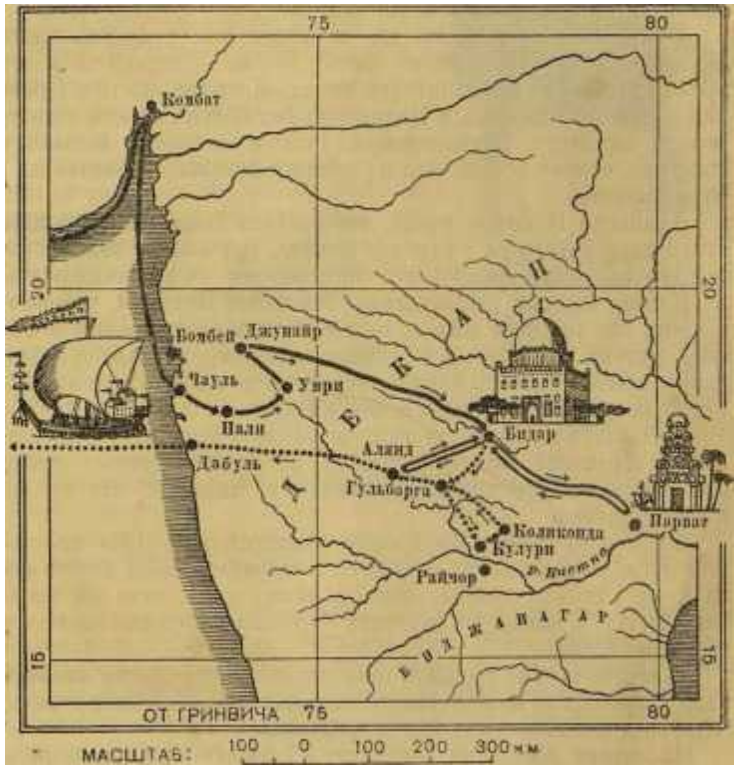
Но даже бежавшие за Афанасием Никитиным голые индусские мальчишки не причиняли никаких неприятностей чужестранцу.

В дхарма-сала Афанасия Никитина приняли наравне с другими приезжими. Каждый путник мог получить здесь постель и воду. За это нужно было платить в день по самой мелкой индусской монете. Особые служанки следили за чистотой, пекли рисовые лепешки и варили путникам обед из риса- и овощей с острым пряным соусом. Неясные бананы и большие сочные кокосовые орехи заменяли завтрак и ужин.

И индусы и приезжавшие в Индию из других стран купцы охотно останавливались в дхарма-сала. Среди купцов, с которыми Афанасий Никитин жил в этой гостинице, были персы, уяее не раз приезжавшие в Индию, которая граничила с их землей. Афанасий Никитин расспрашивал их об Индии. Вместе с тем он старался узнавать и запоминать индусские слова..

Почти каждый день Афанасий Никитин видел что-нибудь новое, о чем никогда не слыхал на Руси. Ему захотелось записать

<



СХЕМАТИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ПУТИ АФАНАСИЯ НИКИТИНА ПО ИНДИИ.

хотя бы немногое из того, что пришлось узнать. Он сделал тетрадку и коротко написал о пережитом в пути. Потом стал время от времени делать новые записи.

Город Чауль находился на западном берегу южной части Индии — Декана. Большую часть Декана объединили в это время султаны из Бахманийской мусульманской династии. Кроме Бахманпйского царства, в Индии был ряд других царств и много мелких княжеств. Бахманийские султаны постоянно воевали с соседями, стремясь завоевать их земли и насильно обратить их в мусульманство.

Афанасий Никитин узнал, что столица Бахманийского царства Бпдар находится в глубине Декана. Там жил не только султан. но и знатнейшие из его придворных и военачальников.

Купцы, которых расспрашивал Афанасий Никитин, рассказали ему, что хорошую лошадь можно дороже всего продать в Би-ларе, потому что богатые и знатные люди, окружающие султана, охотно платят высокую цену за породистого коня. Афанасий Никитин решил итти со своим конем в Бидар.

До Бидара нужно было долго итти по неведомой, чужой земле. Но Афанасий Никитин привык не останавливаться перед

препятствиями. Он недолго оставался в Чауле п направился в глубь Декана.

На этом пути он увидел много удивительного. Даже небольшие леса, встречавшиеся по дороге, выглядели совсем иначе, чем на Руси. Стояли стройные пальмы, между ними густо рос высокий бамбук, а вьющиеся растения — лианы — перекидывались с дерева на дерево.

В листве громко трещали цикады. Эти звуки слегка напоминали стрекотание кузнечиков на тверских лугах, но были гораздо сильнее и раздавались почти непрерывно.

Маленькие обезьянки — макаки — с кошку величиной, но с •очень длинными хвостами и мордочками, похожими на лица старичков, нередко появлялись на вершинах деревьев. Покачиваясь на ветках, они с любопытством смотрели на проезжих и прохожих.

Издавая резкие крики, перелетали с дерева на дерево стайкп попугаев, как будто нарочно раскрашенных в яркие цвета.

Все было необычно для Афанасия Никитина в этой стране.

Конь под седлом.

С персидской миниатюры XV века.

Даже знакомые птицы как будто оделись здесь в другую, праздничную одежду: сороки стали -зелеными, а яркоголубые и из-желта-зеленые голуби встречались чаще, чем сизые.

Афанаеий Никитин шел вперед не торопясь. Он мог бы значительно ускорить путешествие, если бы решился ехать верхом на своем жеребце. Но этот конь был его единственным достоянием. Все надежды Афанаеия Никитина были связаны с ним. Если бы конь пал, неоткуда было бы достать средства, чтобы вернуться на родину. Поэтому Афанасий Никитин, не решаясь утомлять жеребца, заботливо вел его в поводу только по утрам и вечерам, когда было не слишком жарко.

Афанасий Никитин часто останавливался отдохнуть в селениях и маленьких городках, которые встречались по дороге.

Двадцать четыре дня потребовалось, чтобы пройти двести верст до старинного города Джунайра, лежавшего на пути в Бидар.

Джунайр был главным городом одной из больших областей Бахманийского царства. На высоком и крутом каменном холме находилась крепость, в которой жил начальник всех воинов Джунайрской области — Асат-хан. А внизу стояли окруженные садами домики горожан, мастерские и лавки ремесленников. Там же раскинулся базар.

В этом городе Афанасию Никитину пришлось задержаться надолго, потому что вдруг изменилась погода. В пути он почти каждый день видел над собой чистое яркоголубое небо, и жаркие солнечные лучи так нагревали красноватую землю, что она казалась раскаленной. В Джунайре Афанасия Никитина застал период дождей.

В Троицын день, когда на Руси только что начиналось лето и дома украшались молодыми зелеными березками, в Джунайре тучи заволокли небо и нависли над самой землей. Вода хлынула на землю сплошным потоком, который лился, потаи не прекращаясь, и день и ночь. Падая на горячую землю, вода быстро-испарялась, но пар, поднимавшийся кверху, как будто не мог пробить пелену туч. В первые дни после начала дождей было-так душно, что теплый влажный воздух напоминал Афанасию Никитину жарко натопленную баню.

То и дело налетали грозы, и молнии зигзагами освещали небо. Но и гроза почти не освежала воздух. Потом непрерывно ливший дождь стал наконец давать прохладу.

Индусы уже не довольствовались только набедренной повязкой и стали накидывать куски ткани на плечи и голову. Богатые и знатные люди надевали одежду, напоминавшую Афанасию Никитину рубашку и кафтан.

Он сделал запись в своей тетради: «Зима же у них стала с Троицына дня. Ежедеиь —- дождь и день и ночь 4 месяца. А всюду вода и грязь».

Нечего было и думать продолжать путь в такую погоду.

Особенно сильные дожди выпадали в первые два месяца. Потом они стали постепенно стихать. В разрывах между тучами все чаще и чаще стало показываться солнце, й вдруг все зацвело. На зеленых плетях растений, вившихся у стен домов, распустились яркие голубые цветы величиной с голову новорожденного ребенка. Вокруг них летали бабочки величиной с птичку. Их крылья казались выточенными из драгоценных камней — синей бирюзы и краеных рубинов.

Зацвели кусты жасмина, и от их благоухания слегка кружилась голова. По ночам на прудах и речных затонах стали распускаться чудесные белые цветы лотоса. Дожди еще лили, но-солнце быстро подсушивало лужи. Настала индийская весна.

Афанасий Никитин вынужден был прожить в Джунайре два с половиной месяца.

За это время он пережил большую тревогу. Джунайрский военачальник Асат-хан захотел отнять у Афанасия Никитина коня. Афанасий Никитин получил приказ отдать жеребца. Асат-хан,

однако, обещал дать Афанасию Никитину большую денежную награду, если он примет мусульманство.

— А не примешь веру Магомета — и жеребца возьму и тысячу золотых с тебя взыщу, — заявил Асат-хан.

Только случайно Афанасию Никитину удалось найти влиятельного заступника, который уговорил Асат-хана не настаивать на своем требовании.

Афанасий Никитин сохранил православную веру. Но, сделав запись об этом случае, он взволнованно добавил: «Братья русские христиане! Адце[1] кто похочет пойти в Индейскую землю, и ты остави свою веру на Руси, да воскликни — Мехмета, да пойди в Индустанскую землю».

Афанасий Никитин поспешил покинуть Джунайр, как только немного начали подсыхать дороги.

На пути от Джунайра до Бидара часто были видны поля. Налегая на плуг, сделанный из куска твердого дерева с острым крепким сучком, шли за белыми волами пахари-индусы. Они бросали семена пшеницы в пропитанную влагой землю и сажали рис там, где еще не совсем сошла вода.

Жара, которая раньше мешала итти днем, спала. Афанасий .Никитин шел теперь быстрее, чем по дороге из Чауля до Джунайра. За месяц он прошел четыреста верст и в середине сентября дошел до столичного города Бидара.

IV

В Бидаре Афанасий Никитин остановился в гостинице — дхарма-сала. Оставив на дворе коня под надежной охраной, он пошел посмотреть Бидар.

«Город велик, и людей в нем много», записал Афанасий Никитин в своей тетради.

В центральной части города стоял султанский мраморный дворец за высокими белыми стенами с башнями и семью воротами. Около дворца были построены большая красивая мечеть и

важнейшие здания города, Для того чтобы попасть к дворцу султана, нужно' было пройти несколько небольших двориков, отделявшихся друг от друга галлереями с колоннами и выложенных мраморными плитами.

Стены дворца были украшены резьбой и разноцветными

изразцами. У каждых из семи ворот стояла многочисленная стража-и сидели писцы, записывавшие, кто и по какому делу желает пройти во внутренний двор. Они не пропускали бедняков п неизвестных чужеземцев. Но Афанасию Никитину, видимо, удалось пройти и вблизи увидеть дворец султана.

«Двор же его чуден, все на вырезе, да на золоте. И последний камень вырезан, золотом описан чудно», записал Афанасий. Никитин.

Он не раз видел, как юный бахманийский султан со своими придворными дважды в неделю торжественно проезжал по улицам города, Впереди шли многие сотни воинов, слуги вели слонов, наряженных в золоченые доспехи, и коней в золотом уборе. Дальше следовали сто трубачей, а за ними сто плясавших и певших на ходу танцовщиков.

Потом шел один богато наряженный и хорошо обученный слон. Он держал в хоботе цепь и размахивал ею по сторонам, чтобы никто не подходил близко к дороге. А дальше ехал сам юноша-султаи в одежде, изукрашенной яхонтами. На голове его был белый тюрбан, посредине которого сиял очень большой алмаз. Сабля в золотых ножнах опоясывала султана, а седло его было отделано золотом. За султаном следовали жены, которых несли в великолепных носилках — паланкинах, ехали придворные и воины на слонах и конях, покрытых дорогими попонами.

Афанасий Никитин много времени проводил на улицах города, присматриваясь к торговле, разговаривал с, персам и, которых много было среди во.ннов и придворных султана, и расспрашивал о ценах на коней. Лошади действительно стоили здесь дорого: за хорошего арабского коня платили двести, триста, а иногда пятьсот и даже тысячу золотых монет.

Афанасий Никитин не торопился сбыть своего жеребца. Только через несколько месяцев, присмотревшись, как идет торг лошадьми, и хорошо узнав цены, он дорого продал коня.

У стея дворца.

С индийской миниатюры.

Теперь можно было купить драгоценные камни н возвратиться домой. Но вокруг было много удивительного, а Афанасий Никитин любил узнавать новое.

Он еще довольно долго прожил в Бидаре, время от времени вкратце записывая то, что видел и слышал. Ему легко давались языки. Он познакомился со многими индусами, расспрашивал их об Индийской земле и сам рассказывал им о других странах.

«Они же не стали крыта от меня ни о чем: ни о есте ни о торшвле, ни о иных вещах», говорил потом Афанасий Никитин. [2]

От знакомых индусов он узнал, что всем государством правит первый визирь султана Махмуд-Гован, который носил важный титул малик-уттужар — или «маликтучар», как выговаривал Афанасий Никитин.

Поразительны были рассказы о роскоши, в которой жил малик-уттужар. Говорили, что за столом первого визиря обедают пятьсот человек, в его конюшнях тысячи коней и сто слонов, а по ночам его двор стерегут сто воинов в доспехах. Он был начальником всего бахманийского войска и, сверх того, имел двести тысяч воинов под собственной командой.

Афанасий Никитин записал эти рассказы. Его поражало великолепие, в котором жили знатные придворные. Он сравнивал их роскошь с нуждой земледельцев, в бедных глинобитных жилищах которых он не раз бывал на пути в Видар.

«А сельские люди голы велми[2], а бояре пышны велми», записал Афанасий Никитин в своей тетрадке.

Он дружил с простыми людьми и часто разговаривал с ними об их вере. Разобраться в религиях индусов Афанасию Никитину

было трудно.

Султан Декана, вея знать и военачальники были мусульманами. В мечетях ежедневно раздавался возглас:

— Нет бога, кроме бога, и Магомет его пророк!

А в народе крепко держалась старинная вера в множество богов. Индусы продолжали верить в создателя мира — Враму, грозного Шиву и доброго Вишну. Вместе с ним почитали страшную для грешников Кали, жену Шивы, и богиню счастья Лакш-ми, жену Вишны. Были у индусов и другие боги, менее значительные.

Эта религия делилась на множество разных сект.

«А вер в Индии всех восемьдесят и четыре веры... А вера с верою не пьет, не ест и не женится», сделал запись Афанасий Никитин.

Вместе с знакомыми индусами Афанасий Никитин пошел в отдаленную местность Парват, где раз в год происходило празднование в честь бога Шивы.

В Иарват пришлось итти целый месяц. Сюда сходилось и с'1.езжалось множество народа.

Бог Гешша.
Со скульптуры в индийском храме

В дни празднеств здесь открывалась большая ярмарка, на которой шел оживленный торг.

Афанасий Никитин мог найти здесь все товары Индии и к ним прицениться. Но его особенно заинтересовало и поразило то, что он увидел на месте празднества.

В Парвате стояли за каменной оградой индусские храмы с причудливыми изображениями богов, сделанными из камня.

Этих богов Афанасий Никитин называл персидским еловом «бут», а место, где им поклонялись, — «бутхана».

«Вутхана же велми велика, с пел Твери. Вырезаны на ей дела Бутовы», писал он йотом.

Священники — брамины — совершали здесь моления и получали с каясдого приходящего денежный сбор.

Афанасий Никитин с удивлением смотрел на каменного бога Шиву, голову которого обвивали змеи, тоже вырезанные из камня. А второстепенные боги выглядели еще необычнее: у одного был облик обезьяны, у другого — вместо носа хобот слона.

— На Бута сыплют цветы. А перед Бутом стоит вол, вырезан из черного камня, весь позолочен. Его целуют в копыто, сыплют на него цветы,—рассказывал Афанасий Никитин.

Это был священный вол бога Шивы — Нанди.

Афанасий Никитин узнал, что индусы вообще считают быкоз и коров священными животными.

«Вола называют отцом, а корову — матерью», отметил Афанасий Никитин.

З К далеким «е-егам 38 *i*

После празднеств в честь бога Шивы Афанасий Никитин вернулся в Видар. Он сделал в своей тетради запись о том, как ходил с индусам в Парват, и пояснил:

«То их Ерусалим».

Он заметил, что индусы почитают не только волов, но и некоторых других животных.

Обезьяны пользовались почти полной неприкосновенностью. Они нередко безнаказанно целыми стаями делали вылазки из леса на поля маиса и причиняли большие убытки земледельцам.

Афанасий Никитин с наивным доверием отнесся ко всем рассказам об обезьянах.

«А обезьяны те живут в лесу, да у них есть князь обезьянский,

да ходит ратыо своею. А кто их заимает, и они жалуются князю своему. И он посылает на того свою рать», записал Афанасий Никитин.

Даже змеи, вызывавшие у индусов обезьяний бог Гаиумет. суеверный страх, считались священными.

Индийская статуэтка. МнОГИв ИНДУСЫ ТОЛЬКО В СЯМЫХ КраЙНИХ

случаях решались защищаться от них.

«В Бидаре же змий ходит по улицам, а длина — две сажени», записал Афанасий Никитин.

Вероятно, это был удав—питон, может быть принадлежавший какому-нибудь укротителю змей.

Прошел год с тех пор, как Афанасий Никитин приехал в Видар. Он познакомился с купцами, торговавшими драгоценностями. Он исподволь покупал камни-самоцветы, стараясь приобрести их возможно дешевле.

Его тянуло на родину. Но персы, приезжавшие в Видар, рассказывали, что их земля охвачена войной.

Шах Узун-Ас-ан, воцарившийся в северо-западной части Персии, силой оружия подчинял другие области страны, не желавшие его признать.

Путь на Русь был на время закрыт. И в Индии тоже шла война.

На юго-восток от Вахманийского царства находилось другое индийское государство — Биджанагар. Это была гористая страна, покрытая труднопроходимыми лесными зарослями — джунглями — и выходившая к морю.

Корабли Санкара-раджи, владевшего этой землей, часто грабили суда, шедшие в Чауль и другие гавани Вахманийского государства. Малик-уттужар выступил в поход во главе большого войска и одержал победу.

Афанасий Никитин видел торжественное возвращение победителя. Султан выслал навстречу важнейших придворных. Слоны в боевых доспехах, с воинами на спине, десятки тысяч всадников и пешая рать прошли по улицам Бидара под звуки труб и барабанный бой. Победители вернулись с великой добычей: золотом, драгоценными камнями и пленными, которых продавали за бесценок.

А вслед за тем опять началась война, еще более кровопролитная. Бахманийское войско напало на соседнее Биджанагарское царство. Оно было очень богато: в царском дворце хранились мешки с драгоценными камнями и много золота в слитках.

Афанасий Никитин делал в своей тетради записи и о

возвращении победителей и о новом походе: Он приобрел много знакомых среди индусов, но продолжал чувствовать себя чужеземцем в их стране. С каждым днем все острее становилось желание увидеть родную землю.

Ночью Афанасий Никитин выходил из дома и глядел на небо, стараясь отыскать хотя бы звезды, которые случалось видеть на родине: созвездие Большой Медведицы, называвшееся в то время на Руси «Лось», и Плеяды, по-русски называвшиеся «Волошин». Он находил эти звезды, но здесь они выглядели иначе — на темном южном небе казались ярче и крупнее.

Иногда Афанасий Никитин думал о всем том новом и удивительном, что впервые увидел и узнал вдали от родины. Он.

вспоминал высокие пальмы, раскинувшие светлозеленые листья на голубом небе, вновь чувствовал во рту вкус нежных .розовато-желтых бананов и кокосовых орехов, сок которых походил на молоко. Перед глазами вставали пруды, на воде которых цвели большие белые цветы, а на берегу стояли изящные розовые птицы фламинго. Он точно снова видел стройных смуглых девушек из Ормуза с золотыми браслетами на йогах и руках и с .жемчужными серьгами в ушах, мраморные дворцы индусских князей, слонов, важно шествовавших по улицам Бидара.

И вдруг вспоминались песчаный берег Волги, белые с черным стволы молодых березок, синички, перекликавшиеся по утрам на ветках рябины около его дома в Твери, и знакомый с детства запах только что вынутой из печи ковриги черного хлеба. Афанасий Никитин раскрывал свою тетрадку и писал: «Да сохранит бог землю русскую. Боже, сохрани ее. В сем мире нет подобной ей земли».

Подходил к концу второй год после приезда Афанасия Никитина в Бидар. До персов, которых было много в этом городе, •стали доходить слухи, что междоусобная война на их родине начала затихать. Узун-Асан объединил под своей властью весь запад Персии — до берегов Персидского залива на Индийском океане. Путь через эту страну снова стал более или менее безопасным.

Афанасий Никитин решил возвратиться на родину во что бы то ни стало. Он задумал при этом побывать попутно еще в некоторых местах Декана, где добывались п продавались драгоценные камни. Прежде чем направиться к берегу Индийского океана, Афанасий Никитин пришел в город Кулури, около которого находились знаменитые алмазные копи, а оттуда в большой тор-

;ГОВЫЙ ГОРОД КОЛПКОНДУ.

«Тут базар велми велик», сделал он запись в своей тетрадке.

Афанасий Никитин решил возвращаться не через Чауль, а •плыть в Ормуз из большого портового города Дабуля. Там можно было лучше выбрать надежное судно и найти подходящих попутчиков.

Афанасий Никитин долго шел из Бидара, задерживаясь в больших торговых .городах.

Торжественное возвращение победителя.
С индийской миниатюры-

Наконец он опять увидел море, отшлифованные волнами разноцветные камни у воды и рыбаков, тянувших невод, сплетенный из кокосовых волокон.

У пристаней стояли индусские тавы и корабли из других стран: Персии, Египта, Индокитая. А на берегу в зелени садов раскинулся город Дабуль.

Прошло почти шесть лет с тех пор, как Афанасий Никитин отплыл из Твери вниз по Волге. Он жил теперь в Дабуле и готовился к отплытию. Афанасий Никитин навсегда покидал Индию, но попрежнему продолжал интересоваться этой страной и другими землями, лежащими еще дальше к востоку.

Афанасий Никитин записал, что на Индийском море есть большой город Каликут, где дешевы пряности: перец и инбирь, корица и мускат. Это был тот самый город, куда только через двадцать пять лет прибыли корабли Васко да-Гама, первого мореплавателя-европейца, которому удалось доплыть до Индии, обогнув Африку.

Еще дальше лежал богатый остров Цейлон. Афанасий Никитин отметил, что там много драгоценных камней и продаются слоны, цена которых зависит от их роста. А еще дальше, плывя на восток, можно было попасть в Индокитай и, наконец, в Китай. Афанасий Никитин узнал, что там делают и продают фарфор.

В то время не только на Руси, но и в Западной Европе очень мало знали о всех этих странах. Многие сведения, которые записал Афанасий Никитин, были неизвестны и ученым-географам.

В Дабуле Афанасий Никитин прожил недолго. Он нашел судно, отплывавшее в Ормуз, и получил на нем место, заплатив две золотые монеты.

От Дабуля до Ормуза надо было плыть несколько недель даже при благоприятной погоде. Но сильный ветер, подувший от берега, угнал судно далеко в океан. Афанасий Никитин и его спутники долго не знали, куда несут их волны.

— Шел в таве по морю месяц и не видел ничего, — рассказывал впоследствии Афанасий Никитин.

А в начале второго месяца плавания вдруг увидели гористое побереясье северо-восточной Африки. Буря давно стихла, но теперь на смену ей пришла другая опасность. Эфиопы, жившие в этих местах, едва не захватили судно. Были минуты, когда Афанасий Никитин и его спутники теряли надежду на спасение. Они ясно видели грозившую им участь: черные разбойники ограбят корабль, а людей — одних убьют, а других продадут в рабство.

«И тогда все восклицали: боже всевышний, царю небесный, здесь ты нам судил погибнути!» вспоминал потом Афанасий Никитин.

Но от эфиопов удалось откупиться, раздав хлеб и часть товаров. Пять дней провели в страхе около земли эфиопов. Потом поднялся попутный ветер, и опять поплыли к Ормузу.

В этом городе Афанасий Никитин пробыл недолго. Как только нашлись попутчики, с которыми можно было ехать через Персию, Афанасий Никитин отплыл из Ормуза. А потом началось путешествие по уже знакомым караванным дорогам — сперва между рощами финиковых пальм, потом то через пустынные

плоскогорья, то через долины, где в изобилии росли фруктовые деревья.

На этот раз Афанасий Никитин довольно скоро доехал до Иезда. Здесь он провел несколько дней и поехал дальше проясним путем. А потом, вместо того чтобы свернуть к Каспийскому морю, направился в Тебриз, который русские называли обычно Тавриз.

Столица воинственного шаха Узун-Асана находилась в Тебризе. Отсюда Узун-Асан предпринимал один поход за другим. Сюда приезжали послы из соседних стран и иноземные купцы.

Поэтому в Тебризе лучше, чем где бы то ни было, моясно было разузнать, что творится за пределами Персии.

До Афанасия Никитина дошел слух, что астраханский хан Ахмат воюет с московским великим князем Иваном 1П. Дорога на Русь через Каспийское море н Волгу была закрыта для русских людей.

Афанасий Никитин уже знал по опыту долгих странствий, как остороЯшо надо выбирать дорогу через чужие земли. Он хотел узнать в Тебризе, какой путь на Русь считается сейчас самым безопасным.

Афанасий Никитин приехал в столицу Персии летом 1472 года. Уже подъезжая к Тебризу, можно было увидеть, что не случайно здесь вырос один из самых больших персидских городов. 13 плодородной долине между двух горных хребтов было много фруктовых садов, а на склонах гор зеленели виноградники. От речки, протекавшей по долине, отходили небольшие каналы, а от них шла целая сеть канавок, по которым пускалась вода для орошения полей и садов. И в самом Тебризе тоже было достаточно воды для поливки садов.

Над городом возвышались минареты мечетей, стены которых были выложены изразцами и плитами, покрытыми голубой лазурью. А на базарах стояли большие каменные торговые ряды. Здесь продавались самые разнообразные товары — от тканей и оружия до янтаря для ожерелий и духов из роз, которыми славилась Персия. Не случайно один испанский путешественник, побывавший в Тебризе еще задолго до Афанасия Никитина, сделал запись в путевом дневнике:

«Этот город очень велик и очень богат деньгами и товарами».

Шах Узун-Асан летом часто уезжал из Тебриза. Окруженный придворными и знатнейшими воинами, он раскидывал своп великолепный шатер из красного войлока то в одной, то в другой местности. На этот раз двор Узун-Асана находился недалеко от Тебриза.

В городе много говорили о войне, начатой Узун-Асаном против турок, которые завоевали многие земли к западу от

Персии и придвинулись к ее границам. Афанасий Никитин поехал в ставку Узун-Асана.

Афанасий Никитин надеялся узнать там, как выбрать дорогу подальше от мест будущих сражений. «Был в орде 10 дней. Пути нету никуды», записал он, вернувшись в Тебриз.

Афанасий Никитин продолжал часто бывать на базарах Тебриза. Здесь постоянно встречались купцы из разных стран. По большей части это были мусульмане: арабы, татары, таджики. Но иногда тут можно было увидеть и более редких гостей — итальянцев, родом из Генуи пли Венеции.

Эти люди, в плащах из цветного сукна, со шпагами у пояса, подвижные и предприимчивые, говорливые и в то же время деловитые, резко выделялись среди приезжавших в Тебриз иноземных купцов.

Персидский шах.
С персидской миниатюры XVI века

В то время в Италии было много самостоятельных княжеств и две независимые, богатые торговые республики:

Генуя и Венеция. Генуэзцы и венецианцы были мореплаватели и купцы.

Они давно проникли в Черное море и основали свои колонии в Крыму. Русские купцы хорошо знали в Крыму два больших торговых города: генуэзскую Кафу, стоявшую на месте теперешней Феодосии, и венецианский Сурож — на месте Судака. В Москве даже Черное море часто называли Кафинским, а иногда Сурожским.

Генуэзцы из Кафы привозили в Тебриз итальянские изделия и покупали там товары, доставлявшиеся в столицу Персии из разных восточпых стран. Они рассказали Афанасию Никитину, как ехали из Кафы в Тебриз.

Отплыв из Крыма, они переправились на другой берег Черного моря, в город Трапезунд. А оттуда поехали верхом на восток через Закавказье к персидской границе.

Путь по горной стране от Трапезунда до Персии был труден Но опасностей на нем было не больше, чем на всяком другом. Можно было проехать благополучно и провести в целости товар, если ехать не в одиночку и не в ночное время. Да еще нужно было иметь оружие под рукой и быть настороже, проезжая мимо тех горных селений, жители которых смотрели на разбой, как на почти законный промысел.

Афанасий Никитин задумал возвратиться на родину тем самым путем, которым ездили генуэзцы в Тебриз. Он решил добраться через Тралезунд до Кафы. Там легко было найти московских, а может быть, и тверских купцов и вернуться с ними в Русскую землю.

Всадник.

С персидской миниатюры XV века.

Ехать в Тралезунд следовало осторожно, потому что этот город находился в руках турок, с которыми воевали персы.

Трапезунд еще недавно был столицей небольшого греческого государства, называвшегося Тра-пезундской империей. В его гавань приходили корабли из всех стран, прилегавших к Черному морю. Турки захотели овладеть богатым городом. Султан Магомед II, завоевавший в 1453 году Константинополь, через восемь лет захватил и Трапезунд. А потом, постепенно продвигаясь па восток, турки дошли по Армении до персидской границы.

Узун-Асан не стал дожидаться, пока, турки нападут на Персию. У него было двадцать тысяч всадников, вооруженных луками, мечами и небольшими, легкими щитами. Их начальники и знатные воины носили папцыри и шлемы, как средневековые рыцари. А во время войны персидская рать вырастала до сорока тысяч человек. ,

В то время это было большое войско. Но оно не могло, конечно, воевать вдоль всей границы Персидского государства. Узун-Асан напал на турок в одном месте. А в других местах можно, было свободно проехать из Персии в турецкие владения.

Вместе с несколькими спутниками Афанасий Никитин выехал из Тебриза и направился в Трапезунд через Закавказье. Он ехал по горной стране, населенной армянами, мимо высокой горы Арарат, на голой вершине которой лежал снег, а у подножья цвели дикие розы. Нередко приходилось проезжать по горным уступам, рискуя сорваться и скатиться в пропасть.

Верблюд под седлом.

С персидской миниатюры XVI века.

Время от времени встречались армянские селения с домиками, окруженными фруктовыми деревьями. Жители обычно были гостеприимны. Они усаживали путников на ковры, расстилали вместо скатерти кожу, ставили на нее кувшины с молоком, лепешки, яйца, мед, а иногда угощали и бараньим мясом. Но, проезжая мимо некоторых ущелий, приходилось быть настороже, чтоб не напали врасплох грабители.

В начале октября Афанасий Никитин подъехал к Трапезун-ду. Он увидел толстые каменные городские стены с башнями,

построенные от моря в гору по скалистым уступам, а в городе на горе — замок, окруженный еще одними крепостными стенами. Раньше здесь жили трапезундские императоры, а теперь — турецкий паша, правитель Трапезупда.

У пристани стояло судно, которое принадлежало генуэзцу и

должно было скоро отплыть в Кафу. Владелец судна согласился взять с собой Афанасия Никитина за одну золотую монету.

Но Афанасий Ништин не успел сесть на корабль, как появилась турецкая городская стража. Его арестовали и отвели на допрос в замок паши. Турецкие власти узнали, что Афанасий Никитин приехал из неприятельской земли.

Турки заподозрили Афапасия Никитина в том, что он подослан Узун-Асаном. В вещах Афанасия Никитина не оказалось никаких грамот от персидского шаха, но зато нашли драгоценности. Паша и его чиновники отняли у Афапасия Никитина много драгоценных камней, прежде чем разрешили уехать из Трапезунда.

Афанасию Никитину удалось спасти свое добро от эфиопов и грабителей, подстерегавших путников на опасных горных дорогах. А в Трапезунде власти, которые должны были преследовать воров и разбойников, сами обобрали путешественника. На Черном море, как всегда осенью, свирепствовали бури. Только пять дней корабль плыл благополучно к крымским берегам, а потом поднял гя сильный ветер навстречу и погнал его назад к Трапезунду.

Еще дважцы выводили в море, и каждый раз приходилось возвращаться обратно. Лишь в середине ноября судно, на котором плыл Афанасий Никитин, подошло наконец к Кафе.

Афанасий Никитин увидел перед собой большой, богатый город. За высокими крепкими городскими стенами, сложенными из серого камня, стояли красивые дома генуэзских купцов, выглядевшие так, точно их перенесли прямо из Италии на берег Крыма. Широко раскинулись рынки и торговые ряды, возвышались католический собор, православная церковь и татарская мечеть. Афанасий Никитин сошел на берег.

% Вокруг говорили главным образом по-итальянски, но звучала и греческая, армянская, татарская речь. Однажды Афанасии

Развалины итальянских укреплений XIV века в Крыму.

Никитин услышал родной русский язык: по улице шли московские купцы, толкуя между собой о торговых делах. Афанасий Никитин подошел к ним и, едва сдерживая радость, впервые за шесть лет странствий заговорил по-русски.

Афанасий Никитин поселился в том же подворье, где жили русские купцы. Он готов был целыми днями расспрашивать о том, что случилось за эти годы на Руси, и много рассказывал о землях, по которым странствовал. Русские купцы, сами бывалые люди, с интересом слушали его рассказы и с уважением поглядывали на его тетрадь

Афанасию Никитину пришлось прожить в Кафе несколько недель, дожидаясь, пока приезжие русские купцы закончат дела. Они продавали русские товары — собольи, горностаевые и лисьи меха, изделия из кожи, «рыбий зуб», как называли на севере дорогие клыки моржей. А здесь, в Кафе, покупали ткани,

привозившиеся с востока, итальянские сукна, оружие, зеркала и многое другое.

Афанасий Никитин тем временем присматривался к Кафе, о которой не раз слышал еще до своих странствий по далеким землям. Генуэзцы построили этот город еще в XIII веке. Татары, овладевшие почти всем Крымом, не раз убеждались в крепости стен Кафыс Город сохранил независимость, согласившись уплатить татарам часть налогов, которые взимались со всех торговых сделок, совершавшихся в Кафе. А крымский хан обязался пропускать купцов через Крым и не вмешиваться в жизнь города.

Кафа осталась свободным городом. Из Генуи каждый год присылали консула, которому принадлежала высшая власть в Кафе. А другие должностные лица избирались жителями города. Городская стража поддерживала строгий порядок, а воины готовы были занять места в крепостных башнях при первой тревоге.

Крымский хан, соблюдая договор, пропускал купцов через своп земли. Но он почти не имел власти в степях, лежащих на подступах к Крыму. Астраханские татары летом не только кочевали от Волги до Дона, но и переправлялись через него. Татарские всадники рыскали по дорогам, которые вели в Крым. Они часто грабили русских купцов.

«Лихие места!» говорили на Руси о степях перед Крымом.

Монета из города Кафы. На одной стороне надпись «Caffa», на другой стороне имя хана Гярея.

К зиме астраханские татары откочевывали к Астрахани, и пути в Крым становились менее опасны.

«Зимой да весной, доколе снежная вода не пройдет и трава не вырастет, недруги наши в поле не выходят», рассказывали русские купцы, ездившие в Кафу.

Зимний путь через степи был безопаснее, но гораздо тяжелее. После дождей делалась наледь, и лошади спотыкались, а когда выпадал снег, трудно было найти дорогу.

Русские купцы, с которыми встретился Афанасий Никитин в Кафе, не стали задерживаться до весны. Закончив дела, они собрались в дорогу. Из Кафы до Твери можно было проехать в два месяца. Афанасий Никитин с радостью думал о том, что его странствия почти подошли к концу.

«Милостшо божиего переидох[3] три моря», сделал он 'запись. А потом надписал заглавие тетрадки: «Хождение за три моря».

Первое море было Каспийское, второе — Индийский океан, а третье — Черное море.

Афанасий Никитин и его спутники без помех проехали через Крым и прилегающие к нему степи. Потом они свернули на запад — к Днепру. Украинские земли по обе стороны Днепра в то время входили в состав Литвы. Литовский великий князь Казимир IV поддерживал последнего тверского великого князя Михаила Борисовича и враждовал с Иваном III.

Однако не только тверские, но и московские купцы, возвращаясь из Кафы, предпочитали ехать вдоль Днепра, где было много старинных русских городов и сел, а не через Дикое поле, начинавшееся от южной границы Московского княжества и переходившее в степи на подступах к Крыму.

Афанасий Никитин благополучно добрался до Киева н поехал дальше — к Смоленску. Оттуда его попутчики должны были направиться в Москву, а он — прямо в Тверь.

Но Афанасий Никитин захворал в дороге. Он слабел с каждым днем, однако не хотел слечь, чтобы не отстать от спутников.

До Твери, оставалось всего несколько сот верст. Казалось, нельзя не добрести до родного города, пройдя столько земель за тремя морями.

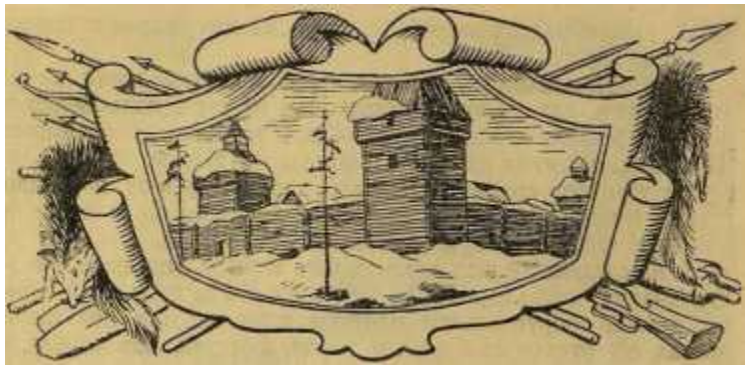
Напрягая последние силы, Афанасий Никитин старался преодолеть слабость. Но болезнь победила в этой борьбе. Он умер, немного не дойдя до Смоленска, от которого считалось меньше трехсот верст до Твери.

Русские купцы обязаны были оберегать имущество товарищей, умиравших в пути. Они выбирали зауморника, который должен был заботиться о вещах умершего.

Зауморник. Афанасия Никитина привез его тетрадь в Москву и передал дьяку великого князя, ведавшему сношениями с иностранными государствами и нуждавшемуся в сведениях о других странах. Затем она попала во дворец великого князя.

С тетради сделали список. Потом рукопись присоединили к летописи, в которую вписывались важнейшие события в жизни государства.

'Так сохранились до наших дней записки Афанасия Никитина, отважного русского путешественника, побывавшего в Индии за четверть века до знаменитого португальского мореплаватели Васко да-Гама.



I? НЕЗНАЕМЫЕ ЗЕМЛИ Г

В конце лета 1632 года к берегу реки Лены, на далеком севере Сибири, пристали лодки. Из них высадились люди в холщовых кафтанах и рубахах, в сапогах, сшитых, как просторный кожаный чулок, завязывающийся ремешками у колена, и в шапках с опушкой из лисьего или беличьего меха.

Между ними были и молодые и пожилые, но все — сильные, крепкие и широкоплечие люди.

Те, кто были постарше, пошли на невысокий пригорок, поодаль от реки, поросший негустым лесом. Осмотрев место, они потолковали друг с другом. Потом вернулись на берег н стали вместе с остальными разгружать лодки.

Из лодок вытащили мешки с мукой, тяжелые ружья — пищали, бочонки с порохом, рыболовные снасти, топоры и котелки. Вместе с пищалями вынесли и большие луки, чтобы стрелять

гусей, уток и мелких зверей, не тратя на них свинец и порох, стоившие дорого.

Подконец выволокли кожаные мешки, в которые клали доспехи, опасаясь, как бы они не заржавели от воды, попадающей в-лодки. В мешках лежали куяки — латы из кованых железных пластинок, нашитых на сукно, и шишаки — шлемы.

На пригорке срубили несколько мелких деревьев, нарубили веток и быстро сделали шалаши. В шалашах постлали на землю-оленьи и медвежьи шкуры, служившие постелями.

А на следующий день стали валить деревья, расчищая широкую поляну, чтобы строить на ней избы. Когда избы были готовы, сделали вокруг поляны плотную изгородь. Для нее взяли бревна, обстругали их с одного конца, заостряя, как стрелу, а другим концом врыли в землю стойком, чтобы через такую стену было трудно перелезть. По четырем углам изгороди поставили деревянные башни с узкими отверстиями бойниц.

Люди, высадившиеся на берегу Лены, были сибирские казаки-Они строили новый укрепленный городок.

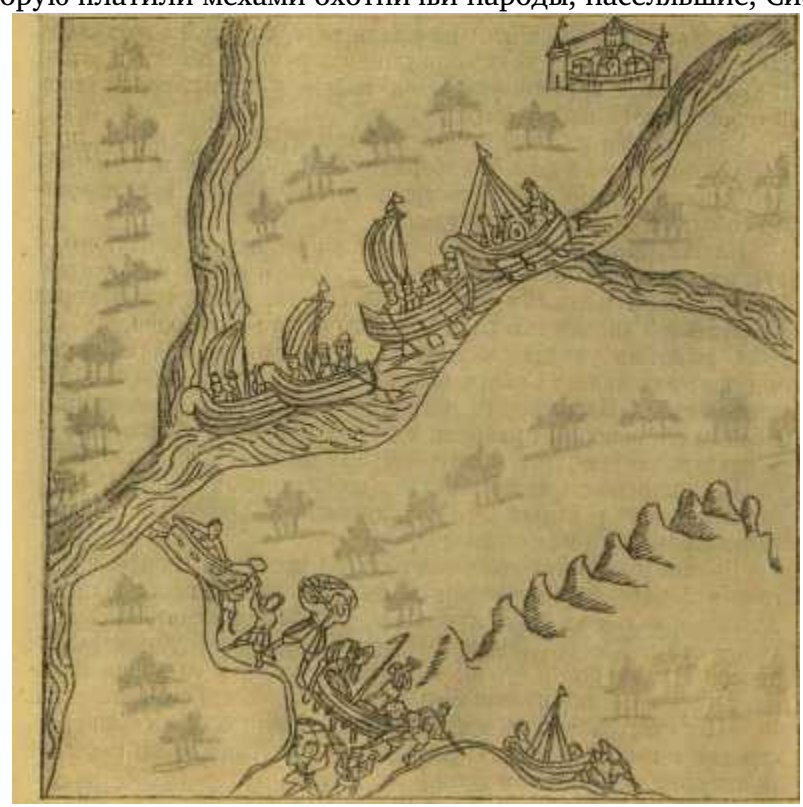
Так возник Якутский острог — городок, который затем стали называть коротко: Якутск.

Новый острог был выстроен в очень холодном и суровом, но богатом крае.

Вокруг Якутска зеленым морем раскинулись леса. В них было много соболей и лисиц, а белки встречались чуть не на каждом шагу. В реках обильно ловилась рыба.

В долине Лены и в других местах, там, где расступался лес, жили якуты. Они имели немало лошадей, коров и оленей, а вместе с тем охотились, добывая пушнину. В лесах кочевали тунгусы, как называли в то время эвенков. Они бродили вслед за стадами диких оленей, с удивительным мастерством выслеживали зверей и птиц, метко стреляли из луков.

Русские овладевали Якутским краем исподволь, но прочно.. В городках Тобольского и Енисейского краев жили служилые-люди — казаки. Они получали от казны жалованье: хлеб, еоль, оружие, порох и свинец. А за это собирали ясак. Так называли подать, которую платили мехами охотничьи народы, населявшие; Сибирь.



Казаки плывут по сибирским рекам.

Миниатюра из

«Кунгурской краткой сибирской летописи», составленной в 1701 году.

Часто несколько десятков казаков собирались вместе и надолго уходили отыскивать места, где еще не бывали русские люди.

— Идем в незнаемые земли. Будем приводить немирных иноземцев под государеву руку, — говорили казаки.

Немирными иноземцами называли всех, кто не платил ясак. Их приходилось подчинять с оружием в руках. Собольи шкурки и другие меха, которые удавалось найти в юртах, доставались в собственность победителям.

Удивительно нежный, пушистый мех лучших, черных с про-седью соболей ценился в Москве, как золото. Собольи меха нередко отправляли в подарок иностранным государям. Цари жаловали соболями бояр за верную службу.

Казаки проплывали тысячи верст по сибирским рекам, среди густых лесов, где было очень много зверей и очень мало людей. Зимой казаки месяцами бродили по снегам, не отступая перед смертельной опасностью ради пушного золота — соболей.

С казаками уходили в далекий путь охотники. Среди них многие приходили в Сибирь из северных русских областей — Архангельского, Вологодского и Новгородского краев. Между ними было много поморов, привыкших не только охотиться в лесах, но и плавать по северным морям, добывая моржей и тюленей.

Пришлые люди часто навсегда поселялись в Сибири. Одни записывались в казаки, другие оставались промышленниками, как называли здесь охотников.

Казаки и промышленники плыли по притокам Енисея на восток и доходили до верховьев Лены. Оттуда они проникали все дальше и дальше в Якутскую землю. К ним присоединялись торговые люди. Топоры, ножи, железные гвозди и другие металлические орудия были нужны обитателям края, в то время находившимся на более низкой ступени культуры, чем русские люди.

«Поначалу якуты за медный котел давали собольих шкурок, сколько в него уложится», рассказывали русские люди, первыми пришедшие в Якутский край.

Купцы спешили попасть в далекие земли, пока там еще не узнали настоящую цену соболей. Те, кто были побогаче, посылали приказчиков с товарами.

В новом, еще не изведанном крае казаки, промышленники и купцы часто делали одно и то же дело. Казаки при случае так лее охотились, как промышленники, и брали па мену мелкие товары. А когда «немирные иноземцы» сопротивлялись, промышленники и торговые люди сражались рядом с казаками.

Битва казаков с иноземцами.
Миниатюра
на
«Краткой сибирской летописи
».

Выстроив Якутский острог, казаки стали быстро покорять Якутский край.

Якуты и тунгусы жили отдельными родами и семьями, которые часто враждовали между собой. Поэтому небольшие казачьи отряды легко подчиняли один род за другим.

Только изредка несколько якутских или тунгусских родов успевали соединиться, чтобы дать отпор. Но у русских людей было огнестрельное оружие — пищали. А якуты и тунгусы имс-.ш лишь луки и копья. Перед боем казаки надевали железные куяки и шишаки, от которых отскакивали стрелы и копья. Только руки и ноги оставались отчасти неприкрытыми. Но раны в эти места не были смертельными. Боль от них лишь увеличивала ярость в борьбе. Пятьдесят казаков разбивали якутское ополчение из шестисот или семисот человек, потеряв только двух или трех убитыми. Победители брали заложников — аманатов — и облагали ясаком их род. Но казаки приносили в новые места и новую культуру. Народы Сибири получали от русских людей промышленные изделия, и начиналось сближение, выгодное для обеих сторон.

Из Якутска казаки стали плавать по Лене и ее притокам,

высаживаясь там, где видели юргы якутов или тунгусов. А уже на другое лето, после того как был выстроен Якутский острог, нашлись люди, решившиеся спуститься по Лене до океана.

На берегу Лены застучали топоры. Общими силами строили небольшие гребные судна — кочи. Они были около двенадцати саженей в длину, имели плоское дно и одну мачту.

— Холста не было — из оленьих шкур паруса делали. Железа не было — камень вместо якоря привязывали. А доски деревянными гвоздями сбивали. — говорили потом казаки.

И хотя льды могли легко раздавить даже крепкое, хорошо снаряженное судно, казаки смело выходили в плавание по Ледовитому океану. От Якутска плыли по Лене почти месяц.

За Якутском тянулись густые леса. Потом деревья становились мельче и все чаще встречался низкорослый кустарник. А вблизи побережья леса исчезали совсем, и начиналась однообразная болотистая тундра, поросшая мхом и другими растениями, едва возвышавшимися над землей.

Летом здесь часто можно было встретить большие стада оленей. Но не ради оленей уходили в опасное плавание казаки и промышленные люди. Они шли морем до устья одной из больших рек. впадающих в океан: на запад до Оленека, на восток — до Яны, Индигирки и даже далекой Колымы.

— На море льды ходят и кочи ломают. Пошли мы, не убоявшись смерти, — рассказывали потом казаки.

Дойдя до речного устья, они поднимались вверх по реке и высаживались там, где можно было встретить еще не обложенные ясаком племена: тунгусов на Олеиеке, юкагиров на Яне, Индигирке или Колыме.

Так же как и в лесах на берегах Лены, здесь было много соболей. А в Ледовитом океане стадами плавали моржи, клыки которых ценились очень высоко, потому что из них можно было делать резные изделия, как из драгоценной слоновой кости.

От тех, кто охотился у побережья, казаки требовали ясак не только пушниной, но и моржовыми клыками— «рыбьим зубом».

Уходя в плавание по океану, казаки не успевали вернуться в •Якутск тем же летом. Осенью они строили избушки где-нибудь на берегу реки, не особенно далеко от устья. Зимой часто кончалась мук! а полярная ночь, длящаяся круглые сутки, мешала, ходить на охоту и ловить рыбу подо льдом. Начинался голод. На другой год казаки, посылая ясак из Якутска в Москву, писали:

«Голод великий терпим, едим сосновую кору, и траву, и коренье, а тебе, государю, прибыль чиним и зимовье на реке поставили».

Так в разных местах, далеко друг от друга, вырастали избушки-зимовья и маленькие поселки за высокими укрепленными стенами — остроги.

Из Москвы стали посылать в Якутск воевод, чтобы наладить управление краем. Воеводы судили, наказывали виновных в преступлениях и следили за сбором ясака. Они назначали в разбросанные по краю острожки управителей, или приказчиков, как их иногда называли. Воеводы сами стали посылать казаков «приискивать» новые земли.

Прошло двенадцать лет после того, как был выстроен Якутск. Казаки уже дошли до устья Колымы, впадающей в Ледовитый океан, далеко на восток от Лены. В 1644 году якутский казак Михайло Стадухин построил Нижне-Колымский острожек. Отсюда считалось около полутора тысяч верст до Якутска. Но уже через два года в новом Нижне-Колымском острожке собралось несколько десятков промышленников и казаков.

Летом промышленник Исай Игнатьев с товарищами вышел в море и поплыл на восток, вдоль незнакомых берегов. На земле давно стаял снег и расцвели бледные северные цветы. А на море лед местами стоял почти сплошным полем, и только у земли оставалась полоса чистой воды.

На берегу большого залива, Чаунской губы, увидели чукчей. На них была одежда из тюленьих и оленьих шкур, а в руках — луки и копья.

Чукчи держались осторожно. Они отбежали, когда русские люди пристали к берегу. Исай Игнатьев и его спутники положили на землю ножи, топоры, бусы и отплыли немного на коче от берега. Чукчи взяли то, что им понравилось, а сами положили свои изделия из моржовой кости и клыки моржей.

Эта мена оказалась выгодной для русских людей. В море у этих мест было много моржей, и промышленники сами добыли много моржовой кости.

— За Колымой-рекой моржового зуба добре много, — говорил Исай Игнатьев, вернувшись в Нижне-Колымек.

Промышленники решили будущим летом плыть в те же места.

В это время в Нижне-Колымск приехал с товаром Федот Алексеев, приказчик богатого московского купца Усова. Федот Алексеев был родом из архангельского города Холмогоры и, наверное, еще в юности плавал на Белом море. Трудное плавание но Ледовитому океану его не пугало.

Летом 1647 года Федот Алексеев присоединился к промышленникам и казакам, когда они вышли в море. Но на этот раз льды скоро преградили путь кочам. Пришлось вернуться ни[1] с

чем.

,Федот Алексеев не емутился неудачей. Надо было сделать новую попытку. Он стал готовиться к новому плаванию, стараясь привлечь побольше людей.

Многие казаки хотели первыми сойти на еще не изведанный берег, в надежде на богатую добычу. Нужно было только найти смелого и бывалого человека, который стал бы их предводителем. Он обязан был и собирать в казну налоги с торговых люден, когда они станут сбывать свои товары.

Федот Алексеев попросил управителя Нижне-Колымского-острога отпустить для этого дела «Казака Семена Ивановича Дежнева.

— Ему дальний путь, да государева служба, да бои с иноземцами за обычай, — сказал Алексеев управителю острога.

Действительно, Семен Дежнев привык стойко переносить-трудности и не отступать перед опасностью.

Дежнев жил в Якутском крае уже около десяти лет. Он был родом из вологодского города Великого Устюга и пришел оттуда в Тобольск, а затем перешел в Енисейск. Его тянуло все дальше и дальше, в еще не изведанные края, богатые пушниной. Он записался в казаки и ушел на Лену, в новый город — Якутск. Отсюда Дежнев ходил по Якутскому краю в дальние государевы службы. Он прошел из Якутска через горы на лыжах к реке Яне, плавал и по Индигирке, и по Колыме, и по Ледовитому океану.

Ему много раз приходилось сражаться с якутами и тунгусами. А однажды он с тринадцатью казаками выдержал осаду в Нижне-Колымском остроге, который окружили пятьсот юкагиров..

Юкагиры пытались взять острог приступом. Они ранили Дежнева стрелою в голову, поранили и других казаков, но были отбиты.

«Многих юкагирей убили до смерти, а многих ранили. Они отошли прочь, убоявшись гибели», рассказывал потом Дежнев..

За десять лет Дежнев получил немало ран: в колено и в бедро, в локоть и в плечо. Да еще прострелили ему насквозь руку и нижнюю часть ноги. В дальнем зимнем пути по пустынным местам он не раз переносил и жестокие морозы и голод. Но раны зажили, а лишения сделали Дежнева еще выносливее ы крепче.

Получая от юкагиров ясак соболями, Дежнев спрашивал:

— Где вы знаете еще юкагирей и иных родов иноземцев, кои русских людей не видывали и ясака не плачивали?

— Анадырь, — отвечали юкагиры.

Дежневу хотелось первым притти на реку Анадырь.

Путь туда был далек и проходил по почти нежилым, незнакомым местам. Но река Анадырь впадала в море, где-то к

востоку от Колымы. Дежнев рассчитывал дойти с Федотом Алексеевым морем до устья Анадыря и подняться вверх по реке, облагая ясаком племена, жившие ра ее берегах.

— Привезу семь, а то п восемь сороков соболей, — обещал

Дежнев целовальнику, ведавшему сбором ясака в Нижне-Колымском остроге.

Получить триста соболей — значило сделать большой вклад в казну. I

Дежнева назначили начальным человеком над казаками, уходящими в плавание с Федотом Алексеевым. Вторым начальным человеком стал другой бывалый казак — Герасим Акундинов.

л

В 1648 году, так лее, как всегда, весна наступила в Нижне-Колымске как-то сразу и скоро сменилась летом. Еще в апреле вокруг острога было белое снежное поле и несколько раз налетали метели. А уже в середине мая солнце светило круглые сутки, и на низеньких деревцах ивы распустились маленькие зеленые листочки.

На Колыме, такой широкой, что расстояние от одного берега до другого считалось у Нижне-Колымска три версты, начался ледоход. Вода стала быстро подниматься, затопляя низкие места. Потом с моря пошла вверх по реке в несметном количестве рыба: сиги, омули, чиры, нельма.

В Нижне-Колымске наступили дни напряженной и в то же время радостной работы. С утра до вечера жители острога закидывали неводы, едва успевая потрошить пойманную рыбу.

Началась и охота на оленей. Они шли громадными стадами из лесов в тундру, поближе к морю, потому что там было меньше комаров и оводов. В тех местах, где стада переплывали реки, каждый охотник легко добывал несколько десятков оленей в день.

Казаки и промышленники, собиравшиеся в плавание, тоже ловили рыбу и охотились, чтобы взять с собой запас вяленой рыбы и сушеного оленьего мяса. Но у них, кроме того, было много и другой работы:, конопатили мхом коми, делали стрелы для луков, замачивали и чинили рассохшиеся за зиму бочки.

Двадцатого июня Семен Дежнев и Федот Алексеев отплыли из Нижне-Колымска. С ними на поиски Анадырской земли ушли девяносто казаков и промышленников. ’

Берег Ледовитого океана вблизи устья реки Колымы.

Для Колымского края это было очень много. На разведку обычно выходили гораздо меньшими отрядами. Повидимому, Дежнев и Алексеев задумали не только найти новую землю, но и сразу в ней закрепиться.

От Нижне-Колымского острога до Ледовитого океана нужно было проплыть меньше двухсот верст. Однако на этом расстоянии местность резко менялась.

У острога еще росли мелкие деревья. На болотистых местах встречались низенькие кустики смородины и голубицы, на сухих попадались брусника и шикша. А за острогом, ближе к морю, растительность сразу становилась гораздо беднее. На берегах было много скал, а там, где земля не была камениста, виднелись кочки, покрытые мхами.

Колыма уже давно очистилась от льда. Однако можно было только гадать о том, что делается на море. Нередко даже в середине лета северные ветры пригоняли к берегу льды, через которые нельзя было пробиться.

На этот раз океан оказался свободным от льдов, и волны •одна за другой с легким шумом набегали на прибрежные камни.

Кочи вышли в море и пошли на восток.

Семен Дежнев и его спутники часто поглядывали на берег, •ожидая, не покажется ли устье большой реки. Берег во многих местах был высок, у моря стояли серые утесы. А там, где их не было, виднелась зеленая кочковатая туН&ра. Нередко сбегали в море небольшие речки, берущие начало в болотах.

Иногда среди мхов и кочек блестели мелкие озера. На них плавали лебеди, гуси и утки. С кочей не раз спускали маленькие .лодки, на которых удобно было подойти к берегу, чтобы

налить речной водой бочки, наловить неводом рыбу и настрелять птиц, совсем не боявшихся людей.

А широкой, полноводной реки, вверх по которой можно было бы далеко подняться на кочах, не видели ни разу.

Льды, преградившие в прошлом году путь Федоту Алексееву, теперь не встречались совсем. Кочи уходили все дальше и дальше на восток. Федот Алексеев и Семен Дежнев плыли туда, где, по их расчетам, должна была течь река Анадырь.

Сами того не зная, они направлялись в те места, о которых с особенным интересом толковали и спорили ученые-географы и моряки в Англии, Голландии и других европейских странах.

До северо-восточного края Азии в то время не доходил еще ни один мореплаватель. Никто ие дошел еще и до северо-западного угла Америки. Ученые предполагали, что Азия и Америка; в этом месте близко подходят друг к другу. Но можно было только гадать о том, соединяются ли они или разделены проливом..

Правда, на старинных картах между этими частями света, наносился пролив, хотя берегам придавались фантастические-очертания. Но этот пролив появился на картах по простому недоразумению. Итальянец Марко Поло добрался в XIII веке до Южного Китая. Он рассказал о китайской провинции Анин, находящейся у морского залива.

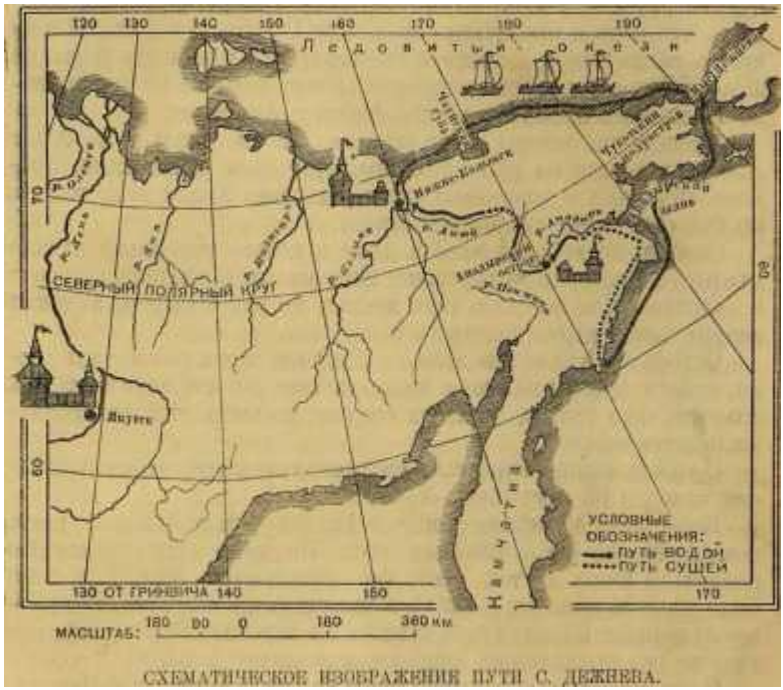
«Этот залив так велик и столько людей там зкивет, что он кажется особым миром», писал Марко Поло.

Земля была еще так мало известна, что географы долго думали, будто те места, о которых говорил Марко Поло, находятся сравнительно недалеко за устьем сибирской реки Оби. Поэтому и на картах стали изображать Аниаискпй пролив, будто бы омывающий северо-восточный угол Азии.

Потом, в 1553 году, англичанин Виллоуби вышел в море с' тремя кораблями, чтобы, обогнув Скандинавский полуостров п пройдя мимо северных берегов Европейской России и Сибири, дойти до Китая.

«Ежедневно помните о великом значении путешествия и а чести, славе, хвале и выгодах, связанных с ним, для блага нашего и нашей державы», писал известный мореплаватель Себастьян Кабот, составивший инструкцию для Виллоуби и его спутников.

со



СХЕМАТИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ПУТИ С. ДЕЖНЕВА.

Английские корабли обогнули Скандинавский полуостров, но не смогли пройти дальше Новой Земли. Виллоуби погиб со всей командой двух кораблей. И только третий корабль уцелел, но .дошел лишь до устья Северной Двины в Белом море.

Английские мореплаватели сделали еще несколько неудачных попыток пройти этим путем. Льды не позволили им дойти даже до устья реки Оби.

Потом смелый голландский моряк Баренц три раза пытался пройти в Китай Ледовитым океаном. Он умер, не дойдя и до берегов Сибири.

Географы и моряки в европейских государствах стали говорить, что нельзя пробиться через льды Северного океана. И в то время, когда Семен Дежнев и его товарищи плыли на кочах по Ледовитому океану, никто из европейских моряков не думал снова попытаться проплыть между Азией и Америкой.

Прошло два месяца с тех пор, как Семен Дежнев и Федот Алексеев вышли из устья Колымы. Три коча с казаками, промышленниками и торговыми людьми все еще плыли мимо голого, по большей части скалистого берега.

Солнце, долго светившее и днем и ночыо, уже давно начало уходить по вечерам за горизонт. Дни быстро становились короче и холоднее. Как всегда в этих местах, не раз в августе начинал вместо дождя вдруг падать снег.

Оттого ли, что ветры дули по большей части со стороны земли, относя льдины далеко в океан, потому ли, что лето

выдалось сравнительно теплое, но льдов все еще не было. И кота продолжали итти вперед.

С каждым днем нарастала смертельная опасность вынужденной зимовки на пустынном берегу.

Надо было возможно скорее дойти до устья большой реки, пока льды еще не остановили кочи. По реке молено было бы подняться вверх до тех мест, где начинаются леса. Там надо-было сделать зимовье и найти в долине реки юкагиров или другое охотничье племя. Тогда удалось бы перезимовать так же, как уже не раз приходилось зимовать в прошлые годы.

Осенью в реках начинался ход рыбы, шедшей в море. Нетрудно было наловить ее столько, чтобы хватило на зиму. После короткой схватки с юкагирами или другими иноземцами молено было бы получить как военную добычу меха и зимние запасы. А торговые люди выменяли бы мелкие товары на пушнину и оленье мясо.

По река Анадырь все еще была где-то впереди.

— Ежели опоздаем к осеннему рыбному промыслу, как бы не? помереть голодною смертью, — говорили на кочах с тревогой.

В конце августа впереди увидели черные скалы. Берег вытянулся далеко в море и как будто закончился крутой горой и.ъ сплошного камня, соединенной с землею низким перешейком.

Дул сильный ветер, тучи низко нависли над водою, темносвинцовое море волновалось. Пена прибоя качалась широкой белой лентой у черной каменной горы, выдвинувшейся в море.

Кормщики крепко сжимали руль в руках, а гребцы налегали на весла, чтобы волны не выбросили кочи на скалистый берег.

За черной каменистой горой берег круто повернул к югу. Сами того не зная, Дежнев и его спутники обогнули северо-восточный угол Азии, до которого тщетно стремились дойти европейские моряки. И высокий каменистый мыс, мимо которого прошел Семен Деяснев, теперь носит его имя.

Повернув к югу, кочи вошли в пролив между Азией и Америкой.

Противоположный американский берег не был виден. Дежнев, и его спутники не могли знать, что плывут между двумя материками. Они видели только два небольших острова, находящихся в северной части пролива.

Кочи подошли к одному из этих островов. На берегу увидели людей, очень похожих на чукчей и одетых в такую же меховую одежду.

— На островах живут люди. Называют их зубатыми, потому что продевают они сквозь губу по два зуба немалых костяных, —

говорил впоследствии Дежнев.

Он думал, что эти люди чукчи. В действительности здесь жили эскимосы, носившие странное украшение: две костяные палочки, проткнутые через нижнюю губу.

Вскоре налетела буря, и коч Герасима Акундипова разбился о прибрежные камни. Людей удалось спасти. Герасима Акунди-иова принял к себе Федот Алексеев. Теперь на его коче плыли вместе торговые люди, промышленники, несколько казаков из отряда Акундинова и единственная женщина, участвовавшая в плавании: якутка, которую взял с собой .Федот Алексеев. А на коче Дежнева плыли остальные казаки и промышленники.

Пустынный берег пролива казался почти непригодным для жилья. Но люди жили и здесь.

С кочей были видны чукотские яранги, сделанные из моржовых шкур, натянутых на китовые кости, врытые в землю. Около них лежали байдарки — легкие кожаные лодки, на которых чук-чн выходили в море, чтобы охотиться на морских зверей и ловить рыбу.

Охота на море, опасная и трудная, закаляла чукчей, воспитыяая мужество и стойкость.

— В бою чукчи много крепче других иноземцев, — утверждали казаки, которым приходилось иметь дело с ними.

Федот Алексеев и Семен Дежнев с товарищами высадились у чукотских жилищ.

«Федота Алексеева чухочьи люди на драке ранили», писал потом Дежнев.

Раненый Федот Алексеев вернулся на свое судно. Кочи пошли дальше, мимо негостеприимной и суровой Чукотской земли.

В конце сентября ветры со снегом перешли в шторм. Маленькие кочи не смогли держаться вместе на разбушевавшемся море.

«Федота со мною, Семейкою, на море разнесло без вести. И носило меня, Семейку, по морю после Покрова богородицы всюду неволею», писал впоследствии Семен Дежнев якутскому воеводе.

Ветры вынесли коч Дежнева из пролива в Тихий океан.

В ночной темноте или в тумане с коча могли даже не заметить большой залив, в который впадает река Анадырь ниже Чукотского полуострова. А через некоторое время волны выбросили судно на каменистый берег. Коч разбился, но люди уцелели.

Земля, на которую они сошли, казалась почти безжизненной. Только местами видна была побуревшая трава и торчали черные прутья кустов, уже потерявших листву. На невысоких голых горах лежал снег, кое-где покрывавший и равнину.

Шел уже октябрь. Нужно было попытаться во что бы то ни стало добраться до большой реки, на берегах которой могло оказаться человеческое жилье.

Семен Дежнев и его товарищи догадывались, что устье Анадыря осталось позади. Они сделали из разбитого судна несколько длинных, узких саней — нарт — и лыжи. Потом нагрузили на нарты остатки провизии, котлы и топоры, пищали, боевые доспехи и все, что можно было взять с собою. А когда выпал снег, впряглись в нарты и пошли без дороги по гористому берегу на север.

Чукчи.

С рисунка из атласа к путегиествию Литке вокруг света.

«А было нас на коче двадцать пять человек. И пошли мы все в гору, сами пути себе не знаем, холодны и голодны, наги и босы». писал Семен Дежнев через несколько лет якутскому воеводе, вспоминая пережитые опасности и лишения.

Семен Дежнев и его товарищи шли десять недель, несмотря на мороз и холодные ветры. Нужны были сверхчеловеческие силы, чтобы семьдесят дней тащить до изнеможения нарты, недоедать, ночевать в ямах, вырытых в снегу, а наутро опять шагать без дороги по снежным сугробам. Несколько человек умерло в пути.

Когда наконец дошли до реки Анадырь, уже скованной льдом, увидели такой же пустынный белый берег, на котором рос лишь невысокий тальник.

В окрестностях не было никаких признаков близости человеческого жилья. Продолжать путь дальше вверх по замерзшей реке, пытаясь найти юрты юкагиров, нехватало сил. Семен Дежнев-; решил строить зимовье.

На берегу Анадыря валялись покрытые снегом большие

деревья, принесенные течением откуда-то сверху еще во время половодья. Из них сложили небольшую избушку. В крыше сделали дыру для дыма, а под нею на земляном полу положили камни для очага. В стене прорубили окошко и вставили в него кусок чистого речного льда вместо стекла.

Дым от дров, горевших на очаге, ел глаза, льдина в окошке едва пропускала свет, но избушка все-таки защищала от ветра и снега, а у огня можно было согреться.

Люди отдыхали, несмотря на голод и тревожные мысли о том, что будет дальше: запасы пищи скоро должны были кончиться.

III

Прошло несколько дней, после того как Семен Дежнев с товарищами добрел до реки Анадырь. Начали заживать стертые ноги, перестали ныть плечи, стала проходить слабость во всем теле, одолевавшая в конце пути.

Чтобы не погибнуть от голода, нужно было найти юрты юкагиров или дойти до лесных мест, где водятся олени.

Промышленник Фома Пермяк с одиннадцатью товарищами, взяв пищали, луки и немного пищи, пошел на лыжах вверх по Анадырю. Семен Дежнев и восемь казаков остались в избушке.

Двадцать дней брел Фома Пермяк с товарищами и не нашел ни юкагирского жилья, ни аргишниц, как назывались тропинки в юкагирской земле. Не было и леса. Только мелкий тальник да кусты ольхи поднимались над снегом.

Изнемогая от голода, пошли назад. Но когда оставалось еще три дня пути, люди совсем потеряли силы. Несколько человек стали копать ямы в снегу. В таких ямах обычно ложились на ночлег двое или трое рядом.

— Пойдемте к стану, к товарищам. Оставаться нам тут нечего, — уговаривал Фома Пермяк спутников.

— С голоду ослабли вовсе. Иттп нет мочи. Проси Семена Ивановича, пусть пошлет, чем бы нам напитатися и к стану добрести, — отвечали ослабевшие.

Только двое пересилили слабость и дошли до избушки с Фомой Пермяком.

Семен Дежнев послал еду и одежду.

«Последнее свое постеленко и одеялишко послал к ним с Фомкою», вспоминал потом Дежнев.

Когда Фома Пермяк вернулся к тому месту, где оставил товарищей, он не нашел никого. Только белая пелена снега была там, где остались девять человек. Фома Пермяк не нашел их тела. И никто не узнал, умерли ли они от истощения в снежных ямах или все-таки побрели к избушке, но от слабости не смогли дойти.

Теперь в избушке на берегу Анадыря осталось всего двенадцать казаков и промышленников. Только они уцелели из девяноста человек, вышедших в море с Семеном Дежневым и Федотом Алексеевым.

Неизвестно, как Дежнев с товарищами сумел пережить зиму. Может быть, им удалось убить нескольких тюленей в Анадырском заливе. Возможно, что они смогли наладить ловлю рыбы подо льдом, не удававшуюся сперва.. Так или иначе, они дожили до весны. А когда начал таять снег, прилетели утки, лебеди, гуси, стало и совсем легко прокормиться.

Потом вскрылась река, и густо пошла к верховьям метать икру жирная красная рыба — кета. Из прутьев тальника сплели ловушки — верши, похожие на длинные, круглые и узкие корзины. Кеты было столько, что едва опускали в воду верши, как рыба набивалась битком.

Люди оправились после трудной зимовки. Семен Дежнев решил плыть вверх по реке до тех мест, где растет лес и живут юкагиры или другие иноземцы. Несмотря на то что русских было всего двенадцать человек, они твердо верили, что в предстоящих схватках победят.

Из валявшихся на берегу деревьев, принесенных водою, сделали лодки и весла. Потом долго плыли по Анадырю, то гребя против течения, то таща лодки лямками.

Чем больше удалялись от устья, тем выше становились тальник и ольха, на берегах. Затем появились береза и осина. Но настоящего леса все еще не было.

Семен Дежнев с товарищами прошел около трехсот верст вверх по Анадырю.

Наконец однажды услышали отдаленный собачий лай и поняли, что недалеко жилье. Тогда вытащили лодки и спрятали их в кустах. Потом надели куяки и шишаки, зарядили нищали и пошли вперед, одинаково готовые и к мирным переговорам и к бод.

На лужайке, недалеко от берега, стояли юрты из оленьих шкур. Здесь жили анаулы — одно из юкагирских племен.

Так. же как и другие юкагиры, они жили родами из нескольких семейств. У большинства были только каменные топоры и ножи. Наконечники для стрел они делали из оленьих костей, а для копий — из каменных осколков. Лишь немногим удавалось достать железо у юкагиров, имевших дело с якутами или русскими людьми.

Выстрелы из пищалей на первых порах приводили анаулов в ужас. И хотя с Дежневым было очень мало людей, анаулы потерпели поражение в первой яге схватке.

Семен Дежнев захватил двух заложников, аманатов, а их родичи обязались платить ясак.

Впоследствии Дежнев рассказал об этом походе в нескольких строчках:

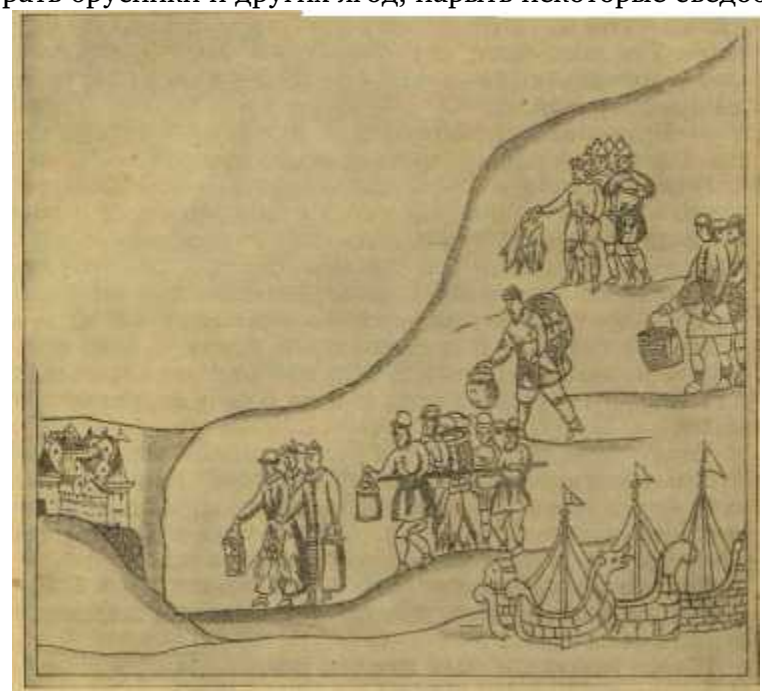
«А осталось нас от двадцати пяти человек всего двенадцать человек. Пошли мы, двенадцать человек, вверх по Анадыре реке и шли до анаульских людей. Взяли два человека за боем и ранили меня смертною раною. И ясак с них взяли».

Рана Дежнева зажила благополучно, и в то же лето он построил зимовье недалеко от того места, где жили анаулы.

Здесь можно было перезимовать, не опасаясь голода, В Анадыре легко было наловить на зиму рыбы, в окрестностях встречались дикие олени.

— Рыбою да зверем можно сытым быть и без хлеба, — говорили казаки.

К тому же осенью можно было запасти и растительную пищу: набрать брусники и других ягод, нарыть некоторые съедобные



Иноземцы несут ягоды, днчь, пушнину в острог.
Миниатюра из «Краткой сибирской летописи
».

коренья, как это делали юкагиры. Обложенные ясаком иноземцы нередко обязывались доставлять эти припасы в новый казачий острог вместе с пушниной.

Но пушнины было немного.

— Соболя нет, живем не у леса, — сказали анаулы Дежневу.

Они действительно жили не охотой, а рыбной ловлей.

Дежнев выяснил понемногу, что леса, в которых много еоболей, находятся не на среднем течении Анадыря, а у его верховьев. Там жили юкагиры, у которых было много пушнины и оленей. Иногда они приходили к анаулам и меняли пушнину на вяленую рыбу — юколу.

— Придут оленные люди, и мы у них соболей на рыбу купим. Тогда вам отдадим, — обещали анаулы Дежневу.

Семен Дежнев и его товарищи зазимовали в новом зимовье. А в Нижне-Колымском остроге в это время казаки и промышленные люди продолжали думать о том, как бы поскорее попасть в новую землю, на далекую реку Анадырь. Никто не знал, что. сталось с Федотом Алексеевым, Семеном Дежневым и их спутниками. Но об этом мало беспокоились: бывало так, что ушедшие в дальние земли казаки и промышленники давали о себе знать лишь через два или три года. И если даже они совсем пропадали без вести, другие уходили вслед за ними и часто возвращались с удачей.

Вскоре после того, как Семен Дежнев вышел в море, в Нижне-Колымск пришел казак Михайло Стадухин. Несколько лет назад он уже побывал здесь с отрядом казаков и положил основание Нижне-Колымскому острогу. А потом ушел в другие места в поисках за иноземцами, еще не обложенными ясаком.

Это был предприимчивый, храбрый и суровый человек. Находя новую землю, он часто действовал самовольно, оставляя себе большую часть добычи.

Однако его походы были полезны казне, потому что из найденной им новой земли начинал поступать ясак.

— Как бы не набрал Михайло таких же отчаянных товарищей, как сам, да не ушел бы в дальние, незнаемые земли без отпуска. Поставит там острожек и заживет на всей своей воле. За полторы либо за две тысячи верст его не достанешь, — рас-суждали якутские воеводы.

И они не требовали, чтобы Стадухин строго соблюдал их указы.

Михайло Стадухин, так же как и Дежнев, уже плавал по всем большим рекам между Леной и Колымой и не раз первым приходил со своим отрядом туда, где еще не видали русских людей. Теперь он тоже задумал итти на поиски реки Анадырь. Лето

том 1649 года Стадухин снарядил два коча и вышел в море. Но на этот раз в море было много льда. Через семь дней льдины преградили путь кочам. Стадухин высадился на берег и встретил здесь людей из какого-то племени, которое он принял за коряков. Они рассказали, что дальше на побережье есть жители — чукчи,

но большой реки нет никакой.

К осени Стадухин вернулся в Нижне-Колымск. А зимой там получились новые вести о реке Анадырь. Казак Семен Мотора ходил с промышленниками вверх по реке Атою, впадающей в Колыму недалеко от Нижне-Колымска. По берегам Ашоя росли леса, в которых было много пушного зверя.

Семен Мотора прошел несколько сот верст по замерзшей реке, пока не увидел на берегу юрты ходынцев, еще не обложенных ясаком. Это было небольшое охотничье племя, родственное юкагирам.

Мотора с товарищами разбил ходынцев и взял в плен их •князька Ангару.

— Есть за каменным хребтом река Анадырь. Подошла она к вершине реки Ашоя близко, — сказал Ангара, когда его стали расспрашивать о новых местах.

Ангару доставили в Нижне-Колымск. Там он и другие пленные подтвердили это показание. Семен Мотора опять собрался в длинный и опасный путь — на поиски Анадыря.

С Моторою решили пойти два казака, один торговый человек и десятка два промышленных людей. Закупили порох и свинец, взяли невод, нитки и иглы для вязания сетей и прочие Припасы, Потом захватили проводника из пленных ходынцев и в начале 1650 года пошли опять вверх по Ашою на нартах, запряженных собаками. После долгого пути добрались до каменистого горного хребта. А перевалив через горы, вышли наконец к истокам Анадыря.

Тогда поняли, отчего так долго не удавалось найти эту реку. Она текла, не на север, как Колыма и другие реки, впадающие в Ледовитый океан и берущие начало на северных склонах гор, а в другую сторону — на восток.

Во второй половине марта у верховьев Анадыря увидели следы оленей и почти занесенные снегом ложбинки от полозьев нарт. Охотники, по едва заметным следам читавшие, как по книге, сказали, что здесь были ходынцы, и отыскали их дорожку — аргпшницу.

— Переняв аргишницы иноземские, пошли в поход за ходынцами. И взяли ходынского мужика в аманаты, именем Чекчо, — рассказывал потом Семен Мотора.

На нартах.
Миниатюра из
«Краткой сибирской летописи
».

Вместе с Чекчо захватили еще несколько пленных. Когда стали требовать у Чекчо ясак, он сказал, что у него есть четыре брата и другие родичи, которые дадут за него соболей. Чекчо согласился послать сына за родичами.

Семен Мотора с товарищами сделал шалаши в лесу и стал поджидать, когда придут родичи Чекчо.

Через два дня услышали собачий лай с той стороны, откуда пришли сами. А когда, схватив пищали, пошли навстречу неизвестным людям, донеслась русская речь.

Михайло Стадухин с товарищами шел на лыжах, а за ними ехали нарты. Стадухин набрал в Ыижне-Колымске отряд, в который вошли казаки, ушедшие самовольно из Якутска, потому что не ужились с воеводами. Это были отважные, но дерзкие люди, не желавшие считаться ни с какими указами. Они всегда готовы были итти в дальние земли, где можно было жить, никому не давая отчета в поступках.

Стадухин взял в Ыижне-Колымеке одного из пленных ходынцев в проводники и вышел со своим отрядом вслед за Семеном Мотором.

Михайло Стадухин не любил делить с кем-нибудь власть в новом крае. Он встретил Семена Мотору враждебно.

— Иди со своими людьми ко мне под мое начало. А не хочешь — заставлю силой. И ясак не дам тебе собирать, — сказал Стадухин.

Мотора не пожелал подчиниться. Михайло Стадухин расположился станом поблизости. А когда пришли родичи Чекчо и стали давать за него соболей Моторе, Стадухин с товарищами начал стрелять из пищалей.

Ходынцы разбежались, оставив только девять собольих шкурок. А еще через несколько дней Михайло Стадухин со своими людьми захватил врасплох Мотору и силой увел к себе.

Девять дней у Моторы вымучивали обещание во всем подчиняться Михайлу Стаду хину. На десятый день Мотора согласился, но, вернувшись к своим товарищам, ушел с ними вниз па Анадырю.

Наступил апрель. Солнце подолгу оставалось на небе. Под его лучами снег на льду Анадыря слегка подтаивал, а потом подмерзал твердой коркой. Нарты легко катились вперед. Уходя е каждым днем все дальше от верховьев Анадыря, Семен Мотора, сам того не зная, шел прямо туда, где Дежнев построил свое зимовье.

В конце апреля они неожиданно встретились. И оба очень обрадовались этой встрече. Теперь Семен Дежнев и его товарищи, пережившие уже две зимы на реке Анадырь, узнали, что есть путь, которым можно вернуться назад в Нижне-Колымский острог.

Семен Мотора привез с собой запас пороха и свинца для пищалей, без которого Дежневу было трудно долго продержаться в чужой земле. А промышленники, пришедшие с Моторой, понимали, что отряд Дежнева увеличивает их силы в далеком Анадырском крае.

— Будем государеву службу отныне служить вместе, — говорили Дежнев и Мотора.

Летом к зимовью Дежнева подошел и Михайло Стадухин со своим отрядом. Он шел по Анадырской земле как завоеватель, нападая на юкагиров и анаулов, встречавшихся на его пути. С тех анаулов, которые уже заплатили ясак Дежневу, Михайло Огадухин взял соболей вторично, перебив всех, кто не пожелал сразу подчиниться.

Дежнев знал Михайла Стадухиима давно. Еще восемь лет назад они ходили вместе в верховья Индигирки, чтоб обложить ясаком юкагиров. Уже тогда они не поладили друг с другом. Дежнев старался не применять жестоких мер без нужды. Их отряд разделился на две части: одни остались под началом у Огадухина, а другие ушли с Дежневым. И теперь оба встретились, как недруги. Дежнев заступился за анаулов.

— Делаешь ты не гораздо, побивая иноземцев без разбору,— сказал Дежнев Михайлу Стадухину.

Семен Дежнев и Мотора вместе имели не меньше людей, чем Стадухин. Но он и его товарищи не останавливались ни перед чем.

«Стал он, Михайло, на нас яриться и всякими обычаями изгонять», писал потом Дежнев якутскому воеводе.

Семен Дежнев и Мотора не хотели, чтобы дело дошло до междоусобной борьбы, и решили уйти в другое место. Они слышали от анаулов, что где-то к югу от Анадыря есть река

Пеижияа, а на ней живут коряки, еще не обложенные ясаком.

Осенью, когда выпал снег, Семен Деяшев и Мотора с товарищами ушли искать Пешкину. Они три недели ходили без дороги по горам и занесенным снегом долинам, но не нашли реку.

«Видя нужную, голодную и холодную смерть, воротились мы назад на Анадырь», рассказывал Дежнев несколько лет спустя.

Между тем на Анадыре анаулы, жившие врозь отдельными родами и семьями, стали соединять своп силы. Они начали сноситься между собою. Как и другие юкагирские племена, анаулы не имели азбуки, но пользовались письмом-картинкой: на куске бересты чертили кончиком ножа карты, изображали юрты, людей, лодки, пересылая таким образом вести друг другу.

Острог у реки.

Миниатюра из «Краткой сибирской летописи».

В Анадырском крае вдруг началась ожесточенная борьба. Анаулы напали врасплох на отряд в девять человек, которых Стадухии послал собирать ясак. И впервые победили: ни один из девяти не вернулся назад.

Наступило трудное время. Теперь и Дежнев е Семеном Моторой и Михайло Стадухин должны были то и дело уходить в

походы.

Хотя русские люди одерживали победу, но она давалась не даром: иногда теряли трех-четырех человек убитыми.

В одном пз сражений погиб Семен Мотора. А Дежнев продолжал нести трудную и опасную службу.

В 1652 году исполнилось четыре года с тех пор, как Дежнев отплыл из Нижне-Еолымска. Он все еще оставался в Анадырском крае. Этим летом Дежнев пошел с отрядом в низовья Анадыря вслед за анаулами, которые откочевали туда, перестав платить ясак. Потом, выйдя к морю, Дежнев с товарищами поплыл в лодках проведать ближайшие берега.

За губою, в которую впадает Анадырь, они вдруг услышали отдаленный глухой рев моржей. Когда подошли ближе, увидели, что длинная каменистая отмель, далеко выдавшаяся в море, вся покрыта моржами.

Среди спутников Дежнева были поморы, с детства ходившие .• на промысел в Белое море:- Но и они никогда не видали столько моржей.

«А зверя на каргу[4] вылегает добре много. На самом мысу вкруг в морскую сторону па полверсты и больше, а в гору сажен на тридцать и на сорок. А весь зверь с воды на землю не вылегал, в море зверя много у берегу», писал потом Дежнев о своем открытии.

На это лежбище моржи выходили не надолго каждый год в конце июня или в начале июля. Некоторые моржи здесь пропадали, и на карге валялись их клыки. Еще больше моржовой кости можно было добыть охотой. Драгоценный «рыбий зуб», за которым промышленники уходили в опасные плавания, здесь сам давался в руки.

Семен Дежнев е товарищами отложил три луда добытой кости, чтобы внести в казну. Потом стали добывать клыки моржей для себя. Перед ними вдруг открылось богатство, как перед золотоискателями, нашедшими залежи золота.

На этот раз они не могли остаться здесь долго, потому что спешили вернуться в свое зимовье на среднем течении Анадыря *к* осеннему ходу рыбы. Без запаса рыбы можно было зимой умереть голодной смертью, от которой не спасла бы дорогая моржовая кость. Но Дежнев стал приходить сюда каждое лето.

Он обнаружил, что лежбище моржей вблизи Анадырского залива знают и коряки, жившие к югу от этих мест и приходившие сюда на охоту.

Семен Дежнев пошел к корякам по их следам, чтобы наложить ясак. Он нашел коряцкие юрты и победил в схватке, хотя коряков было гораздо больше, чем русских людей. Среди

женщин в коряцких юртах Семен Дежнев увидел ту самую якутку, которую взял с собой Федот Алексеев, уходя на поиски устья реки Анадырь.

Дежнев отбил ее у коряков и узнал от нее о судьбе людей, остававшихся на коме, пропавшем без вести. Федот Алексеев и Герасим Акундинов умерли от цынги, многие их товарищи были перебиты коряками, а остальные ушли в море без припасов.

Через многие годы якутские казаки, дойдя до Камчатки, узнали, что когда-то на северной ее стороне жили какие-то русские люди, в конце концов погибшие при столкновении е камчадалами. Возможно, что они были последними спутниками Федота Алексеева, хотя никто не мог сказать это наверняка.

О моржовой карге узнали и товарищи Михайла Стадухина. Они тоже стали приходить сюда на промысел. Отложив часть моржовой кости для казны, они собрались послать ее в Якутск, сообщив, будто сами нашли лежбище моржей на карге около устья Анадыря.

Но Дежнев считал, что эта находка является его заслугой. Он написал челобитную[5] якутскому воеводе. В своей челобитной Дежнев рассказал о том, как, выйдя в плавание с Федотом Алексеевым, добрался до Анадыря, а потом первый открыл каргу е лежбищем моржей.

Семен Дежнев писал, что Стадухин, отправившись летом 1649 года на поиски Анадыря, не дошел даже до «большого каменного носу».

О проливе между Азией и Америкой Дежнев не упоминал. И только много лет спустя, когда в якутском архиве случайно отыскалась челобитная Дежнева, поняли, какое он сделал большое открытие, сам того не подозревая.

Для того чтобы послать в Якутск моржовую кость и накопившийся ясак, Дежнев построил коч на Анадыре. Но выйти в море, чтобы плыть в Ледовитый океан, он все же не решился.

— Вез доброй снасти судовой, без доброго паруса и якоря итти нельзя. Да и иноземцы сказывают: не во все-де годы льды от берегов относит в море, — говорил Дежнев.

Он решил отправить ясак через верховья реки Анадырь. Жившие там анаулы и юкагиры обязались дать оленей, чтобы перевезти кладь через хребет к реке Ашою и доставить в Нижне-Колымск. Приказчик Нижне-Колымского острога переправил в Якутск моржовую кость и ясак, поступивший из Анадырского края.

Якутский воевода получил наконец вести о Семене Дежневе, Мяхайле Стадухине и других казаках, которые уже давно значились отбывшими в дальние службы. Он узнал, что найдена

новая земля, откуда уже поступают в казну моржовая кость и ясак. А из отписок и челобитных, которые прислали Дежнев и Стадухин, он узнал об их походах и распрях.

Воевода послал в Анадырский край новый отряд казаков. А немного погодя потребовал, чтобы Дежнев и другие казаки, уже несколько лет жившие сами по себе в найденной ими земле, немедленно явились в Якутск и дали отчет в своих действиях. Воевода поступил, как полагалось в таких случаях. Казаков, подчинивших новый край, через некоторое время всегда отзывали назад. На их место назначали новых служилых людей с наказом действовать иначе, чем тогда, когда приходилось завоевывать новую землю. Казакам запрещалось обижать племена, с которых собирается ясак. Снабжая их промышленными изделиями и взнмая ясак в размерах не слишком больших, можно было установить достаточно крепкую связь с ними.

В якутскую приказную избу призвали сотника Аммоса Михайлова. Воевода показал ему листок, на котором были грубо начерчены длинная извилистая река, впадающая в море, и ее притоки. Внизу стояла подпись: «Река Анадырь». А затем была сделана приписка:

«Чертеж Айш реки и за Камень и на вершину Анадыру и которые реки впали, большие и малые, и до моря и до той карги, где вылезает зверь».

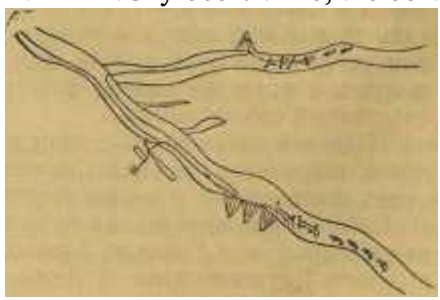
Это была самодельная карта, присланная Дежневым и его товарищами вместе с ясаком. Такие карты нередко чертили и анаулы острием ножа или иглой на кусочке коры.

— Собирайся на Анадырь-реку, — сказал воевода Аммосу Михайлову.

А подьячий прочитал ему указ:

«Юкагпрей и всяких иноземцев, которые по тем рекам живут, приводить иод государеву руку и ясак с их имать ласкою, а не жесточыо, с каждого по его мочи».

В указе говорилось и об открытой Дежневым карге, на которую выходили моржи. Аммос Михайлов и другие служилые люди обязывались половину всей добытой ими моржовой кости отдавать в казну бесплатно, а с остальной платить налог.



В далекий и обширный Анадырский край, который открыл Семен Дежнев с товарищами, пришли новые отряды <• служилых людей.

Семен Дежнев провел в Анадырской земле больше десяти лет. В 1659 году он передал своему преемнику острожек, который построил на реке Анадырь, но не спешил возвращаться. Еще два года он промышлял моржей на карге у анадырского УСТЬЯ Анаульская карта-рисунок

ˆ ' на березовой коре.

Когда Дежнев наконец вернулся в Якутск, он привез много моржовой кости, которую смог продать здесь по дорогой цене, и немало пушнины.

Прошло уже почти двадцать пять лет с тех пор, как Семен Дежнев прпшел в Якутский край.

«Ходил в дальние государевы службы, в незнаемые земли», говорил он о себе, вспоминая прошедшие годы.

За эти двадцать пять лет Дежнев не раз переживал смертельную опасность: и в боях, и в плаваниях по Ледовитому океану, п в походах на лыжах, когда приходилось ночевать в ямах, вырытых в снегу, перенося морозы и бураны.

Молодость Дежнева уже давно прошла, но он все еще был силен и крепок.

Воевода дал Дежневу новую службу: с небольшим отрядом казаков он должен был отвезти в Москву государеву казну — дорогие собольи меха, собранные в уплату ясака, и моржовую кость — «рыбий зуб». Это было трудное, опасное и очень ответственное дело. Путь в Москву длился много месяцев, и надо было быть все время настороже, потому что в глухих лесах, через

которые проходила дорога, скрывались разбойничьи шайки.

Дежнев благополучно довез казну до Москвы и сдал ее в Сибирский приказ.

Сам начальник Сибирского приказа боярин Стрешнев пожелал посмотреть соболей, которых Дежнев привез из Якутска. Когда вскрыли кожаные сумы, в которых была зашита пушнина, один из подьячих взял присланную из Якутска опись. На длинном узком листе бумаги были перечислены по сортам собольи шкурки, а внизу поставлена печать якутского воеводы: орел, схвативший соболя когтями.

Подьячий читал опись, а один из служителей вынимал соболей и, встряхивая, показывал пушистые шкурки. Пушнина оказалась доставленной в полной сохранности.

Сибирский приказ ведал в то время всеми делами по управлению Сибирью — от Урала до Ледовитого океана и самых отдаленных мест Якутского края. А Дежнев мог многое сообщить об .этой земле.

Он рассказывал боярину Стрешневу, как вместе с другими каза'ками плавал по Ледовитому океану и сражался в новых землях один против десятерых. Дежнев вспоминал о том, как волны долго носили его коч по морю и выбросили на безлюдный берег. Оп рассказывал, как, таща нарты, семьдесят дней шел с товарищами по пустынным, занесенным снегом незнакомым местам и нашел наконец реку Анадырь. А потом говорил о том, как открыл моржовую каргу, где добывается теперь тот самый «рыбий зуб», который он привез из Якутска вместе с соболями.

Боярин слушал с любопытством и однажды сказал, что такая служба не должна бы остаться без награды.

Семен Дежнев подал в Сибирский приказ челобитную на царское имя. Дежнев написал о своей долгой и трудной службе в Сибири.

«И будучи на тех твоих государевых службах, в те многие годы всякую нужду и бедность терпел, и сосновую и лиственную кору ел, п всякую скверну приимал», писал Дежнев.

Он жаловался на то, что за последние девятнадцать лет, находясь в дальних землях, не получал из якутской казны ничего, кроме соли, и просил сразу выдать ему жалованье за девятнадцать лет из Сибирского приказа.

Боярин Стрешнев сам доложил челобитную Дежнева царю Алексею Михайловичу.

«За ту его, Сенькину, многую службу, за прииск новых землиц, за его раны, за кровь и терпение дать ему жалованье за девятнадцать лет», повелел царь.

Через несколько дней Дежнев обратился в Сибирский приказ

с новой просьбой. Он писал, что многие годы ходил в дальние земли как начальник казачьего отряда, а числится до сих пор рядовым казаком.

Боярин Стрешнев приказал отписать якутскому воеводе, чтобы Дежневу впредь платили жалованье, как казачьему атаману.

Дежпев мог теперь доживать свои дни в Якутске, не терпя нужды. В Москве были признаны его заслуги. Якутский воевода получил указ поверстать его в атаманы за раны и за «прииск рыбьего зуба».

О том, что Дежнев открыл пролив между Азией и Америкой, в указе не было сказано ничего.

Дежневу было уже около шестидесяти лет, но он продолжал нести службу. В 1671 году его снова послали в Москву, чтобы отвезти собранные в Якутском крае меха. Дежнев доставил государеву казну в Сибирский приказ, но тяжело захворал в Москве.

В Якутск ему не пришлось вернуться. Дежнев умер в Москве в 1673 году.

Великое открытие, которое сделал Дежнев, сам того не зная, осталось незамеченным при его жизни и только много лет спустя прославило его имя.

К AIIU Т АН -КОМАНДОР БЕРИНГ II ЕГО СПУТНИКИ

1

В 1724 году императору Петру, Великому исполнилось 52 года. ,У него еще было немало сил, но они быстро шли на убыль. Он хворал и, точно предчувствуя, что жить осталось недолго, старался осуществить давно задуманные дела, до которых раньше не дошли руки.

Восемь лет назад, когда Петр был за границей, он имел однажды разговор с философом и ученым Лейбницем. ,

— Ваше величество может оказать важную услугу науке. Географы не знают до сих пор, соединяются ли между собой Азия и Америка или разделены водою. Владения вашего величества простираются до крайних северо-восточных пределов Азии. Если соблаговолите послать туда экспедицию, она решит все сомнения. Такое дело было бы важнее всего, что совершили когда-то египетские фараоны для исследования истоков Нила, — сказал Лейбниц.

Вероятно, он думал, что царю будет очень лестно сравнение с египетскими фараонами. Но Петра это мало тронуло.

У Петра в то время на очереди были другие дела. Но он придавал большое значение торговле России е другими государствами и считал нужным завязывать отношения даже с отдаленными странами.

Зимой 1724 года Петр вспомнил об экспедиции, которая могла бы выяснить, есть ли пролив между двумя частями света.

Он подумал, что это дело принесет и практическую пользу.

Русские владения дошли до Тихого океана. Где-то напротив них, может быть совсем близко, лежала Америка. Петр знал, что в Америке есть богатые земли, принадлежащие европейцам. Он хотел узнать, нельзя ли завязать с ними торговлю, выгодную для России.

Царь дал указ Адмиралтейств-кол л era и послать экспедицию, чтобы выяснить, разделены ли Азия и Америка проливом или соединены перешейком. Шестого января 1725 года Петр сам написал краткую инструкцию для командира экспедиции. Царь велел ему построить на Камчатке либо в другом месте на берегу Тихого океана один или два бота. На этих судах следовало итти к северу возле земли.

«Искать, где оная сошлась с Америкою и чтобы доехать до какого города Европейских владений или, ежели увидят какой корабль европейской, проведать от него, как оной кюст[6] называют», писал Петр.

Русские моряки должны были не ограничиваться этими сведе-. пнями, но и побывать в Америке.

«Самим побывать на берегу и взять подлинную ведомость и, поставя на карту, приезжать сюды», было сказано в инструкции.

В Адмиралтейств-коллегии, которая ведала всеми делами, касавшимися русского флота, заседали опытные адмиралы и капитан-командоры.

Они понимали, что царь поставил очень сложную задачу. Моряки, назначенные для участия в экспедиции, должны были

проехать через всю страну от Петербурга до Тихого океана. На его побережье русские люди жили только в четырех-пяти маленьких острогах, находившихся далеко друг от друга, у Охотского моря и на Камчатке. Для того чтобы построить там судно, надо было доставить туда из Петербурга все необходимое — от гвоздей до канатов, парусов и якорей. А дорога туда была очень

Постройка корабля.
С гравюры 1709 года.

длинна и нелегка даже для путников, которые не везли с собой никаких грузов.

Адмиралтейетв-коллегия назначила командором экспедиции капитана. первого ранга Беринга, а его помощниками — лейтенантов Шпанберга и Чирикова.

Капитан Беринг был человек уже не молодой, осторожный и неторопливый. Он основательно и добросовестно делал каждое дело, за которое брался, однако до назначения в экспедицию мало выделялся среди других капитанов его ранга.

Беринг был датчанин и в юности служил на корабле, который плавал из Дании в Индию. Когда Петр стал приглашать на

службу моряков из-за границы, Беринг поехал в Россию. Он приехал в Петербург в 1704 году, на. другое лето после того, как Петр основал этот город.

Русский флот только что начал строиться. На берегу Невы за земляным валом с деревянным палисадом стояло адмиралтейство. Здесь находились верфи и мазанки, в которых помещались склады и мастерские. А недалеко от адмиралтейства, среди лужаек, рощиц и пустырей, были разбросаны только что выстроенные домики и временные бараки.

С тех пор прошло двадцать лет. Петербург превратился в город с прямыми, широкими улицами. А русский флот стал грозной силой. На Кронштадтском рейде;рядом с маленькими шнявами теперь стояли высокие девяиостопушечиые корабли.

«Государи, у коих сухопутное войско есть, а флота нет, одну руку имеют, а владеющие флотом — обе», любил говорить Петр.

Он продолжал строить флот и заботился о подготовке русских морских офицеров.

Когда Беринг приехал в Россию, командирами на русских военных судах обычно были голландцы, датчане и другие моряки, вызванные из-за границы. Через двадцать лет уже половина командиров состояла из русских моряков, и число их непрерывно увеличивалось. Беринг выучился говорить по-русски и сжился с русскими людьми.

Старший помощник Беринга, лейтенант Мартин Шпанберг, тоже был родом датчанин, но не походил на своего соотечественника. Лейтенант Шпанберг был самоуверен, напорист и груб. Зато он был деятелей и настойчив, а эти качества были очень нужны в трудном и далеком путешествии.

Второй лейтенант, Алексей Ильич Чириков, был скромный и серьезный молодой моряк. Он окончил Морскую академию, как называлось военно-морское училище, основанное Петром, и уже сам стал там преподавать, но вдруг получил назначение в экспедицию.

Как почти все русские морские командиры того времени, лейтенант Чириков не раз читал учебник географии Гибнера, переведенный на русский язык и напечатанный по повелению Петра. *У* этой книги было длинное и неуклюжее заглавие: «Земновод-

него круга краткое описание из старые н новые географии». Однако она давала простые и толковые ответы на многие вопросы о разных странах и городах. Но о Сибири в ней сообщались самые сбивчивые и путаные сведения. А на вопрос: «Какие воды около Америки?», следовал ответ: «К северу есть великое мерзлое море и тамо не можно знать, где матерая земля пресекается, ибо ради великой стужи неможно дале пройти».

Корабли перед Петербургом.

С гравюры первой четверти XVIII века.

Теперь Чириков должен был сам отправиться надолго в Сибирь, о которой так мало знали европейские ученые, и установить, где кончается Американский материк на северо-западе.

Чириков был на хорошем счету в Петербурге. Он мог сделать здесь легкую и блестящую карьеру. Приходилось от этого отказаться ради тяжелого, долгого п опасного путешествия. Однако оп принял новое назначение с такой же готовностью выполнить долг, с какою брался за каждое дело.

Адмиралтейств-коллегия постановила послать с Берингом небольшой отряд из тридцати трех человек. В него вошли матросы, плотники, конопатчики и другие мастеровые люди.

К экспедиции прикомандировали гардемарина Чаплина. Как и другие юноши, окончившие Морскую академию, он должен был долго служить в чине гардемарина, прежде чем стать офицером.

Гардемарины приравнивались к солдатам гвардии и исполняли все приказания офицеров, как матросы. Но капитан и лейтенанты обязаны были заниматься с ними в определенные часы, практически подготавливая из них командиров.

«Молодой отрок должен быть бодр, трудолюбив, прилежен и беспокоен, подобно как в часах маятник», сказано было в маленькой книжечке «Юности честное зерцало», напечатанной по повелению Петра Великого, чтобы дать правила поведения молодежи. Чаплин был так деятелен, исполнителен и работящ, как будто никогда не забывал этого наставления.

Из адмиралтейских складов отпустили инструменты, корабельное оборудование и разные материалы, тяжело нагрузив двадцать пять саней.

Двадцать четвертого января обоз экспедиции тронулся *в* путь. А через четыре дня умер Петр Великий. Однако начатое по его повелению дело не остановилось. Растянувшись длинной вереницей, обоз шел медленно, но неуклонно вперед по дороге, которая вела через Вологду, Великий Устюг и Сольвычегодск на Урал, а оттуда в главный город Сибири — Тобольск.

В середине марта Беринг и его спутники прибыли в Тобольск. Здесь жил губернатор, управлявший Сибирью. Его губерния была больше, чем все государства Западной Европы, взятые вместе, но жителей в ней было очень мало. По берегам рек и в= лесах жили и кочевали отдельными семьями и родами остяки, тунгусы и другие коренные обитатели Сибири. В разных местах, от Иртыша до Охотского моря, стояли на большом расстоянии друг от друга русские поселкиˆ городки и остроги.

Только очень немногие города насчитывали несколько сот домов. А маленькие ямщичьи поселки, расположенные в сорока-пятидесяти верстах друг от друга вдоль дороги, которая шла от Тобольска на восток, часто состояли всего из пяти-шести изб. Поэтому перевозить через Сибирь сухопутным путем значительные грузы, для которых требовалось много лошадей,

было почти невозможно.

Приходилось пользоваться тем, что большие сибирские реки — Обь, Енисей, Лена — своими притоками близко подходят одна к другой. На лодках и барках — дощаниках — плыли из

Город Тобольск,

С голландской гравюры начала XVIII века..

Тобольска по Иртышу до реки Оби, потом по одному из ее притоков, впадающих с востока, приближались к Енисею. А затем, проехав несколько -десятков верст по суше, снова долго плыли на восток по притоку Енисея — Верхней Тунгуске.

Так, перебираясь из реки в реку, доходили наконец до верховьев Лены. По ней шел длинный и широкий водный путь через всю Якутскую землю.

Капитан Беринг с командой также должен был плыть пз Тобольска по рекам в Якутск, чтобы оттуда направиться к Охотскому морю.

В Тобольске сибирский губернатор князь Черкасский любезно принял капитана Беринга. Губернатор внимательно прочитал привезенный Берингом сенатский указ, которым местные власти обязывались снабжать экспедицию всем необходимым, оказывая ей всяческое содействие.

— Дам потребный провиант и солдат в помощь вашей команде, — обещал губернатор.

Беринг попытался обстоятельно расспросить его об Охотске и Камчатке, где предстояло построить судно для экспедиции.

«Мы подлинного известия о тамошних краях не имели», вспоминал потом Беринг.

Но сибирские губернаторы по большей части были знатные люди, которые приезжали сюда из Петербурга и не очень долго оставались на этом посту. Губернатор мог сообщить лишь некоторые общие сведения.

— В Енисейске либо в Иркутске и Якутске вам больше скажут. А о многом только тогда уведомитесь, когда на себе испытаете, — говорили в Тобольске Берингу.

Он узнал, однако, что ни в окрестностях Якутска, ни на океанском побережье нет своего хлеба. Экспедиция могла

продлиться три-четыре года и, для того чтобы обеспечить команду, плотников и солдат, нужно было доставить на далекую окраину несколько тысяч пудов муки. Одна только доставка этой муки в края, почти лишенные дорог, связана была с такими затруднениями, о которых Беринг не имел понятия в Петербурге.

Беринг получил лес н людей, которые с плотниками из команды экспедиции стали спешно строить на берегу Иртыша речные суда — дощаники. Губернатор дал Берингу отряд солдат из тридцати семи человек, которые должны были охранять экспедицию и помогать перевозить грузы. Таким- образом, команда экспедиции выросла вдвое.

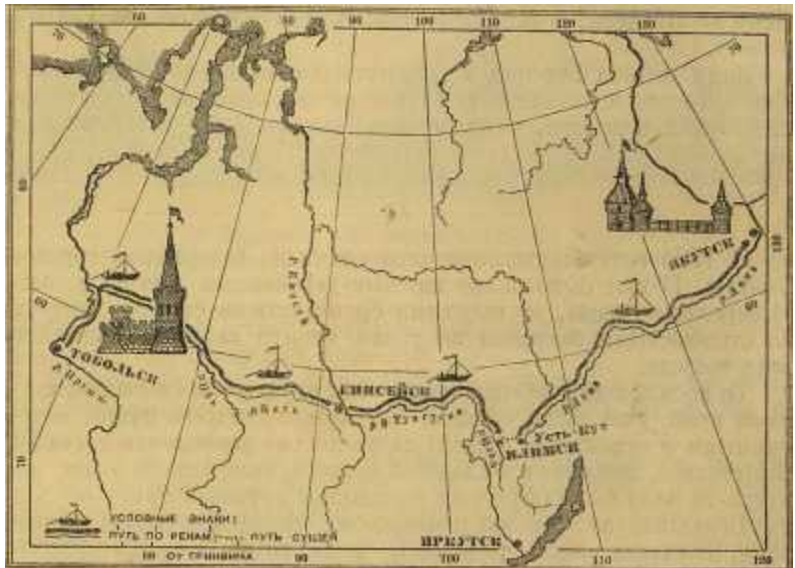
Пятнадцатого мая Беринг и его спутники отплыли из Тобольска. Так начался длинный и трудный путь по сибирским рекам, среди высоких, едва проходимых лесов.

В середине лета добрались до Енисейска, Енисейский воевода должен был дать дополнительный запас продовольствия и тридцать плотников, которых Беринг решил взять с собой, узнав, что корабли для экспедиции придется строить в местности, очень мало населенной.

Пока шли сборы, Беринг и его спутники расспрашивали старожилов, стараясь узнать от них побольше о местах, куда направлялись, и о плаваниях по Ледовитому океану.

С тех пор как Семен Дежнев прошел через пролив между Азией и Америкой, миновало почти восемьдесят лет. Якутские казаки не раз пытались снова- обогнуть на кочах Чукотский полуостров. Но больше никому не удалось это сделать. Льды преграждали путь кочам, не позволяя дойти от устья Колымы до Чукотской земли.

«Необходимый нос», стали называть казаки высокий каменный мыс, который обогнул когда-то Семен Дежнев.



СХЕМАТИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ПУТИ БЕРИНГА ОТ ТОБОЛЬСКА

ДО ЯКУТСКА.

Имя Дежнева забылось. Но смутная память о том, что однажды кто-то прошел морем мимо далекого скалистого мыса, все же осталась. Не только в Якутске, но и в Енисейске знали, что северо-восточный угол Азии омывается морем, хотя никто не мог сказать, когда и кому удалось здесь проплыть.

«Жители сказывают, что прежде сего сим путем хаживали», написал Беринг из Енисейска в Адмиралтейств-коллегию.

Он подумывал о том, не лучше ли попытаться повторить такое плавание по Ледовитому океану. Но план экспедиции, намеченный Петром, не изменился. Попрежнему надо было плыть по

Лене до Якутска, а оттуда направиться через Охотск к Тихому океану.

Зима застала Беринга и его спутников недалеко от верховьев Лены. Только в начале лета 1726 года они прибыли в Якутск на дощаниках и лодках, которые построй ли,,за зиму для плавания! по Лене.

II

В 1726 году Якутск считался одним из важнейших городов Сибири. В нем было около пятисот деревянных домов и изб.

В середине города, за высокими бревенчатыми стенами острога со сторожевыми башнями по углам, стояли казенные здания и жил воевода.

То время, когда небольшие казачьи отряды завоевывали Якутский край, уже давно прошло. Только семь старых пушек е

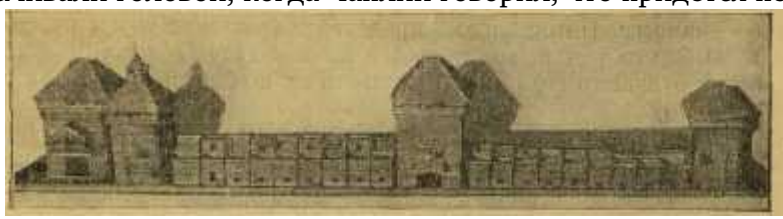
чугунными и каменными ядрами да несколько заржавевших куяков и шишаков, лежавших в кладовой острога, напоминали о том, что когда-то надо было опасаться нападения якутов и тунгусов.

Большинство жителей попрежнему составляли служилые казаки. Это были уже не те вольные люди, которые надолго уходили в неведомые земли и, покоряя охотничьи племена, сами, часто действовали, не подчиняясь воеводам.

Почти все казаки уже имели свои избы, лошадей и коров; уезжая для сбора ясака и по другим служебным делам по воеводскому указу, служилые теперь торопились вернуться домой.

Гардемарин Чаплин, посланный с несколькими солдатами на легкой лодке вперед, чтобы заранее приготовить все необходимое, приплыл в Якутск раньше Беринга. Чаплин привез указ о содействии экспедиции.

Началась хлопотливая подготовительная работа. В разных направлениях выехали из города казаки, чтобы закупить у якутов шестьсот лошадей для экспедиции и скот на мясо. В воеводской канцелярии стали составлять списки казаков, которых можно послать в Охотск с грузами экспедиции. Но даже бывалые люди, немало пережившие трудностей на своем веку, с сомнением покачивали головой, когда Чаплин говорил, что придется пере-



Городская стена Якутского острога.
С модели Государственного Исторического музея.

везти в Охотский острог несколько тысяч пудов провианта и оборудование для постройки кораблей.

Капитан Беринг, прибыв в Якутск, поспешил к воеводе, чтобы лучше разузнать о дороге в Охотск и ускорить подготовку к пути.

— От Якутска до Охотска тысяча верст. Дорога весьма трудна. Ни летом телегами, ни зимой санями нельзя проехать. Земля гористая да болотистая. Токмо верховые и вьючные лошади могут тем путем пройти, да и из них иной раз пропадает большая часть, — сказал воевода Берингу.

Он предупредил Беринга, что на каждую лошадь можно навьючить не больше пяти пудов, в двух кожаных сумах одинакового веса, перекинутых через спину.

— Мы с собой везем и паруса, и якоря, и канаты, и четыре

малые пушки — Фальконеты. Без них военный корабль снаряжать не полагается. Да и многий иной наш груз никак в сумы не положишь, — ответил Беринг.

— Таковую тяжесть надо послать иным путем. Да он еще длинней и трудней гораздо, — сказал воевода.

Оказалось, что громоздкие и тяжелые грузы нужно сплавлять на дощаниках и лодках вниз по Лене до того места, где впадает в нее река Алдан, текущая с востока. Там предстоит тащить с уда лямками вверх по Алдану до его восточного притока Маи. Затем ладо будет итти на восток вверх по рекам Мае и Юдоме до места, яде стоит большой деревянный крест, а около него пустая избуш-

ка — зимовье. Потом, зимой, придется перетащить грузы нартами до берега речки, впадающей в море вблизи Охотска. Только весной будущего года можно сплавить по ней грузы на плотах в.

ОХОТСК. *[/*

Почти весь путь шел по нежилым местам.

Беринг понял, что пройти тысячу верст до Охотского острога будет гораздо тяжелее, чем восемь тысяч верст от Петербурга до Якутска, хотя эта дорога продолжалась полтора года и далась нелегко. Надо было возможно скорее итти дальше, чтобы добраться до Охотска, пока не наступила зима. Но оказалось, что нехва-•гает людей, чтобы сопровождать через горы и болота шестьсот ныочных лошадей. Еще хуже обстояло дело с гребцами. Грузы экспедиции занимали много дощаников и лодок. Для того чтобы доставить эти грузы в Якутск с верховьев Лены, нужно. было-меньше людей, потому что плыли вниз по реке, а не против течения. И все же приходилось с большими усилиями вербовать, крестьян в деревнях, расположенных у реки, на помощь команде.

— В городе служилых мало. Все на службах, — отвечал вое-, вода на требования Беринга.

Только после настойчивых уговоров, просьб и угроз удалось, получить около ста казаков.

В начале июля из Якутска отплыли тринадцать тянуло нагруженных дощаников и лодок под командой лейтенанта Шпал--берга. Стали отправлять в Охотск и вьючных лошадей с кожаными сумами, набитыми мукой и разными мелкими грузами.

Отправив вперед большую часть лошадей, Беринг в середине-августа выехал верхом в Охотск с гардемарином Чаплиным. Дорога оказалась еще труднее, чем он думал, слушая рассказы о-пей в Якутске.

Едва заметная тропка шла через леса, горы и болота по таким местам, где не встречались даже бродячие охотники-тунгусы. Нередко приходилось ехать по крутому склону горы, все время

опасаясь, как бы не оступилась лошадь. А спустившись с-горы, надо было перебираться через поросшие мхами болота. Лошади то и дело проваливались по брюхо. Надо было развьючивать их, вытаскивать и навьючивать опять, не обращая внимания; на усталость.

г

«Не раз бывало: провалится лошадь в болото, и вытащить никакими силами невозможно. Так и засасывало ее с головою», рассказывали потом служилые, вспоминая этот путь.

Иногда утром долго ехали по такой грязи, что кони е трудом вытаскивали из нее ноги, а к вечеру приходилось карабкаться по голому, каменистому горному хребту.

Коренастые,. хорошо упитанные якутские лошадки начали уставать. На боках под кожей проступали ребра. Упав, лошадь долго не могла встать. Потом кони стали издыхать один за другим. Из шестисот с лишним коней, вышедших из Якутска, добралась до Охотска только половина.

Беринг провел в пути полтора месяца. Он приехал в Охотск осенью, когда уже начал падать первый снег. Измученные дорогой люди из команды Беринга должны были сразу приняться за работу. Нужно было строить зимние бараки и амбары для грузов. В Охотске оказалось всего около десятка изб, и негде было разместиться. А для лошадей не было сена. В конце концов они погибли все, кроме четырех.

Путь лейтенанта Шпанберга по рекам был еще тяжелее. Только несколько дней плыли вниз по Лене до устья Алдана. А потом люди брели без дороги по берегам Алдана и Маи, таща, па лямках против течения рек дощаники и лодки.

Обувь скоро изорвалась о прибрежные камни, лямки до крови натирали плечи. Ноги распухали и покрывались ранами. Но нужно было итти, не поддаваясь усталости.

Лейтенант Шпанберг не терпел жалоб.

— Запомните накрепко, что в морском уставе сказано: «Ежели определена будет какая работа рядовым, кроме настоящей их корабельной службы, тогда должны они без всякой оговорки оную выполнять под штрафом лишения живота[7] или иным жестоким наказанием, но силе вины смотря», — говорил Шпанберг команде.

По его приказу не раз билн батогами и плетками с узелками на концах — кошками — тех, кто решался роптать.

И все же, коґх ударили морозы, оставалось еще больше че-

тырехсот верст до Юдомского Креста. На реках начался осенний -ледоход. Пришлось вытащить на берег дощаники й лодки.

Лейтенант Шпанберг приказал плотникам сделать девяносто нарт. На них положили грузы экспедиции. Уже измученные люди впряглись в нарты п потащили их дальше по гористому берегу Юдомы.

Наступил ноябрь. Морозы с каждым днем становились крепче. Ночевать приходилось под открытым небом, прячась от ветра в ямах, вырытых в снегу. К тому же кончились припасы. Когда попался труп одной из лошадей, брошенных Берингом по пути в Охотск, люди стали есть падаль. А Шпанберг требовал, чтобы <шли вперед и тянули нарты из последних сил.

«Идучи путем, оголодала команда. И от такого голода, ели. лошадиное мертвое мясо, сумы сыромятные и всякое сырье, кожи, платье и обувь кожаную», писал впоследствии Беринг о команде лейтенанта Шпанберга.

Люди падали и умирали от истощения.

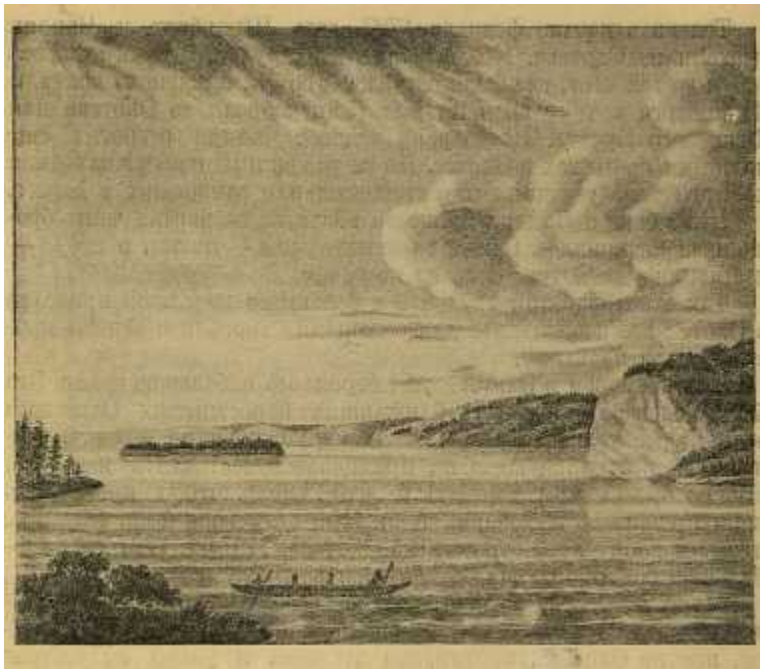
Некоторые решались на побег. Они уходили ночью, тайком, на лыжах, надеясь добраться до Якутска, пройдя несколько сот верст по безлюдной, гористой, покрытой снегом стране. Сколько из них погибло на этом пути, не знает никто.

В конце концов Шпанберг должен был признать, что человеческие силы имеют предел. Сорок нарт бросили у устья реки 1'орбеи, впадающей в Юдому. С ними остались и несколько человек, надеясь дождаться, пока придет помощь. Потом бросили еще двадцать нарт. И только меньшую часть груза удалось дотащить .до Юдомского Креста.

Капитан Беринг по пути в Охотск приказал сложить в пустой избушке, стоявшей у Юдомского Креста, сумки с мукой, снятые е павших вьючных лошадей.

Лейтенант Шпанберг и те люди из его команды, которым удалось добрести до Юдомского Креста, смогли немного подкрепить здесь силы.

Но для некоторых, совсем обессилевших спутников Шпанбер-- га эта возможность пришла слишком поздно. Около высокого деревянного креста на берегу Юдомы появилось несколько безыменных могил.



Река Алдан.

В декабре капитан Беринг послал из Охотска навстречу Шпанбергу служилых с провиантом на нартах, запряженных собаками.

Нарты прибыли к Юдомскому Кресту, когда Шпанберг уже был там. Лейтенант немедленно выехал в Охотск. Выслушав рапорт Шпанберга, Беринг решил послать гардемарина Чаплина с большим отрядом служилых под командой Шпанберга, чтобы подобрать людей, отставших в пути, и привезти брошенные грузы.

Пока доставали собак и оленей у стоявших в окрестностях Охотска тунгусов — ламутов, прошло немало времени.

Только в начале февраля 1727 года Шпанберг и Чаплин выехали из Охотска. После долгого и трудного пути удалось дойти до тех мест, где были оставлены грузы. Многие из команды Шпанберга к тому времени уже сами добрели до Охотска или Юдомского Креста. Нескольких человек Чаплин встретил ещё идущими на лыжах в Охотск. Но не раз он и Шианберг находили на пути тела умерших от истощения или замерзших в дороге.

Шианберг и Чаплин привезли в Охотск на нартах часть брошенных материалов. Самые тяжелые грузы — пушки и якоря — доставили уже. летом, сплавив по рекам.

Так с величайшим трудом и с большими жертвами привезли в Охотск все необходимое для оснащения корабля и запасы провианта для плавания.

Тем временем в Охотске уже строилось небольшое судно. Это

была нелегкая работа. В ближайших окрестностях Охотского острога рос только мелкий лес. Большие, крепкие деревья, годные для постройки корабля, приходилось доставлять издалека. Нужно было самим добывать в лесу смолу, чтобы просмолить корпус судна во избежание течи. При этом надо было спешить, чтобы к концу лета отплыть из Охотска. В нюне 1727 года небольшой бот «Фортуна» был спущен на воду.

Море, на берегу которого был выстроен Охотский острог, далеко врезалось в сушу, как огро.миый залив. На другой его стороне, против Охотска, протянулся длинный и узкий полуостров Камчатка,

Для того чтобы плыть к северу вдоль берега Азии, корабль Беринга должен был выйти из Охотского моря, обогнув Камчатку. Земля эта была в то время очень мало известна, но знали, что ее длина около восьмисот верст.

Недалеко от мыса Лопатки, которым оканчивается полуостров Камчатка, начинается цепь скалистых Курильских островов. В середине пролива, между Лопаткой и ближайшими из этих островов, находились подводные камни.

— Морем иттп вокруг Камчатской земли гораздо опасно, — говорили Берингу жители Охотского острога.

Б Камчатской земле стояли на большом расстоянии друг от друга три маленьких острога, в которых жили казаки, собиравшйе ясак е камчадалов. Раз в год из Охотска отплывало туда небольшое судно, чтобы отвезти казакам разные припасы и товары и взять собранный ими ясак. Но оно никогда не огибало полуостров.

Пристав к берегу Камчатской земли у устья реки Большой, против охотского побережья, люди перебирались на другую сторону полуострова по рекам и по суше. Там, недалеко от устья реки Камчатки, впадающей в Тихий океан, стоял Нижне-Камчатский острог. Около него рос лучший на Камчатской земле лес. В этом лесу было много высокой крепкой лиственницы, которая считалась одной из лучших древесных пород для постройки кораблей.

Капитан Беринг должен был решить, как дойти до Нижне-Камчатска, чтобы оттуда плыть к северу для решения основной задачи экспедиции. Он понимал, что было бы лучше всего итти из Охотска до Нижне-Камчатска морем, обогнув мыс Лопатку. Тогда не пришлось бы тащить грузы .на лодках и на собаках через всю Камчатскую землю к берегу Тихого океана и вновь строить там бот. Но плавание по неисследованному проливу с подводными камнями между Лопаткой и скалистым первым Курильским островом могло кончиться крушеццем корабля. Оно особенно

было опасно в конце лета и ранней осенью, когда, по словам людей, побывавших на мысе Лопатке, в тех местах часто бывали штормы и туманы.

Беринг не любил рисковать. Он предпочитал затратить лишнее время и силы, но зато действовать с большей уверенностью в успехе. Капитан решил плыть на Камчатку так, как это делали из года в год казаки: переплыть Охотское море и войти в устье реки Большой, вблизи которого стоял Болыперецкий острог, потом пересечь Камчатскую землю по рекам и по суше, чтобы добраться до Нижие-Камчатского острога. Оттуда оставалось пройти всего тридцать верст до Тихого океана.

Летом 1727 года небольшой бот «Фортуна» совершил дважды плавание, перевозя на Камчатку грузы экспедиции и ее команду. Затем начался трудный переезд через Камчатскую землю, почти такой же длинный, как путь из Якутска в Охотск.

Б то время на всей Камчатке жило только полтораста казаков. Коренными обитателями полуострова были ительмены, или камчадалы, как их называли в то время. Камчадалы были рыболовы и охотники, так же как и другие сибирские народы, жившие отдельными родами и не имевшие общей власти. Они носили одежду из шкур, выдалбливали из деревьев лодки каменными топорами и варили пищу, нагревая раскаленными камнями воду в деревянной посуде.

Камчадалы должны были не только платить ясак, но и выполнять другие повинности. Они обязаны были перевозить людей и грузы от одного острога до другого. Лошадей на Камчатке не было.

«А российские люди, которые живут на Камчатке, и тамошние народы не имеют скота, кроме собак, на которых ездят и возят, что понадобится, и одежду от них получают», писал впоследствии Беринг.

Зимой ездили на нартах, запряженных собаками, а летом плавали по рекам в узеньких лодках — батах. В бат нельзя было положить больше пяти пудов. Примерно такой же груз везла зимой на нартах одна собачья упряжка. И для того, чтобы перевезти грузы экспедиции Беринга с одного берега полуострова на другой, пришлосфразослать казаков в разные места Камчатской земли, приказав собрать несколько сот камчадалов.

Летом и осенью начали перевозить по рекам грузы экспедиции. Зимой перевозка грузов продолжалась на нартах. В январе выехал из Болыперецка- в Нижне-Камчатский острог и капитан Беринг.

«Каждый вечер в пути для ночи выгребали себе станы из снега, а сверху покрывали, понеже[1] великие живут метелицы,

которые по-тамошнему называют пурги. И ежели застанет метелица на чистом месте, а стану себе сделать не успеют, то заносит людей снегом, от чего и умирают», вспоминал потом Беринг этот путь.

В марте Беринг добрался до Нижне-Камчатского острога. Здесь уже жил лейтенант Шпанберг, посланный вперед с большей частью команды. На берегу реки Камчатки уже лежали тол

пой е ж е — поточу что.

На Камчатке.

С гравюры середины XYIII века

-

стые бревна лиственницы и другие материалы, приготовленные для постройки корабля.

Через несколько дней после приезда капитана заложили новый бот— «Святой Гавриил».

ill

Прошло больше трех лет с Тех пор, как из Петербурга вышел обоз экспедиции капитана Беринга. Наступил июль 1728 года. Только что построенный бот «Святой Гавриил» стоял у берега реки Камчатки, около Нижне-Камчатского острога. По сходням, переброшенным с судна на мостки, служившие пристанью, таскали с берега кожаные сумы с ржаными сухарями, мешки с мукой, крупой и горохом, вкатывали бочки с соленой рыбой и топленым рыбьим жиром, заменявшим масло.

Небольшое судно с трудом вместило годовой запас провизии для команды в сорок человек.

Тринадцатого июля все жители острога — от старых, седобородых казаков до мальчишек-камчадалов, прислуживавших в казачьих домах — вышли на берег. Старенький священник из маленькой церковки, стоявшей за бревенчатыми стенами Нижне-Камчатского острога, отслужил молебен на палубе. Потом

подняли якорь, и «Святой Гавриил» вышел в плавание, к которому готовились так долго.

Тихий океан встретил капитана Беринга небольшим попутным ветром. Бот направился к северу вдоль гористого берега. Чтобы не наткнуться случайно на прибрежные подводные камни, капитан вел корабль по большей части верстах в пятидесяти от земли.

С палубы бота видны были только общие очертания берега, то поросшего лесом, то казавшегося почти совсем голым. А с другой стороны простиралось безграничное серое море. Время от времени на его поверхности вдруг появлялись фонтаны, иногда сразу в двух, трех или четырех местах.

— Киты здесь в немалом числе водятся, — говорили моряки.

Еще чаще изводы высовывалась круглая голова тюленя. А по мере того как продвигались к северу, все больше встречали моржей, плававших целыми стадами.

Через две недели подошли к большому заливу, в который впадает река Анадырь. Несмотря на то что пресной воды уже оставалось мало, капитан Беринг не решился войти в Анадырский залив. Надо было торопиться, чтобы пройти возможно дальше, пока длится лето.

За Анадырским заливом началась Чукотская земля. С корабля она казалась совеем пустынной.

«Везде прилегли к морю каменные хребты, гольцы да тундра», рассказывали Берингу еще в Якутске, когда он расспрашивал о Чукотском крае.

Запас пресной воды стал подходить к концу. Нужно было налить бочки свежей водой. Шестого августа, в праздник Преображения, с корабля увидели небольшой залив. Вблизи стояли горы, которые могли служить прикрытием от ветров.

Бот «Святой Гавриил» вошел в эту бухту. Капитан Беринг послал на берег шлюпку, чтобы осмотреть местность.

Оказалось, что недалеко есть ручей с хорошей водой. Около него, невидимому, недавно останавливались чукчи. Гардемарин Чаплин и матросы, посланные на берег, видели золу от очага и обглоданные кости. Вокруг рос мох п было немало оленьих следов. Но ни людей, ни оленей не встретили.

На другой день налили бочки водой и сделали необходимые измерения, чтобы нанести залив на карту. Беринг назвал его губой Преображения.

Снявшись с якоря, пошли к северу на таком расстоянии вдоль берега, чтобы можно было видеть его очертания, не рискуя вместе с тем попасть на мелкое место.

Восьмого августа вдруг увидели отчалившую от берега лодку.

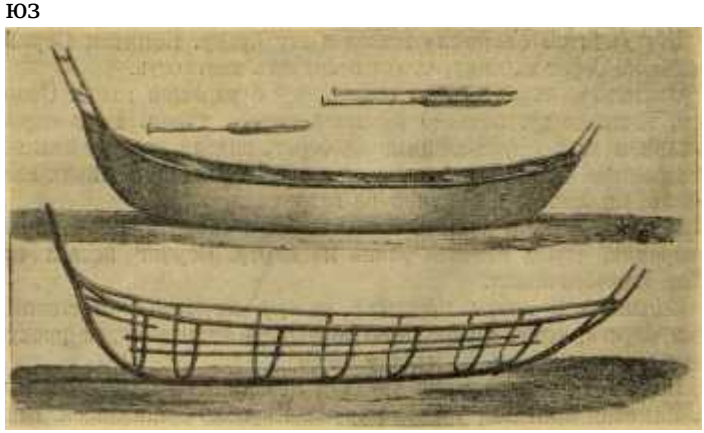
Капитан приказал убрать паруса. Корабль остановился. Впоследствии Беринг так писал о происшедшей встрече:

«Пригребли к нам от берега на лоДке кожаной восемь человек. Спрашивали, откуда мы пришли и чего ради. А о себе сказывали, что чукчи. А как мы стали их призывать к боту, и они, надув пузырп кожаные великие из нерп, а по-нашему тюленьи, высадили одного человека и прислали к нам для переговоров».

Па судне было два коряка, знавшие русский язык, которых Беринг взял с собой как переводчиков. Они понимали чукотский язык, но говорили на нем плохо. Все же они сумели растолковать подплывшему на пузырях чукче, что молено не бояться русских людей, находящихся на корабле. Немного погодя к борту корабля пристала легкая лодка — байдара, сделанная из моржовой кожи, натянутой на деревянный каркас.

На палубу взошли восемь чукчей. Это были широкоплечие, сильные люди в одеждах из оленьих шкур, украшенных полосками разноцветного меха. У них были почти безбородые широкие лица, толстые губы, черные волосы, свисавшие из-под кожаных шапок. Чукчи держались остороншо, но без робости. Видно было, что эти люди привыкли жить независимо и всегда готовы к отпору, если на них нападут. Им сразу дали подарки — иглы, бусы, огниво. Потом стали расспрашивать о Чукотской земле и соседних с нею местах.

юз



Чукотская байдара.

— Сказывали, что к земле-де их всюду прилегло море. Делает две губы и обращается к устью Колымы. А на море, куда Колыма впадает, всегда носит лед, — говорил потом Беринг, вспоминая слова чукчей.

Чукчи говорили то лее, что рассказывали Берингу в Енисейске и Якутске: море, видимо, омывало весь Чукотский полуостров.

Подтверждалось, что Азия отделяется от Америки проливом.

Но Беринг должен был убедиться в этом сам. Бот «Святой Гавриил» продолжал плыть вперед. Через два дня увидели большой гористый остров. Капитан назвал его именем святого Лаврентия, память которого праздновалась в тот день, когда открыли остров.

Потом земля круто повернула к востоку, а затем — к северу. Судно шло менсду Чукотским полуостровом и полуостровом Аляской, но берег Америки не был виден. Беринг не заметил поэтому, как вошел в пролив, существование которого должен был доказать.

Земля попрежнему выглядела пустынной.

«По берегу морскому великие, высокие каменные горы, подобны стене крутостью», писал впоследствии Беринг, составляя рапорт о плавании.

Чукча.

С гравюры из атласа к путешествию-Литке вокруг света.

Все чаще бывали туманы. Дни делались короче. И хотя шла еще только первая половина августа, уже чувствовалось, что приближается осень.

Капитан, как всегда рассудительный и осторожный, с тревогой думал о том, что будет, если вследствие случайной аварии корабля или по другой причине придется поневоле зазимовать на этом каменистом, голом берегу.

Между тем земля, около которой шел корабль, стала резко отклоняться к западу, в сторону, противоположную той, где находится Америка. Теперь можно было сделать вывод, что суднопрошло северо-восточный угол Азии и экспедиция, таким образом, достигла цели.

По морскому уставу, командир корабля, принимая важнейшие решения, должен был созывать на совет офицеров. Тринадцатого августа капитан Беринг пригласил на совет лейтенантов. Шпанберга и Чирикова.

— Прошли мы далее шестьдесят пятого градуса северной широты и видим, что земля отклоняется к западу. Надо полагать, достигли мы теперь самого края Азиатского материка и можем

сказать, что Азия с Америкой не соединяется. Далее плыть весьма опасно: ежели подымутся противные ветры или попадем в лед, до зимы не воротимся на Камчатку. Да и туманы день ото дня становятся гуще и скрывают берега. И ежели попадем на камни, то не перезимовать благополучно в таком холодном крае. Не пришла ли пора назад воротиться? — сказал Беринг.

Лейтенанты знали, что капитан поставит этот вопрос. Они заранее обдумали ответы. Чириков не любил выступать с речами и

•спорить. Но когда он думал, что может быть принято неправильное решение, то считал долгом возражать прямо и твердо.

И на этот раз он решительно не согласился с Берингом.

— Хотя земля и отклоняется здесь, к западу, но как знать, не повернет ли она далее в сторону Америки? И потому лишь тогда о разделении водою Америки и Азии увериться можем, когда судно дойдет до льдов, кон в Северном океане в изобилии бывают. Должны мы дальше вдоль берега итти, доколе не уверимся окончательно, что повернули к Колыме, И ежели до двадцать пятого августа в сем не убедимся, надобно искать гавань, удобную для зимовки. Мы еще в Якутске от служилых людей слыхали — ска-зывают-де чукчи, что лежит против их земли в недальнем расстоянии Большая земля, а на ней лесу много. Полагаю, что там и следует искать гавань, дабы можно было зимовье построить и ют морозов не погибнуть, дров не имея, — сказал Чириков.

Шланберг согласился с опасениями Беринга и возразил против предложения Чирикова:

— В Чукотской земле нет леса, а на голом берегу зимовать нельзя. Да и чукчи народ немирный и не раз с русскими воевали. О Большой же земле достоверного известия не имеем и есть ли подлинно там лес — не знаем. Предлагаю итти вперед еще три дня, а потом воротиться.

Чириков отстаивал свое мнение, но решили через три дня и чти назад.

Шестнадцатого августа достигли 67°18' северной широты. Земля продолжала отклоняться к западу. Капитан отдал приказание взять обратный курс.

Бот «Святой Гавриил» к этому времени действительно уже прошел через, пролив между Азией и Америкой. Но возражения Чирикова сохраняли силу. Для того чтобы существование пролива было доказано бесспорно, следовало итти вперед хотя бы еще несколько дней.

На обратном пути заметили в северной части пролива

небольшой остров. Беринг назвал его именем святого Диомида. Несмотря, на туманы и шторм, чуть не выбросивший судно на скалистый берег, до Камчатки дошли быстро благодаря попутным ветрам.

Второго сентября бот «Святой Гавриил» стал на зимовку недалеко от Нижне-Камчатского острога.

Берег северо-восточной Азии по карте П,- Чаплина, спутника капитана Беринга.

Через пятьдесят лет знаменитый английский мореплаватель - Джеме Кук прошел из Тихого океана в Ледовитый проливом между Азией и Америкой. Капитан Кук пользовался картой, составленной на основании наблюдений и вычислений Беринга и его спутников.

«Я должен воздать справедливую похвалу памяти почтенного капитана Беринга. Наблюдения его так точны и положение берегов означено столь правильно, что с его инструментами нельзя было сделать ничего лучшего. Широты и долготы им определены так верно, что надобно удивляться», писал Кук.

По предложению Кука, пролив между Америкой и Азией был назван именем Беринга. Сам Беринг хотя и считал вполне доказанным существование пролива, однако понимал, что выполнил указ Петра Великого только отчасти. Следовало побывать на берегу Америки. А между тем Америку не удалось увидеть даже издалека. Беринг думал, что она должна лежать против Камчатки на сравнительно небольшом расстоянии. Во время плавания не видели таких высоких волн, какие бывают в больших морях. Были и другие основания думать, что противоположный берег недалеко.

— Море не раз на наш берег выбрасывало толстые сосновые деревья. А сосны нет на Камчатке. Стало быть, за морем есть земля, где она растет, — говорили Берингу камчатские казаки.

— Мы и сами в плавании встречали таковые деревья. Ветры

гнали их по волнам с востока, — отвечал Беринг.

Жители Камчатки рассказывали, что весной через их землю пролетает множество птиц на восток, а осенью они возвращаются оттуда. Некоторые далее утверждали, будто в очень ясные дни можно с берега увидеть на горизонте смутные очертания какой-то земли.

Беринг решил перезимовать в Нижне-Камчатском остроге, а в начале будущего лета, перед возвращением в Петербург, попытаться в короткий срок совершить плавание к этой земле.

— Можно надеяться, американский берег близко, — говорил Беринг.

Нижне-Камчатский острог, в котором пришлось зимовать, считался самым населенным на Камчатке. На самом деле он был невелик. За четырехугольной, почти квадратной оградой с одной башней над воротами стояли приказная изба, несколько других казенных построек и маленькая церковь. А вокруг острога было около тридцати изб, в которых жили казаки. Капитан Беринг остановился в доме приказчика, а команда разместилась по казачьим избам.

Не холодную, но очень обильную снегом зиму прожили благополучно.

Пятого июня 1729 года бот «Святой Гавриил» вышел в плавание и взял курс на восток от Камчатки. Уже на следующий день облака заволокли небо и поднялся сильный ветер. Седьмого июня он стал так силен, что изорвал в клочья один из больших парусов.

«Погода мрачная, ветер великий с туманом и весьма холодно. Великие волны от страны норда[8]», записали в корабельном журнале.

Три дня шли вперед, несмотря на туман и ветер. Прошли около двухсот верст, но никакой земли не нашли.

«Святой Гавриил» возвратился назад н пошел к югу вдоль полуострова Камчатки. Берег был скалистый. Отроги гор спускались к морю, образуя каменные мысы.

Через несколько дней впереди увидели вершину, похожую на гигантский белый конус, возвышающуюся над соседними горами. Когда подошли ближе, заметили, что над вершиной поднимается дымок.

«Авачинская горелая сопка», догадался Беринг.

Это был вулкан, о котором он не рая слыхал рассказы в Нижне-Камчатске.

Недалеко от Авачинского вулкана пять гор как будто столпились с трех сторон у берегов морского залива, защищая его от всех ветров. Вход в залив был так глубок, что могло пройти

любое судно, и походил на длинный канал, в котором большие волны не могли подниматься даже в бурную погоду.

Беринг и его спутники, живя па Камчатке, повидимому уже слышали об этом заливе, который мог стать прекрасной гаванью. Но приходилось спешить, и Беринг не сделал остановки, чтобы описать залив.

Первого июля бот подошел к юго-восточному углу Камчатки. В пасмурный день при умеренном ветре обогнули мыс Лопатку и нанесли на карту очертания берега. Через три недели «Святой Гавриил» пришел в Охотск.

Капитан Беринг не стал здесь задерживаться. Сдав судно управителю острога, он выехал в Якутск, чтобы оттуда немедленно направиться в Петербург.

Первого марта 1730 года капитан Беринг вернулся домой из экспедиции, которая длилась пять лет.

JJ

Капитан Беринг не умел и не любил быстро принимать решения. Каждое дело он обдумывал не спеша. В пути из Якутска в Петербург у Беринга было достаточно времени, чтобы продумать результаты экспедиции. Из месяца в месяц, из года в год шли люди вперед, не останавливаясь перед лишениями, чтобы довести до конца начатое дело. Штурман Моррисон, геодезист Лужин, несколько десятков служилых людей, плотников и матросов, шедших с лейтенантом Шпанбергом, умерли от истощения,

не дойдя до Охотска. С величайшими усилиями перевезли грузы экспедиции через Камчатскую землю, несмотря на жалобы камчадалов, для которых эта перевозка была очень тяжелой повинностью. Совершили опасное плавание от Камчатки почти до Ледовитого океана, А указ Петра Великого выполнили только наполовину.

Подтвердилось, что Азия и Америка разделены проливом, однако не удалось побывать на Американской земле. И нельзя было ответить на вопросы, которые, наверное, зададут в Петербурге: «Далеко ли от владений Российской державы до Американской земли? Возможно ли завести торговлю с нею?»

Капитан Беринг все лее не сомневался в том, что положил начало важному делу. Плотно запахнув медвежью доху и закутав ноги теплым одеялом пз лисьих шкур, Беринг проводил целые дни в возке, который везла тройка лошадей между бесконечными сибирскими лесами. Он слушал перезвон колокольчиков под дугой, вспоминал пережитоб за последние годы, исподволь обдумывая рапорт о своем плавании, который придется написать в Петербурге, п мысленно подводил итоги экспедиции.

Бот «Святой Гавриил» был первым кораблем, на котором не простые сибирские казаки, а настоящие моряки прошли вдоль тихоокеанского побережья северо-восточной Азии. Во время плавания постоянно определяли широту и долготу. Теперь можно было нанести На карту, хотя бы в общих чертах, эту часть побережья. По следовало продолжить начатые исследования, чтобы выяснить нерешенные вопросы.

Для этого было необходимо новое плавание прямо на восток от Камчатки, чтобы выяснить расстояние между ней и Америкой. В шопе 1729 года плыли в этом направлении всего только трое суток. Теперь следовало послать корабли, которые пойдут вперед, пока не дойдут до Американской земли. Пять лет назад ни сам Беррнг, пн другие офицеры русского флота почти ничего не знали о тех местах, куда направлялась экспедиция. Теперь был получен необходимый опыт. Надо было использовать его для новой экспедиции к американским берегам.

11а обратном пути «Святой Гавриил» прошел между Камчаткой и первым из Курильских островов, протянувшихся длинной

по

цепыо до Японии. Капитан Беринг не раз слышал рассказы о японцах, приплывавших к Камчатской земле. Он думал о том, что надо предпринять особое плавание от Камчатки вдоль Курильских островов к японским берегам. Было известно, что я Японии есть шелковые ткани, рис, фрукты. Можно было попытаться начать торговлю с этой страной.

Берппг вспоминал, как долго н с каким трудом тащили через всю Сибирь до Охотска грузы экспедиции. Морской путь от Архангельска, мимо берегов Европейской России и Сибири, а потом через пролив между Азией и Америкой, был бы гораздо короче.

«На Северном море и летом встречаются льды. Доселе никому такое плавание не удавалось. Но от Архангельска до Карской губы поморы на кочах ходят. Надобно узнать, нельзя ли на корабле обойти полуостров Ямал и пройти подле земли морем от Обн до Лсиы и далее», думал Беринг.

Так мало-помалу наметились три вывода.

Во-первых, надо было послать один или два корабля от Камчатки на восток, к берегам Америки.

Во-вторых, следовало послать суда на юг от Камчатки, к Японии.

В-третьих, нужно было исследовать морские пути вдоль берегов Ледовитого океана вплоть до пролива между Азией и Америкой.

Беринг понимал, что нельзя бросить дело, начатое его экспедицией. Поэтому, обдумывая свой рапорт, он готовился сделать новые предложения Адмпралтейств-коллегии.

За пять лет, прошедших с тех пор, как обоз экспедиции вышел из Петербурга, миновали два царствования: Екатерины I и Петра II. На престол только что взошла Анна Иоанновна. Императрица была малообразованна и не умна. Она нисколько не интересовалась не только географическими открытиями, но и делами государства.

Однако высщимн государственными учреждениями еще управляли люди, прошедшие большую часть своей службы при Петре Великом. Они привыкли прислушиваться к предложениям, которые могли быть полезны государству.

В Адмиралтейств-коллегии заседали заслуженные моряки. Многие из них знали капитана Беринга, больше двадцати лет плававшего на русских военных кораблях. А влиятельный адмирал граф Н. Ф. Головин, кото-рому вскоре предстояло стать президентом Адмиралтейств-коллегии, в молодости, по некоторым известиям, даже был короткое время иод начальством Беринга. Члены Адмиралтейств-коллегии с интересом выслушали рапорт Беринга об экспедиции.

Капитан-командор Беринг.

— Капитан Беринг положил начало плаванию наших кораблей по Великому восточному океану, — говорили они.

Предложение Беринга о новой экспедиции встретили сочувственно.

— Токмо надобно не менее как но два корабля послать к Америке и Японии. Тогда ежели в неведомых местах какое несчастие приключится одному кораблю, другой поможет. Возьмет команду с разбитого судна и'людей от напрасной смерти

спасет. А по холодному морю, где великие препятствия от льдов встретятся, нельзя и двум судам столь длинный вояж совершить. Потребуется пять-шесть кораблей, дабы в одно и то лее время по частям путь исследовать, — толковали в Адмиралтейств-коллегии.

Решили, что надо послать два судна от Архангельска до устья Оби. Одно или два судна надо построить на Оби и послать Ледовитым океаном до устья Енисея. А другие суда следует построить в Якутске и отправить к устью Лены. Одно из них должно было, выйдя в море, пойти на запад до Енисея, а другое — на восток, мимо устья Колымы, вокруг Чукотской земли.

Гак наметилась новая экспедиция, еще не бывалая по размаху. Не менее десяти кораблей надо было послать по разным направлениям в еще не изведанные места. Большинство этих судов приходилось строить в далеких сибирских городах. Для такой экспедиции нужны были очень большие средства. А по установленному Петром Великим порядку, все дела, требовавшие больших затрат, рассматривались Сенатом.

В то время еще не исчезла суровая простота петровского царствования. Сенаторы собирались в большом зале с выбеленными стенами, за длинным сосновым столом, покрытым красным сукном. Они вырабатывали новые законы, но не пренебрегали и мелкими практическими делами: выносили постановление о постройке какого-нибудь казенного завода или составляли инструкцию вновь назначенному воеводе.

Новые дела докладывал обер-секретарь Кириллов. Это был человек из бедной семьи, упорным трудом проложивший себе дорогу. Он всегда старался расширить свои знания. С особенной настойчивостью он стремился как можно больше узнать о родной стране. Кириллов собирал географические карты и планы городов, составляя атлас Российской империи. Он давно уже стал выписывать из донесений, поступавших в Сенат, все сведения о состоянии русских городов, о фабриках и заводах, войсках и кораблях, школах и аптеках. Кириллов нередко работал по ночам над задуманной книгой: «Цветущее состояние Всероссийского государства, в каковое начал, привел и оставил неизреченными трудами император Петр Великий».

Кириллов с нетерпением ждал возвращения Беринга. Капитан мог привезти новые географические карты и рассказать много нового о малоизвестных местах.

Беринг действительно познакомил Кириллова с картой, которую начертил Чаплин по материалам экспедиции. Вместе с тем Беринг привез некоторые сведения о нуждах дальнего Сибирского края и о том, как лучше использовать его богатства.

Оказалось, что в Якутскую область доставляют железо с Урала, а между тем недалеко от Якутска есть железная руда.

— Якутский народ делает для себя из того железа котлы и на всякие другие нужды употребляет, — рассказывал Беринг.

•8 К далеким 6eF*r**

ИЗ

Он советовал построить там небольшой завод для производства железа. Беринг говорил, что у якутов много коней и коров,, а в Охотском остроге нет ни лошадей, ни рогатого скота. Он предлагал переселить в Охотск несколько якутских семейств, чтобы они развели там домашний скот. На Камчатке тоже не было скота, несмотря на обилие травы.

— Мояшо там и землю пахать и всякой хлеб сеять. В бытность мою учинена проба обо всяком огородном овощу. Так нее и рожь при мне сеяна. Токмо пашут людьми, — говорил Беринг.

Беринг рассказывал, что казаки нередко совершенно разоряют камчадалов непосильными поборами. Он советовал упорядочить, собирание ясака. И сам Беринг и его спутники рассказывали как много китов, морлеей и тюленей видели они у берегов океана. Далее мертвые киты, выбрасываемые на берег, могли бы приносить доход казне. Камчадалы пользовались их мясом и леиром, НО' бросали китовый ус, который в то время уже высоко ценился в-европейских странах, где шел на разные изделия. Беринг предлагал дать указ о том, что китовый ус будет приниматься в уплату ясака.

Свои предлолеения Беринг изложил письменно.

Кириллов, объясняя сенаторам, зачем нулена еще одна экспедиция, мог не только толковать о значении поисков морских путей в Америку- и другие страны, а и сослаться на сообщения' Беринга о нуждах Камчатского края. Молено было сказать в Сенате, что экспедиции помогают лучше освоить далекие окраины и тем самым приносят практическую пользу государству.

Берингу дали в награду тысячу рублей и произвели его в капитан-командоры. Это был высший капитанский чин. Лейтенанты Шпанберг и Чириков тоже получили повышение: оба стали капитанами.

Адмиралтейств-коллегия при этом с особенной похвалой отозвалась о Чирикове.

— Не по старшинству, но по знанию и достоинству заслужил капитанский чин, — говорили члены коллегии.

В апреле 1732 года вопрос о новой экспедиции был окончательно решен. Проект капитана Беринга был не только принят,, но и расширен. Сенат решил, что надо одновременно послать-новые корабли и от Камчатки к берегам Америки, и от

Охотска к Японии, и из Архангельска, Тобольска, Якутска на разведку пути по Ледовитому океану.

В далеком маленьком Охотске, где с таким трудом построили одно судно во время первой экспедиции, теперь надо было построить не меньше пяти-шести кораблей, доставив туда все необходимые для того материалы по почти непроезжей дороге.

На этот раз в экспедиции должна была принять участие и Академия наук. Она была открыта вскоре после того, как капитан Беринг выехал в свою первую экспедицию. Вернувшись, он узнал, что в Петербурге уже несколько лет живут и работают академики, приглашенные из-за границы, и при нпх молодые ученые — адъюнкты.

Одним из видных академиков был профессор астрономии Иосиф Делиль. Он хорошо знал астрономию, но был самонадеян, заносчив и очень неуступчив в спорах.

Делиль интересовался географией и имел собрание старинных и новых карт. Он получил эти карты в наследство от своего брата, бывшего королевским географом во Франции.

Кириллов поддерживал знакомство с академиком Делилем и нередко рассматривал его атласы и карты.

Делилю поручили составить географическую карту и инструкцию для командиров кораблей, которым предстояло плыть к Америке и Японии. Он начертил большую карту на восьми листах, склеенных между собою.

Для этой карты Делиль использовал все сведения, какие мог извлечь из своего собрания, не особенно заботясь об их достоверности. А если кто-нибудь выражал сомнение в существовании некоторых земель, обозначенных на карте Делиля, он отвечал запальчиво:

— Я нашел их на картах моего брата, географа короля Франции. Полагаю, что брат не стал бы их помещать без достаточного основания. Сомнения в верности моей карты оскорбительны для памяти моего брата.

Можно было сказать заранее, что корабли экспедиции, направляясь к еще не изведанным берегам Америки, откроют новые земли.

«Надлежит дать верное описание о тамошних народах, обычаях и плодах земных», постановили в Сенате.

Для этого надо было, чтобы в экспедиции участвовали ученые. Академия наук решила командировать трех профессоров: натуралиста Гмелина, историка Миллера и астронома де-ла-Кройера, который должен был определять широту и долготу различных мест Сибири и делать некоторые физико-географические наблюдения. К экспедиции прикомандировали

рудознатцев, как называли в то время геологов, изучавших руды, и студентов, которые должны были помогать профессорам.

Начальником экспедиции был назначен капитан-командор Беринг, а его помощниками—капитаны Шпанберг и Чириков. Потом начали намечать других участников: лейтенантов, которым можно было бы поручить командование кораблями в плаваниях по Ледовитому океану, штурманов и подштурманов, корабельных мастеров и подмастерьев.

— Надо прежде всего брать тех, кои своею охотою едут. От них больше прока ожидать можно, — говорил Беринг.

Он старался сам переговорить не только с офицерами, но даже с матросами, подбирая умелых и выносливых людей для экспедиции.

К весне 1733 года больше трехсот человек зачислили для участия в экспедиции. В пути — в Тобольске, Енисейске, Иркутске, Якутске — предстояло, так же как в первый раз, взять еще служилых людей, плотников, солдат.

— Завезти множество людей в отдаленное место не такое уж хитрое дело. Гораздо труднее доставить весь потребный для них провиант и снабдить их там самым необходимым, — е тревогой говорил Беринг.

— В первую экспедицию взяли из Санкт-Петербурга около тридцати человек, а ныне в десять раз больше. Дабы доставить материалы для постройки одного либо двух малых судов и провиант их команде в Охотск да на Камчатку, тогда потратили более трех лет и несли труды неимоверные. Сколько же ныне потребуется времени и труда для экспедиции, столь большой, что подобной ей ни у нас, ни в других странах не бывало? — толковали между собой моряки, назначенные в экспедицию.

ив

На этот вопрос никто не мог ответить. Но нельзя было сомневаться в том, что путешествие продлится много лет и потребует много жертв.

В марте 1733 года длинные обозы стали выходить один за другим из Петербурга, направляясь в Тверь. Оттуда на речных судах нужно было спуститься по Волге до Казани, а затем направиться в Тобольск, чтобы плыть на восток по сибирским рекам.

Так началось второе путешествие капитана Беринга, его •путников и сотрудников.

Оно было так значительно, что впоследствии стало называться Великой северной экспедицией.

Исполнилось восемь лет с того дня, когда капитан-командор Беринг и его спутники выехали из Петербурга. Наступила весна

1741 года.

На Камчатке, у берега Авачинского залива, вырос небольшой поселок. Около старых летних камчадальских юрт на высоких подмостках появились бревенчатые, еще не успевшие потемнеть избы. Среди них выделялся довольно большой, основательно построенный дом.

Недалеко от берега стояли на якоре два новых двухмачтовых корабля, пакетботы, вооруженные небольшими пушками. Они казались совершенно одинаковыми и на первый взгляд отличались только названиями: у одного на корме виднелась надпись «Святой Петр», а у другого — «Святой Павел».

Моряки из команды «Святого Павла» утверждали, что их корабль лучше и легче подчиняется поворотам руля.

В большом доме, разделенном на две половины, жили Беринг и Чириков. Капитан-командор Беринг сильно поседел и устал за эти годы. Он с огорчением думал о том, сколько трудностей пришлось преодолеть и как мало признания получила его работа. Для того чтобы доставить в Якутск запасы провианта и материалы для постройки нескольких кораблей, пришлось строить целую флотилию лодок на сибирских реках. Нужно было

почти насильно сгонять крестьян и ссыльных, которые обязаны были служить гребцами на этих лодках. Пришлось даже выставлять вооруженные караулы, чтобы предотвратить их побеги.

Команда в триста с лишним человек, выехавшая из Петербурга, выросла в Сибири в несколько раз, потому что по пути пришлось брать в разных городах плотников, кузнецов и других мастеровых для постройки судов и отряды солдат для конвоирования грузов. А вместе с крестьянами и ссыльными, мобилизованными для перевозки грузов, число вольных и невольных участников экспедиции достигало временами до трех тысяч человек. Только для того, чтобы как-то разместить людей в Охотске, где должны' были строиться корабли, пришлось выстроить столько изб, что поселок при остроге вырос в три раза.

Три года Беринг вынужден был провести в Якутске, пока капитан Шпанберг строил новые избы в Охотске и делал необходимые приготовления для постройки судов.

Другие офицеры в это время распоряжались перевозкой материалов и продовольствия, строя зимовья и склады на безлюдных берегах рек Маи и Юдомы, по которым опять пришлось сплавлять тяжелые грузы.

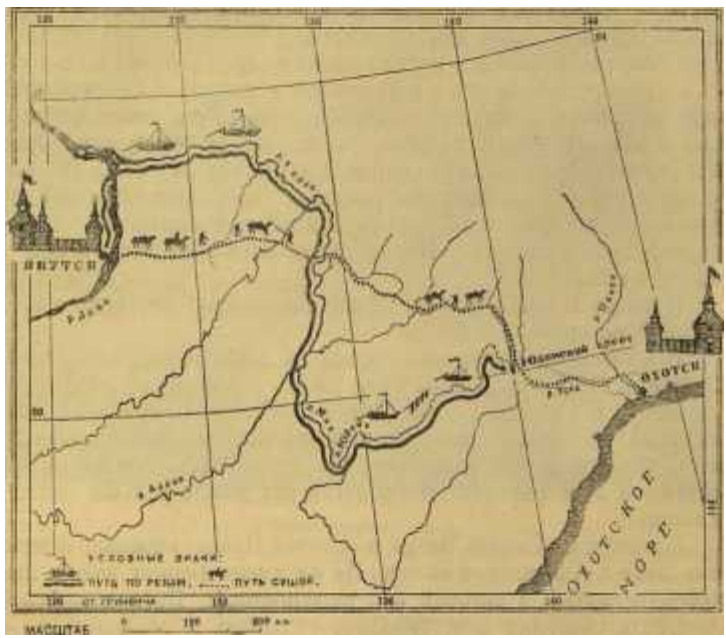
«И так мне бытие здешнее мило, что легче б я три или хотя и более морских кампаний окончил, нежели здесь пробыть один год», писал Беринг в Петербург из Якутска.

А в Адмиралтейств-коллегии и в Сенате толковали о том, что капитан-командор проявляет недопустимую медлительность, и постановили лишить его добавочного жалованья, которое получали все участники экспедиции.

В первую экспедицию пришлось доставить в Охотск около трех тысяч пудов муки, а теперь — больше тридцати тысяч. И так как нельзя было достать ни лошадей, ни собак, чтобы перевезти столько грузов от Юдомского Креста до Охотска, то стали доставлять их на людях. Зимой матросы, казаки, солдаты запрягались в нарты. Идя на лыжах, каждый тащил за собой на нартах пятипудовую кладь.

«Ныне лучшего матроса от худости и наготы признать не можно, что он матрос, а показует, якобы самой невольник. А ежели б для перевозки провианта и материалов их, служителей, не

из



СХЕМАТИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ПУТИ ОТ ЯКУТСКА ДО ОХОТСКА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА.

посылать, то в Охотске жить было бы не у чего», писал Беринг президенту Адмиралтейств-коллегии Головину.

В 1737 году наконец построили новые корабли в Охотске. Было решено, что они должны итти под командой капитана Шпанберга к берегам Японии. Шпанберг вышел в плавание летом следующего года и прошел вдоль Курильских островов, нанеся их на карту, но до Японии не дошел. Только в 1739 году четыре русских судна впервые подошли к японским берегам.

— Когда до Японии дойдете и японцев увидите, постарайтесь вашей дружбой перемогать их застарелую азиатскую нелюд-ношь», — говорили в Адмиралтейств-коллегии участникам экспедиции перед отъездом из Петербурга.

Японские чиновники поднялись на палубу корабля Шпанберга и приветствовали его с церемонной учтивостью. Сопровождавшие их японцы доставили на корабль рис, табак, овощи и ткани, взяв в обмен сукно и голубой бисер. Но на следующий день Шпанберг заметил, как его корабли окружают лодки, на которых он насчитал до девятисот вооруженных людей. Вежливость, которую накануне проявляли японцы, оказалась обманчивой.

Опасаясь нападения, Шпанберг приказал поднять якоря и плыть назад.

Путь до Японии был проведан, но завязать торговлю с этой страной не пришлось.

В Охотске тем временем строились два корабля, на которых Беринг и Чириков должны были плыть к Америке.

Летом 1740 года «Святой Петр» и «Святой Павел» были спущены на воду и оснащены. Осенью они вышли в море и, обогнув мыс Лопатку, вошли в Авачинскую губу. Здесь Беринг и его спутники перезимовали, чтобы затем как можно раньше выйти в плавание.

Пакетботы «Святой Петр» и «Святой Павел» спокойно простояли зиму в Авачинском заливе. По их имени Беринг назвал прекрасную гавань, в которой они перезимовали, Петропавловской.

Среди офицеров и штурманов, уходящих в плавание е Берингом и Чириковым, не было участников первой экспедиции.

Старший лейтенант Свен Ваксель, которого капитан-командор решил взять на свой корабль «Святой Петр», был, так же как и Беринг, датчанин, перешедший на службу в российский флот. Ваксель считался достаточно опытным моряком и мог заменять капитана, когда нужно. Лейтенант Ваксель взял с собой сына, двенадцатилетнего мальчика.

— Дальнее плавание — лучшая школа для будущего моряка, — говорил Ваксель.

И маленький Лоренц, которого русские звали Лаврентий или Лавруша, должен был взбираться на мачты, помогая ставить и убирать паруса, или тянуть с матросами канат, поднимая якорь, а потом, став рядом со штурманом, следить за стрелкой компаса.

Петропавловская гавань.

G гравюры середины XVIII века,

Другой офицер флота, корабельный мастер Софрон Хитрово, состоявший в ранге лейтенанта, был человек деятельный, толковый и смелый, но подчас грубоватый. Он принадлежал к старинной дворянской семье и смотрел на других немного свысока.

Штурманом на пакетботе «Святой Петр» был старый моряк Андрей Эзельберг, больше сорока лет плававший по морям под флагами разных государств. Это был человек рассудительный, справедливый и спокойный. Он не раз смотрел в глаза смерти и давно научился не терять присутствия духа в трудные минуты. Вся команда относилась к нему с большим уважением.

На пакетботе Чирикова «Святой Павел» плыли лейтенант Чихачев, штурман, в ранге лейтенанта, Плаутинг и второй штурман Елагин. Корабельным мастером был молодой, способный и преданный своему делу Абрам Дементьев, о котором с большой похвалой отзывались все, кто имел с ним дело.

Все офицеры на пакетботе «Святой Павел», кроме Плау-тинга, принадлежали к тому поколению русских моряков, которое уже пришло на смену иностранным командирам, служившим на первых кораблях российского флота.

I £н. £*& </ •• *Cainamˆuur Wdˆ A*

't <&&«*l* /AiL

c/U

Подпнси капитан-командора Берипга и .других морских офицеров под протоколом корабельного совета от 4 мая 1741 года.

В плавании должны были принять участие и двое ученых. Они совсем не походили друг на друга. Профессор де-ла-Кройер,

двоюродный брат академика Делиля, долясен был делать астрономические и метеорологические наблюдения. Он пробыл в Сибири уже восемь лет, но, кроме определения широты и долготы разных мест, почти ничего не сделал, потому что интересовался наукой гораздо меньше, чем можно было ожидать, судя по его званию.

Другой ученый, адъюнкт Академии наук Стеллер, недавно приехавший из Петербурга, был человек довольно странный на первый взгляд — ему было все равно, как одеваться, что есть, где спать. Он говорил то, что думал, не заботясь о том, какое впечатление производят на других его слова-, был вспыльчив и часто начинал горячиться без достаточных оснований на потеху собеседникам. Но зато Стеллер страстно интересовался наукой. Несмотря на молодость, он накопил очень много знаний в ботанике, зоологии и медицине, а вместе с тем с увлечением делал географические и этнографические наблюдения, стремясь изучить все, что видел вокруг.

Капитан-командор Беринг взял Стеллера на свой корабль, я де-ла-Кройер должен был плыть с капитаном Чириковым.

Весной 1741 года последние приготовления к плаванию были кончены. Оставалось окончательно наметить курс, которого следовало держаться.

Беринг должен был плыть от Камчатки к берегу Америки, потом направиться вдоль американского берега к северу, пока не поровняется с Чукотским полуостровом. Затем, повернув прямо к Чукотской земле, .чтобы определить расстояние между ней и Америкой, можно было вернуться на Камчатку тем путем, мимо Анадырской губы, который был уже знаком Берингу по первой экспедиции. Все это плавание предполагалось совершить в одно лето и вернуться на Камчатку в сентябре.

Но на карте, составленной Делилем, к юго-востоку от Камчатки была обозначена обширная земля да-Гамы. По инструкции, приложенной к карте, следовало по пути к Америке направиться на юго-восток, чтобы посетить эту землю.

— Оная земля никакому европейскому государству доселе не подчинена. Можно принести немалую прибыль Российской державе, присоединив землю да-Гамы. А возможно и то, что земля да-Гамы — часть Америки, — говорили Берингу в Адмиралтейств-коллегии, вручая карту Делиля.

Отклоняться на юг значило терять время, которого было мало. Никто, кроме какого-то испанского моряка да-Гамы, не видел этой земли, и можно было сильно сомневаться в ее существовании. Однако отвергнуть карту, составленную академиком, не решались.

«Не нужно особых усилий и не требуется большой учености, чтобы, сидя в теплом кабинете, на основании отрывочных сообщений и произвольных догадок вычерчивать подобные карты», писал впоследствии лейтенант Ваксель.

Беринг и его спутники были вынуждены руководствоваться картой Делиля. Поэтому решили плыть не прямо на восток, к Америке, а взять курс на юго-восток и спуститься до 46-й параллели, чтобы дойти до земли да-Гамы.

Четвертого июня 1741 года корабли вышли из гавани. 9 лнля, должна, была находиться земля да-Гамы, оказалось чистое море. С тех пор как скрылся из глаз гористый берег Камчатки, больше не видели земли.

Капитан-командор с тревогой думал о том, что надежда дойти до Америки в короткий срок не оправдывается.

Двенадцатого июня Беринг и Чириков решили повернуть на ееверо-восток.

Прошли еще восемь дней, а вокруг попрежнему простиралось безграничное море. Между тем погода начала портиться. Двадцатого июня тучи заволокли горизонт, поднялся ветер и пошел дождь. Когда через два дня волнение улеглось и небо-прояснилось, оказалось, что корабли потеряли друг друга в тумане.

Капитан-командор долго не выпускал из рук подзорную трубу, надеясь увидеть вдалеке паруса «Святого Павла». Но корабль Чирикова не появлялся на горизонте.

Беринг попытался найти «Святой Павел», прежде чем итти дальше. Думая, что пакетбот могло отнести к югу, Беринг приказал повернуть на юг. Он надеялся вместе с тем, что теперь, когда отошли от Камчатки еще дальше, может быть удастся, спустившись к югу, найти землю да-Гамы.

Беринг дошел до 45-й параллели, но не нашел ни эту землю, ни исчезнувший корабль. Капитан-командор снова повернул на ееверо-восток и пошел прежним курсом. Так, бороздя зигзагами океан, потеряли напрасно немало дней.

Прошел месяц с тех пор, как отплыли от Камчатки. Офицеры и матросы все еще напрасно всматривались в даль, надеясь увидеть землю.

Между тем пресная вода в бочках убывала с каждым днем. Команда давно уже не видела свежей пищи. Солонины, вяленой рыбы, вареного гороха и сухарей было достаточно. И все-таки у многих начали желтеть лица, а некоторые жаловались, что их часто клонит ко сну.

Сам капитан-командор чувствовал странную вялость во всем теле. Он подолгу лежал в своей каюте. Лейтенант Ваксель все

чаще заменял его на капитанском мостике.

Не раз видели на поверхности моря водоросли, оторванные волнами от прибрежных камней, и ветки растений. Однажды

Гора Святого Ильи на Аляске.

С гравюры из атласа к путешествию капитана де-Лаперуза вокруг света.

встретили большое стадо тюленей, которые обычно не удаляются на большое расстояние от берега. Несколько раз видели плывшую с севера морскую капусту, как называли моряки живущих у морских берегов животных — актиний.

Адъюнкт Стеллер настойчиво говорил, что это признаки близкой земли, и советовал повернуть на север, потому что оттуда плыли тюлени и чаще всего появлялись чайки, пролетавшие над кораблем. Но ему отвечали, что и так уж потеряли много времени напрасно, меняя курс. Только впоследствии выяснилось, что недалеко на севере действительно есть земля.

С каждым днем напряженное ожидание становилось мучительнее. И когда 16 июля далеко на северо-востоке показались очертания высокой белой горы, всю команду охватила радость. Только капитан-командор был не весел.

— Вот она, земля! Поздравляем! —говорили Ваксе ль, Хитрово и Стеллер капитан-командору.

— Мы нашли ее слишком далеко и поздно, — отвечал Беринг.

Точно назло, попутный ветер утих и сменился легким ветерком, дувшим в противоположную от берега сторону. Потребовалось три дня, чтобы подойти к земле. Теперь была ясно видна очень большая гора с вершиной, покрытой снегом, а у берега — гористый остров, поросший пихтовым лесом.

Беринг дал этой горе имя святого Ильи, сохранившееся за ней до сих пор.

Двадцатого июля лодки, спущенные с корабля, пристали к гористому острову. На берегу, у самой воды, тянулась полоска гладких камешков — гальки. Маленькая, чистая речка, журча, впадала в море, выбегая из густого хвойного леса.

Матросы начали наливать бочки речной водой. Капитан-командор приказал им торопиться. Он решил простоять здесь не больше одного дня, а потом, пройдя немного к северу вдоль

земли, двинуться прямо назад, чтобы вернуться на Камчатку раньше, чем начнутся осенние штормы и туманы.

Адъюнкт Стеллер высадился вместе с матросами, посланными за водой. А Хитрово поплыл на небольшой лодке вдоль берега, чтобы нанести на карту очертания острова и выяснить, нет ли залива, куда можно ввести судно, если поднимется непогода. Стеллер постарался ни одной минуты не потратить напрасно. Взяв с собой одного казака с ружьем, он пошел вдоль опушки, а потом смело углубился в лес.

За десять часов он собрал больше ста разных растений, открыл новый вид птицы сойки и сделал много других наблюдений. Он нашел костер, у которого, видимо, только что сидели неведомые обитатели острова. Стеллер подобрал их деревянное огниво и сосуд, в котором они варили пищу. В лесу ои набрел на погреб и нашел в нем лукошко с копченой рыбой, крепкие веревки, сплетенные из водорослей, и запас стрел.

Стеллер взял образцы этих вещей. Вернувшись на корабль, он убедил Беринга послать взамен сукно, два ножа, бусы и другие подарки. Матросы отнесли их в лес и положили в погреб..

Вслед за Стеллером вернулся и Софрон Хитрово. Он высадился в другом месте острова и видел жилище из бревен, обшитых досками. Около стояли вырезанные из дерева странные фигуры, вероятно изображения божеств. Хитрово подобрал и привез на корабль пустой деревянный ларец, весло, каменное точило, на котором, повидимому, заостряли медные ножи, и детскую игрушку-погремушку.

Офицеры и матросы, улыбаясь, передавали друг другу глиняный шарик и трясли его, поднося к уху. Неизвестные люди на Американской земле, видимо, так же, как и везде, трудились, изобретали и радовались, забавляя своих ребят.

Чгзп HU\| Гй » ГЗДД*** 1. «fS.i »“ ,

*Ecf>Jf*jX”»* “l“' -<*••

ИЛ'*'" С4l иˆоъиаМ «'•

llj-iˆrTo Cm,}-

U0(<4»k CtflotAˆ

*\lc*ta* natu lUn'iC гч'*-~ p.|>«ˆ 6fc-m.

Vic *ar*n.* fjro TyS’J'-i'-w J V14

c.A'-Gc«a

'"J C-'j/jC*- «Ь'Л «I'jfjitoi кС£«э— -'« <'»■-? Cwi<nlc вгггттрл

.4 »-”•. <.. *ˆcr.n*< Н«iHti|frntfir Йв»*«« ;-'4

(jcun <7a«S. uiiu» CU, i. »nn>€WIr. ■?«<#/ «•■TiSi orrf-.’iil *3-ff-кУ WnvufjpftA {«Г «lull l.n/j" rnfttjutf ,

!***'»,>< c. , . .

!ц»С.4>Д04*-a njjt.il'ja ГсЛ(1|Ч4 tC(UO/J/» ГЧОпСпˆХ

Ю* < ССд*- .

(ЧС-ч.Сгч t l-Чо letter <(«гь в<Г *,ггали оо€ofС»*rt: ;

i;£V > 0^ '*4 f • N £i t-C £v1 OwO'-Sl-^f ft МСТ-^fl > CV»54 Ц^гпб £' ГСЗ ' г Т(Г Г *i *Jot*j* j

I'rnoI^ji^C £c? onf <^jc > cc«*«< f ›n^iKCM4.i > 'i. л

лЛ. Cv'c *[’£?**•'"* •' Г-ffi'y (III... r.пг£(ч'Л Hcino*«j '--m}^уу^лл*А* Лс1ы.,Г1с o'.W&*~n*o'OcГ/6 Т?а?0 ,

^ 6. 'fotjo'J.f tno *j_tr.* <Wi| <

„...^. —• *-f.-'TTTf.....f*---------- -a?*f ^c«лС < Стя%?•«*-i

tC П'Л Т0? ⁝ С*^Р всС Or < f OjKCC.i ..*cG* I(|cnr*" l Or~rCi

jvcu JorrtJl. *Htxoi^PlH* Г jjoJ- o~Sl ri^SKj^CA

j'r«C« Tl^(,a.Jn/l o^pj/urn-e *'4cj»i иО^Гэстгг.^ *фс/'СкС и ГГ-Ci* Г^ROIlfifl <*Лпу* CtKCrxt, ТТС££*/?Сч.Ч <8с£ч с/J^CTrf -Л.^«Г OCrr^lutCl

j:.icn№ *j^.n,rccb$z* C«x?^ <..c...^e- и ,.r«0t < 5j»£T-iiiV. . < o£U

: ! <€Cfti(?j£mJi ксх^исобсочлсб.^ г^/слс?лА

Стршгида пз журнала корабля «Святой Петр».

Ночью поднялся небольшой ветер. Беринг приказал поднять щкорь, опасаясь оставаться у берега, не защищенного от ветров. •<)н торопился вернуться на Камчатку до наступления осени и .решил иттп возможно скорее назад. «Святой Петр» находился в .ото время у южного побережья Аляски, на 59° северной широты.

Возвращаясь, долго шли вблизи земли, протянувшейся в море длинным полуостровом. Попутных ветров было очень мало, часто шел дождь, туман закрывал путь. Несколько раз видели какие-то острова и отмечали их на карте, но не решались осмотреть, что-,бы не тратить время. И без того плыли слишком медленно.

Отсутствие свежей пищи с каждым днем все сильнее сказывалось на команде. У многих опухли ноги, шатались зубы, делалась одышка. К середине августа уже больше двадцати .человек заболело цынгой. Капитан-командор также болел и все реже появлялся на палубе.

На корабельном совете решили держать курс к Камчатке, идя прямо на запад по 58-й параллели. Но ветры часто дули в другую сторону и относили корабль то влево, то вправо. К концу .августа подошли к нескольким большим и маленьким островам, расположенным довольно близко друг от друга.

Капитан-командор приказал бросить якорь у самого большого из островов, чтобы пополнить запас пресной воды.

В это время появился первый покойник на корабле: отцынги умер матрос Никита Шумагин. Его похоронили на берегу и назвали острова Шумагинскимн.

Воду удалось найти, но она оказалась плоха на вкус.

— Для приготовления пищи годится, а пить будем ту,

которая еще у нас осталась, — сказал лейтенант Ваксель.

Стеллер возражал, но матросы начали наполнять бочки. Нужно было не раз посылать лодку к берегу, чтобы сделать нужный .запас воды, и пришлось задержаться у острова.

Ночыо Софрон Хитрово, стоя на вахте, увидел огонь на .островке, верстах в двадцати от стоянки корабля.

— Пока наша большая лодка будет возить воду, надобно послать маленькую шлюпку на остров, где огонь горел. Следует уведомитьея о здешних жителях, — сказал утром Хитрово лейтенанту Ваксслю.

— Шлюпка взад и вперед проходит целый день. Мы стоим не в гавани. Ежели поднимется ветер, поспешим выйти в открытое море, дабы на берег не выкинуло. Дожидаться шлюпку не сможем. Как бы не погубить напрасно людей, — ответил Ваксель.

Но Хитрово продолжал доказывать, что нельзя потерять случай увидеть обитателей этой земли.

— Пусть плывет сам, — сказал Беринг, когда лейтенант доложил просьбу Хитрово.

Хитрово взял с собой пятерых матросов и переводчшса-коряка, который был на судне. Они захватили оружие, припасы и мелкие вещи для подарков.

Когда шлюпка подошла к островку, костер догорал. Вокруг не было никого. Жители островка, повидимому, предпочли уклониться от встречи.

Побродив немного по острову, поплыли назад. По вдруг поднялся сильный ветер. Волны начали заливать шлюпку. Хитрово и его матросы с трудом пристали к какому-то островку.

Они немедленно развели большой костер, чтобы обсушиться, обогреться и дать знать о себе на корабль.

Между тем ветер становился все сильнее, и волны с глухим шумом разбивались о берег, покрывая камни белой пеной. Вдали едва был виден черный силуэт корабля. Вдруг на его мачтах взвились паруса, и «Святой Петр» тронулся с места.

Хитрово не спускал глаз с судна. Он увидел с испугом, что «Святой Петр» уклоняется от направления, по которому должен был бы итти на выручку. Потом судно явно поворотило в другую сторону и скоро исчезло совеем.

— Говорил мне лейтенант Ваксель: может статься, пропадешь с своей шлюпкой, — сказал Хитрово, чувствуя, что не может дольше скрывать тревогу.

— Неужто нас бросили? — с волнением говорили матросы.

Поднялся туман, закрывший горизонт. Наступили сумерки.

Люди почти потеряли надежду на спасение, и только переводчик-коряк сохранял спокойствие. Он твердил, что судно

непременно вернется за ними, а до тех пор можно прокормиться морской капустой, которой много в воде у берега. Но так страшны были жизнь и смерть на скалистом островке, заброшенном в суровом океане, что не всем удавалось сдержать рыдания.

На следующее утро увидели, что плывет большая лодка, перевозившая накануне бочки с водой. Оказалось, что «Святой Петр» скрылся из виду, потому что-стал на якорь за одним ив островов, чтобы найти защиту от ветра.

Хитрово и его команда благополучно вернулись на корабль,, но их маленькую шлюпку пришлось бросить, потому что на ней нельзя было выгрести против волн.

При первом попутном ветре на «Святом Петре» снова подняли паруса. Вскоре ветер опять резко изменился, а в открытом море начался шторм. Корабль поспешил укрыться в удобном месте — между двумя островами. Здесь пришлось провести две ночи. А когда опять приготовились итти дальше, вдруг услышали е одного из островов странный крик. В ту же минуту увидели, что к кораблю плывут две байдарки. Они были очень длинны, очень узки и так низки, что едва возвышались над водой. В каждой лодке сидел один человек, который греб быстро одним веслом с лопастями на обоих концах. Лодки были сделаны из тюленьей кожи и затянуты сверху так, чтобы внутрь не попадала вода.

У людей были широкие плечи и плосковатые, безбородые лица, раскрашенные черной и синей краской, черные глаза, прямые черные волосы и толстые губы, как у чукчей. Они что-то-громко и долго говорили. Но переводчик-коряк, знавший и чукотский язык, не понимал ни слова.

Эти люди, видимо, выражали дружественные чувства: знаками приглашали на берег и жестами показывали, что дадут пить и есть. Моряки, в свою очередь, звали их на корабль, но они не решались принять приглашение.

«У одного из этих людей на лодке лежала длинная палка, выкрашенная в красный цвет. Он прикрепил к ней рыбьей костью два соколиных крыла и бросил к кораблю. Не знаю, приносил ли он таким образом нам жертву или это был знак дружбы», рассказывал впоследствии Стеллер.

С корабля бросили доску, к которой привязали большой кусок материи, бусы, две трубки. Люди приняли подарки и поплыли назад, усиленно приглашая знаками следовать за ними.

Алеуты в байдарках.О

гравюры из атласа к путешествию Литке вокруг света.

О корабля спустили большую лодку. Лейтенант Вакеель, Огеллер, девять матросов и коряк-переводчик направились к острову. На дно лодки на всякий случай положили три ружья, сабли и пики.

На берегу у костра сидели девять человек в длинных рубашках из китовых кишок. Они махали руками, приглашая к себе. Но море здесь было мелко и нельзя было подойти к берегу ближе чем на три сажени.

Два матроса и коряк, разувшись, побрели к берегу. Здесь их встретили с почетом; взяв под руйи, повели к костру и стали угощать кусками китового жира, А когда, нужно было возвращаться, островитяне не пожелали отпускать гостей. Одни из обитателей острова схватил канат, которым лодка была привязана к большому камню.

Невидимому, у этого человека не было злого умысла, но Ваксель решил, что пора возвратиться на корабль во что бы то ни стало. Матросы, по его команде, разом выстрелили в воздух из ружей. Островитяне вскочили в страхе и на минуту позабыли о гостях, которых только что старались удержать. Те воспользовались переполохом и вскочили в лодку. Некоторые островитяне схватили в руки камни, но лодка уже плыла к кораблю.

Тем не менее на следующее утро к «Святому Петру» приплыли девять байдарок. Люди в байдарках снова делали приветливые жесты, и им опять бросали мелкие подарки.

Когда корабль с поднятыми парусами стал удаляться, островитяне провожали его громким криком.

«Не знаем, выражали ли они пожелания благополучного пути

пли радость, что отделались от нас», говорили потом моряки.

Ваксель и Стеллер называли обитателей острова американцами. Потом за ними утвердилось название алеутов, сохранившееся до сих пор.

Из-за непогоды от Шумагинских островов отплыли только 6 сентября. До Камчатки было еще очень далеко, а число больных все росло. Уже через два дня опять начался сильный шторм. Три недели продолжались дожди и сильные ветры. Корабль шел наугад в тумане, то продвигаясь вперед, то отклоняясь туда, куда гнали его ветры.

«Мы должны были плыть в неизведанном, никем еще не описанном океане, точно слепые, не знающие, слишком ли быстро пли слишком медленно они передвигаются и где вообще находятся», писал впоследствии лейтенант Ваксель, вспоминая это плавание.

Наступил октябрь. Попрежнему часто бушевал шторм. Ночи сделались длиннее и темнее, шли дожди со снегом. Ветры по большей части дули от Камчатки. Только с величайшим трудом удавалось продвигаться вперед. Паруса изорвались так, что опасались, как бы их совсем не унесло ветром. Уже почти вся команда была больна цынгой.

Капитан-командор не мог встать с постели. Ваксель и Хитрово тоже были больны и поднимались на палубу, напрягая последние силы.

Старый штурман Эзельберг едва держался на ногах. Уже не раз опускали в море тела матросов, умерших от цынги.

«В нашей команде оказалось теперь столько больных, что у меня не оставалось почти никого, кто бы мог помочь в управлении судном. Матросов, которые должны были держать вахту у штурвала, приводили туда больные товарищи, из числа тех, ко-' торые были способны еще немного двигаться. Матросы усаживались на скамейку около штурвала, где им и приходилось в меру своих сил нести вахту. Наш корабль плыл, как кусок мертвого дерева, почти без всякого управления и шел по воле волн и ветра. Я обещал команде, что если мы, с божьей помощью, вскоре увидим землю, то сразу причалим туда, чтобы спасти свою жизнь. Пусть это будет хоть какой-нибудь берег. Затем, быть может, найдем какие-либо средства, чтоб обеспечить наше возвращение», рассказывал впоследствии лейтенант Ваксель.

Гибель казалась почти неизбежной. И вдруг утром 4 ноября увидели вдалеке горы, покрытые снегом.

Такая радость охватила всех, что даже умирающие вдруг нашли силы подняться и выйти на палубу. Многие, всматриваясь в очертания гор, узнавали берег Камчатской земли. И если кто-

нибудь решался усомниться, на него обрушивались с негодованием.

В каюте капитан-командора созвали совет, на который пришли все, кто мог держаться на ногах. Беринг, не потерявший привычную осторожную рассудительность даже во время тяжелой болезни, думал, что надо постараться найти гавань, где судно могло бы стать на якорь в некоторой безопасности от ветров. Он не был уверен в том, что видневшаяся на горизонте земля действительно Камчатка. Но измученные люди хотели только одного: итти прямо к берегу.

Ночью выдержали еще один шквал, который едва не погубил судно. А когда стали приближаться к берегу, ветер вдруг понес судно прямо на каменную гряду, торчавшую из воды.

Казалось, дошли после стольких страданий до этой земли лишь для того, чтобы погибнуть у ее берегов. И только в последнее мгновение вдруг в первый раз за все плавание улыбнулось счастье. Волны бросили судно в небольшой проход между рифами и перенесли через подводные камни, о которые оно должнб было неминуемо разбиться.

Морской бобр.

Судно попало в небольшой залив, где было сравнительно тихо. Последний, еще уцелевший якорь помог остановиться недалеко от земли.

На следующее утро спустили лодку. Адъюнкт Стеллер, уберегшийся от цынги, потому что пил отвар из собранной им на Шумагинских островах травы и во всякую погоду проводил много времени в движении на палубе корабля, пошел на разведку, взяв с собой несколько человек.

Оказалось, что недалеко от того места, где пристала лодка, протекает маленькая речка с хорошей водой. На берегу видели тюленей и морских бобров, как называли на Камчатке морскую выдру за ее драгоценный мех. Бобры не боялись людей и совсем не обращали на них внимания. С разных сторон сбегались белые и голубоватые песцы, вертясь у самых ног. А куропатки подпускали людей почти вплотную, как домашние куры.

На этой земле, повидимому, нельзя было умереть от голода. Однако Стеллер с тревогой наблюдал, как звери и птицы встречают людей без всякой боязни.

.— Мы попали на остров, где нет людей, а не на Камчатку. Ежели здесь побывали бы люди, то ни звери, пи птицы не подпускали бы нас к себе так спокойно, — говорил Стеллер.

Он довольно долго бродил вблизи берега, но нигде не увидел ип одного деревца. Только кое-где росли мелкие кустики. Выстроить из дерева жилище здесь было невозможно. На берег) можно было найти выброшенные морем деревья, плавник, но их не могло хватить надолго даже на дрова. А между тем дул холодный ветер и земля уже была покрыта снегом.

ней сделали крышу из старых парусов. Его перенесли на носилках, сделанных из двух шестов, перевязанных веревками.

— От ветра укрыться здесь молено только в
ямах. В них будем жить,
точно в норах, — сказал
.
Стеллер спутникам.
В первую очередь ре
шили перевезти с кораб
Ь
•
i
^
ля больных. В песке вы
у\^.
if
рыли несколько ям для
-' \
жилья.
-о
Берингу приготовили отдельную песчаную яму,
....
Песец.
в которой он должен был жить с денщиком. Над

Больные радовались при мысли, что скоро окажутся на земле, и надеялись сразу поправиться. Но несколько человек умерли, как только их перенесли на берег.

Не было сил сразу похоронить тела. Песцы, то и дело подбегавшие, хотя их и отгоняли, отъедали носы, обгладывали руки и ноги умерших.

Тяжелобольные не могли поправиться в сырых песчаных ямах, в которых приходилось жить.

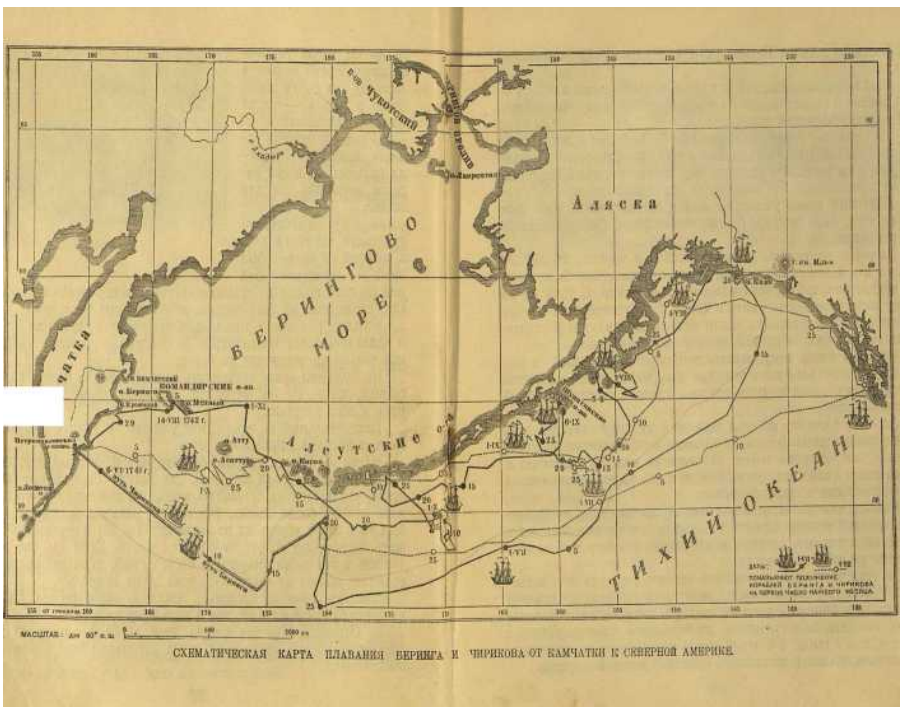
«Один за другим умерли боцман Янсен, старый штурман Эзельберг и несколько матросов. Так велико было общее бедствие, что покойники оставались в течение довольно долгого времени лежать среди живых,- так. как не находилось никого, кто был бы в силах убрать их из землянки. Так мы и оставались лежать вперемешку вокруг небольшого костра. Если бы нас мог увидеть в это время кто-нибудь посторонний, то затруднился бы отличить живых от мертвых», писал потом Ваксель.

Капитан-командор прожил в землянке около месяца. Песок постепенно осыпался с ее стен и падал ему на ногп.

— Оставьте. Мне так теплее, хотя,, впрочем, все равно согреться не могу, — говорил он, когда начинали убирать обвалившийся песок.

&V

л



СХЕМАТИЧЕСКАЯ КАРТА ПЛАВАНИЯ БЕРИНГА И ЧИРИКОВА ОТ КАМЧАТКИ К СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ.

Восьмого декабря Беринг умер, уже наполовину засыпанный землею.

Стеллер, продолжавший и в самое трудное время вести путевой дневник, сделал запись о смерти Беринга, тепло отозвавшись о его справедливости и доброте:

«Беринг был человек справедливый. За свою благожелательность и спокойствие он пользовался любовью

офицеров и команды. Он старался усердно выполнять порученное ему дело. Но нередко он признавался, что экспедиция эта свыше его сил».

В первый месяц умерли от цынги двадцать пять человек и, кроме того, было шестеро безнадежно больных. Остальные начали поправляться.

Здоровые охотились, добывая тюленей и морских бобров для себя и для больных товарищей. Мясо этих животных было жестко и невкусно, но все лее свежая пища помогала. К тому лее на ■берег выбросило дохлого кита и можно было употреблять в пищу китовый жир. А с корабля сняли подмоченную муку и распределили ее, выделив небольшой неприкосновенный запас.

Замешав в воде муку, лейтенант Ваксель поджаривал на леире из туши дохлого кита лепешки для себя и своего мальчика. ■Отец и сын съедали по пять лепешек в день и считали их самой вкусной пищей.

Адъюнкт Стеллер работал наравне с другими: каяедый день ходил далеко вдоль берега, отыскивая и притаскивая на дрова деревья, выброшенные морем, охотился па морских животных и варил пищу в свое делеурство. Вместе е тем он непрерывно делал наблюдения над жизнью лшвотиых.

Никогда еще ни один натуралист не проводил так много времени в самой непосредственной близости с морскими бобрами и морскими котиками, песцами и тюленями. Стеллер мог хорошо изучить их жизнь и повадки.

Он стал тщательно записывать все, что ему удалось подметить. Особенно внимательно и старательно он вел наблюдения над необыкновенным морским лшвотным, которое до него не видали ученые. Это было громадное, но безобидное млекопитающее, с хвостом, как у рыбы, и с одной парой конечностей, раздвоенных, как копыта. Стеллер назвал это животное морской коровой.

Остров Беринга и берег Камчатки.

С карты, составленной лейтенантом С. Баксележ.

Целыми днями морские коровы как будто паслись у берегов

и, медленно плавая, кормились водорослями. Но весила морская корова в десятки раз больше наземной: около двухсот пудов.

Только очень толстая и твердая черная кожа, шероховатая, как кора старого дуба, защищала морскую корову от нападений. Когда сделали крепкий и острый гарпун, как для охоты на китов, удалось убить первую корову. Мясо ее оказалось необыкновенно питательным и вкусным.

Эти удивительные, теперь вымершие животные, как впоследствии выяснилось, водились только на. двух островах Тихого океана: на том, где высадилась команда Беринга, и на другом, находящемся неподалеку. В науке за ними сохранилось название «морская корова Стеллера». Ни одному натуралисту, кроме Стел-лера, так и не удалось увидеть и описать морскую корову.

Стеллер изучал растения острова так же неутомимо, как животных. Едва сошел снег, он стал собирать гербарий. К списку растений, который он составил, ученые-ботаники, впоследствии посетившие этот остров, могли сделать только немного добавлений.

Собирая растения, Стеллер обращал особенное внимание на

те травы и коренья, из которых можно было делать отвар для людей, еще не оправившихся от цынги.

«Ни один из нае не почувствовал себя вполне здоровым и не вошел в полную силу, пока не стал употреблять в пищу свежую зелень», вспоминал впоследствии Ваксель.

В зимние месяцы жизнь на острове оказалась тяжелой и трудной. Больших морозов не было, но дули очень сильные холодные ветры, постоянно срывавшие е землянок крыши, сделанные из обрывков старых парусов и песцовых шкур. Очень часто падал снег, совершенно заносивший плавник, который собирали на дрова. Ясных дней почти не было, и от сырости в землянках гнили снятые с судна паруса.

Зимой случилась последняя беда со «Святым Петром», стоявшим на якоре. Сильным порывом ветра его выбросило на берег. Судно получило такую пробоину, которую нельзя было зачинить, и так глубоко врезалось в песок, что невозможно было поднять.

А между тем, когда наступила весна 1742 года и у людей прибавилось сил, все стали думать только о том, как выбраться е этого острова, у берегов которого так вольготно жили морские животные, но где так тяжело и тоскливо жилось людям.

В марте лейтенант Ваксель созвал всех на совет и предложил каждому высказаться о том, каким образом лучше попытаться добраться до Камчатки. На совете решили разобрать

поврежденный пакетбот и построить из его обломков новое судно.

Весна и большая часть лета ушли на эту трудную и напряженную работу. А к августу у берега уже стояло небольшое судно с одной мачтой и четырьмя парами весел.

Оно было вдвое меньше «Святого Петра». Но и команда уменьшилась почти в два раза: из семидесяти семи человек умерли тридцать один.

Пушки со старого корабля и некоторые другие вещи сложили на берегу. А на новое судно погрузили бочки с соленым мясом морской коровы и тот небольшой запас муки, который оставили неприкосновенным для последнего плавания.

Тринадцатого августа подул попутный ветер. Лейтенант Ваксель приказал поднять паруса.

Судно оказалось очень непрочным и скоро дало течь. Но воду удавалось выкачивать. Поплыли прямо на запад.

Через четыре дня вдалеке показался высокий гористый берег Камчатского полуострова. А еще через девять дней новый «Святой Петр» вошел в Петропавловскую гавань. Не помня себя от радости, люди смотрели на места, откуда отплыли больше года назад и куда еще недавно почти не надеялись возвратиться.

Остров, на котором умер капитан-командор, назвали его именем. Слух о необыкновенном изобилии морских животных на этом острове быстро разнесся не только по Камчатке, но и по Сибири. Б ближайшие годы на остров Беринга поспешили охотники за драгоценным мехом морских бобров и котиков, которых уже мало оставалось в других местах.

VII

Капитан Чириков 12 июня в последний раз увидел сквозь туман мачты «Святого Петра» на горизонте. Потом туман стал еще гуще, а ветер сильнее. Корабль Беринга скрылся из виду навсегда.

Когда шторм утих и прояснилось, капитан Чириков стал лавировать около того места, где расстались корабли. Потом он прошел немного на юго-восток, предполагая, что ветры могли •отнести «Святой Петр» в этом найравлении. А когда убедился, что корабль Беринга не удастся найти, то позвал на совет лейтенанта Чихачева, штурманов Плаутипга, Елагина и флотского мастера Дементьева. На совете единогласно решили продолжать плавание к берегам Америки, держась прежнего курса.

Долго плыли вперед, не встречая земли, хотя не раз пролетали морские птицы, гнездящиеся у берегов.

Только 15 июля впереди показались очертания гор.

Подойдя к берегу на три версты, стали высматривать залив,

•чтобы бросить якорь. Чириков с радостным волнением глядел на .землю Америки, которую ждали так долго.

— Оная земля везде крутоберёга, и всюду по ней горы. А на горах лес виден был великого роста. На оных горах местами :виден был снег, — рассказывал впоследствии капитан Чириков.

Нигде не было заметно бухты, достаточно защищенной от ветров. Чириков повел корабль вдоль берега на северо-запад.

«Надеялся немалую часть Америки описать», вспоминал он потом.

Восемнадцатого июля увидели гористый, поросший лесом остров, а на его берегу — залив. Капитан Чириков решил послать на разведку флотского мастера Дементьева с небольшим отрядом.

На корабле были две лодки: лангбот с тремя парами весел ы маленькая шлюпка. Дементьев взял лангбот, захватил с собой десять человек с ружьями и иа всякий случай маленькую медную пушку. Он должен был осмотреть залив, найти удобное место для стоянки корабля и, высадившись на берег, попытаться отыскать людей, чтобы узнать от них, куда простирается эта земля и не впадают ли поблизости в море большие реки.

-— Ежели жителей увидите, то являйте к ним приятность и дарите подарками небольшими, для чего возьмите два котла, табаку, иголок и прочие мелочи. Ежели жители будут обращаться неприятельски, то обороняйтесь и, как возможно скорее, возвращайтесь на судно. А сами никакого озлобления им не делайте и служителей до того не допускайте, — сказал капитан Дементьеву.

Предполагалось, что лодка вернется к вечеру или, в крайнем случае, на другой день. Высадившись на берег, Дементьев должен был пустить ракету и разложить на берегу большой костер, который был бы виден с судна.

Чириков попытался подойти вслед за лангботом поближе к заливу, но не смог этого сделать, потому что заметил в нескольких местах подводные камни.

С корабля видели, как лодка приблизилась к берегу, но как высаживались, не увидели. Не было ни ракеты, ни костра, который Дементьев должен был разложить иа берегу.

Дементьев не вернулся ни вечером, ни на следующий день. Потом поднялся резкий ветер, пошел дождь, и земля закрылась туманом. Судно отнесло довольно далеко в море.

Через пять дней погода улучшилась, и «Святой Павел» опять подошел к заливу. Капитан Чириков с радостью увидел на берегу большой костер.

Выстрелили из пушки, надеясь, что Дементьев ответит сигнальным выстрелом. Ответного выстрела не было, но

Чирикову показалось, что огонь на берегу вспыхнул ярче. И все-таки лодка, не возвращалась.

— Стало быть, лангбот повредился при высадке. Надо послать плотника и конопатчика заделать пробоину, — сказал Чириков.

Боцман Савельев и один матрос сами вызвались поехать в шлюпке вйесте е плотником и конопатчиком. Капитан приказал Савельеву немедленно вернуться с Дементьевым, а плотнику и конопатчику остаться на берегу для починки лангбота.

Савельев не возвратился ни в этот день, ни назавтра. Тогда поняли, что и с ним и с. Дементьевым случилось несчастье.

А между тем на судне больше не осталось ни одной лодки и нельзя было поэтому попытаться оказать им помощь.

Двадцать пятого июля вдруг увидели, что от берега отчалили, две лодки — одна побольше, другая поменьше.

— Наши! — с радостью говорили на судне.

Но вскоре увидели, что лодки не похожи на лангбот и шлюпку. Лодки остановились на далеком расстоянии от корабля. Люди$_г$ лица которых нельзя было рассмотреть, махали руками и звали к берегу. В ответ им махали белыми платками и кланялись, знаками приглашая на корабль. Но лодки удалились, не подойдя близко.

Стало ясно, что е людьми, посланными на берег, случилась беда. Чириков решил, что они захвачены индейцами и, может быть, убиты. Он подошел на судне возможно ближе к берегу и провел около него целый день, но ни Дементьев, ни Савельев не возвратились.

На восьмые сутки Чириков позвал к себе на совет лейтенанта Чихачева и других офицеров. Единогласно признали, что ждать больше бесполезно. А так как высадиться на берег Америки ни здесь, ни в другом месте без лодок было невозможно, то приходилось возвращаться на Камчатку.

Чириков раньше считал необходимым как; можно больше пробыть у Американской земли, чтобы обследовать значительную; часть побережья. Теперь нужно было итти назад, тем более что на корабле оставалось меньше половины бочек с преспой водой, а не имея лодок, нельзя было достать свежую воду.

Судьба Дементьева, Савельева и их спутников так и осталась неизвестной. Были ли они убиты индейцами из племени тлинкитов, живших в этих местах, или погибли, попав в водоворот вблизи берега, не узнал никто.

Прежде чем взять курс прямо на запад, к Камчатке, капитан Чириков решил пройти еще немного к северу около берега. Он надеялся встретиться с Берингом, корабль которого мог находиться где-нибудь поблизости. Тогда можно было бы задержаться для обследования Американской земли.

Вскоре со «Святого Павла» увидели большую снежную вершину, возвышавшуюся над горным хребтом. Это была та самая гора, которую Беринг за десять дней перед тем назвал. именем святого Ильи.

Чириков приблизился к тому месту, до которого дошел Беринг. Но корабль Беринга уже шел в это время назад к Камчатке, постоянно отклоняясь то в одну, то в другую сторону из-за ветров и туманов.

Капитан Чириков повернул корабль обратно на неделю позже, чем Беринг. Положение Чирикова было особенно трудно, почему что нельзя было достать ни одной бочки свежей воды. Но юн сразу сделал все возможное, для того чтобы команда не погибла, оставшись совсем без воды. По его приказу, стали тщательно собирать дождевую воду, стекавшую с парусов. Она была горька ют смолы, которой пропитывались паруса, но не приходилось юбращать на это внимание.

«Сказывали матросы, что им она здорова. Рассуждали, будто смольною горестью цынгу выгоняет», вспоминал потом Чириков.

Капитан ввел строгий порядок в распределение воды, постепенно сокращая порции, несмотря на мучительную жажду.

Корабль очень медленно продвигался вперед, потому что дули противные ветры, часто переходившие в тяжелый шторм.

В густом тумане несколько раз подходили близко к скалистым островам, тянувшимся цепыо один за другим. Чириков предполагал даже, что они составляют сплошную землю, которую не удается увидеть целиком только вследствие туманов.

У одного из островов увидели алеутов. Они подплыли в байдарках близко к кораблю, но подняться на палубу нс решились.

Алеуты приняли в подарок ножи, а в обмен дали только большую шляпу из древесной коры, четыре стрелы и кусок краски, которой они раскрашивали лица. Получить от них воду не удалось.

Весь август боролись с волнами и туманами. В сентябре погода еще ухудшилась. А между тем силы команды стали быстро слабеть. Число больных цынгою росло с каждым днем.

Чириков тоже захворал. Он долго старался перебороть болезнь и, собрав последние силы, поднимался на капитанский мостик. Но 21 сентября он вынужден был слечь в постель.

«Я весьма от цынги изнемог п находился уже в отчаянии жизни и уже по обычаю был приготовлен к смерти», писал он впоследствии.

Почти в одно время с капитаном слегли лейтенант Чихачев и штурман Плаутинг. Только второй штурман Елагин, сам больной, почти непрерывно находился на палубе, заменяя командира. Время от времени Елагин спускался в каюту Чирикова с корабельным журналом в руках.

Несмотря на все возраставшую слабость, капитан выслушивал доклады и указывал, какой держать курс. Он давал эти указания так умело, что, несмотря на шторм, корабль шел прямп к Авачинскому заливу, каждый раз возвращаясь на правильный путь после невольного отклонения.

Шестого октября умер лейтенант Чихачев. Вслед за ним скончался штурман Плаутинг. Он только несколько часов не дожил до возвращения: к вечеру того дня. когда его тело опустили в море, вдалеке показалась Камчатская земля.

Десятого октября «Святой Павел» наконец вошел в Петропавловскую гавань. Капитана на руках снесли на берег. Он был так слаб, что не смог даже сесть.

Двадцать пять человек, считая в том числе и людей, пропавших без вести с Дементьевым и Савельевым, погибли во время этого плавания.

Капитан Чириков долго не мог поправиться.

«Поныне нахожусь очень болен и сам о себе поворотиться не могу и буду ли жив — бог весть», писал Чириков капитану Шпанбергу, вернувшись на Камчатку.

Однако свежая пища, жизнь в теплом доме и уход сделали свое дело. Весной 1742 года Чириков стал готовиться к новому плаванию.

Осенью прошлого года, возвращаясь на Камчатку уже совсем больным, капитан Чириков, выйдя в последний раз на палубу, увидел гористую землю, но не мог определить, остров ли это или часть Американского материка, выдвинувшаяся далеко на запад. До этого места надо было плыть от Камчатки около двух недель. Теперь Чириков решил дойти до него во что бы то ни стало.

Это надо было сделать не только для того, чтобы нанести на карту очертания неизвестной земли. Все еще не было никаких вестей о капитан-командоре и его команде. Можно было еще надеяться, что он жив, но высадился где-нибудь, не дойдя до Камчатки из-за повреждения судна. Надо было сделать попытку найти его и спасти.

Пакетбот «Святой Павел» после тяжелого плавания находился не в полной исправности, а команда еще не совсем оправилась. Сам Чириков все еще чувствовал большую слабость.

— Зубы у меня еще не все укрепились и цынготные пятна, *с* ног не сошли, — говорил Чириков.

Штурман Елагин, единственный морской офицер из команды «Святого Павла» оставшийся в живых, тоже был не вполне здоров.

Тем не менее в конце мая 1742 года «Святой Павел» снова вышел в море.

Через две е половиной недели Чириков сквозь густой туман увидел скалистый берег. Он хотел основательно осмотреть землю, но помешали туманы и подводные камни.

— В стоящей там всегдашней, малослыханной от туманов темности при незнаемых землях принуждены были иметь неусыпное опасение, чтобы сохранить судно. Плаваючи одним судном в таких туманах, что часто далее ста сажен и в день не видно, можно скоро судно со всеми людьми без всякой помощи потерять, — рассказывал потом Чириков.

Он лавировал около неизвестной'земли семь дней, подходя к ней с разных сторон. Удалось выяснить, что это остров. На нем не было заметно никаких признаков жилья. Не было видно и леса. Только берег без зелени, хотя уже наступил июнь, и горы, на которых местами все еще держался снег, были видны с корабля.

Чириков назвал остров именем святого Федора, но впоследствии за ним утвердилось алеутское название Атту. Он известен теперь как самый западный из Алеутских островов.

Пробыть дольше недели у берегов острова, чтобы подробно нанести их на карту, Чириков не смог. Судно, пострадавшее от штормов во время прошлого плавания, было недостаточно

наделено. Сам капитан Чириков чувствовал, что снова заболевает цынгой.

«Я и отправился на море от полученной в прошлой кампании болезни не в совершенной свободе. А от трудов настоящей кампании, в которой в опасные случаи принуледен был многие ночи пробыть без сна, несходно с палубы, пришел в такую слабость, что у лее насилу ходил», писал он впоследствии в Адмиралтейств-коллегшо.

Семнадцатого июня «Святой Павел» пошел обратно к Камчатской земле. Но капитан решил вести судно не прямо к Авачин-скому заливу, а нтти несколько севернее, чем шел вперед.

— Хотели посмотреть, не найдется ли еще какая-нибудь земля, — говорил потом Чириков.

Через пять дней действительно увидели большой гористый остров и пошли вдоль его южного берега.

«Лесу на нем большого и травы зеленой нет, весь в горах и крутой берег, а на горах много снега. При нем видели множество котов морских», отметил Чириков.

Скоро густой туман скрыл берег острова и поднялся сильный северный ветер. Капитан Чириков направился дальше, к Камчатке.

Если бы он попытался обойти остров, то увидел бы выброшенный морем корабль и людей, которые разбирали его на части, чтобы построить новое судно. А недалеко от берега была могила, и на ней стоял деревянный крест с надписью: «Капитан-командор Витус Беринг».

Чириков вернулся на Камчатку в начале июля.

Пакетбот «Святой Павел» недолго простоял в Петропавловской гавани. Оставив склады и при них нескольких караульных на тот случай, если вернется капитан-командор, Чириков отплыл в Охотск.

Он решил перезимовать в Якутске в ожидании указа Адмиралтейств-коллегии о возвращении в Петербург.

А через полтора месяца добрался наконец до Петропавловской гавани лейтенант Ваксель с остатками команды «Святого Петра».

Великая северная экспедиция подошла к концу.

В то время, когда Беринг, Чириков и Шпанберг подготавливали и совершали плавания по Тихому океану, другие моряки, преодолевая величайшие трудности, исследовали по частям северный морской путь.

В продолжение четырех лет делались попытки на небольших судах — кочах и ботах — пройти от Архангельска до устья Оби. Лейтенанты Малыгин и Скуратов в конце концов завершили это

Дело, обогнув полуостров Ямал.

Лейтенант Овцын четыре года подряд выходил в плавание, чтобы пройти от устья Оби до устья Енисея. Проявив большую настойчивость и смелость, он решил эту задачу.

Два корабля, которые должны были плыть по Ледовитому океану на восток п на запад от Лены, натолкнулись на льды, преградившие им путь. Командиры кораблей лейтенанты Ласиниус и Прончищев погибли от цынги. Но назначенные вместо них лейтенанты Харитон и Дмитрий Лаптевы сделали очень много для исследования этой части морского пути вдоль берегов Северного океана.

Летом 1742 года, когда капитан Чириков прибыл в Охотск, последний участник плаваний по Ледовитому океану, Дмитрий Лаптев, заканчивал свою экспедицию.

В сентябре 1743 года, когда известие о смерти капитан-командора Беринга получилось в Петербурге, сенаторы как раз обсуждали результаты Великой северной экспедиции.

Обер-секретарь Сената Кириллов, который мог бы объяснить им, как много сделали участники экспедиции, уже умер. Сенаторы мало интересовались открытиями новых земель в таких далеких местах, до которых было чрезвычайно трудно дойти. Они с недовольством говорили о том, что экспедиция стоила дорого, а нельзя теперь же извлечь много пользы из ее достижений.

Торговлю с Америкой и Японией завязать не удалось. Полученные сведения о морском пути вдоль берегов Ледовитого океана, добытые ценой величайших усилий, страданий и смерти многих моряков, в то время невозможно было использовать практически. Борьба со льдами оказывалась почти непосильной для деревянных парусных судов. А между тем, по донесениям сибирских властей, снабжение экспедиции Беринга и перевозка ее грузов были разорительны для местного населения.

«Крестьяне с начала той экспедиции находятся в дальних и в самых трудных и беспокойных работах и претерпевают вящую нужду. Многие из тех экспедичиых работ не возвращаются лет по десять и более. От того домы их за взятием в те тяжкие работы разорились и пашенные земли опустели», говорили сенаторы.

Сенат постановил послать указ капитану Чирикову, чтобы ом с командой выехал нз Якутска и ждал в одном из сибирских городов дальнейших распоряжений.

Чирикову пришлось остановиться в Енисейске. Он послал рапорт в Адмиралтейств-коллегию о том, что не может оправиться после цынги и не в состоянии продолжать службу.

«От природы я был не крепок, а от вышеупомянутой болезни еще и ныне не освободился и с ног знаки цынготные не сошли»,

писал Чириков.

Однако в Петербурге с окончанием экспедиции как будто забыли об ее участниках, еще остававшихся в Сибири. Чирикову удалось вернуться только в 1746 году.

Его произвели в чин капитан-командора. Адмиралтейств-коллегия поручила ему надзор за школами, находившимися в ее ведении. Но Чириков был уже тяжело болен и прожил недолго.

«Память его у всех, кои его знали, в забвение не прийдет», писал после смерти Чирикова академик Миллер, очень ценивший его знания и преданность делу, способностп и самоотверженную скромность.

Лишь позднее выяснилось, что последнее плавание Беринга и Чирикова принесло и ту практическую выгоду, которой требовал Сенат. На островах, открытых ими, не было ни драгоценных руд, ни соболей. Но шкурки морских бобров и котиков так же оказались своего рода пушным золотом, как и собольи меха.

Промышленники, охотившиеся на морских зверей, начали снаряжать на Камчатке небольшие суда и посылать их по пути, который разведал Беринг.

Они привозили богатую добычу с Командорских островов, как начали называть остров Беринга и расположенный недалеко от него остров Медный. Потом стали плавать к Алеутским островам, открытым Берингом и Чириковым.

У этих островов тоже оказалось очень много морских зверей. Постепенно осваивая Алеутские острова, русские люди доплыли до Аляски. На Американском материке появились русские поселки.

Капитан-командор Беринг и его спутники не только нанесли на карты новые земли, но и расширили российские владения на Тихом океане.

Путешественники, делавшие замечательные географические открытия, не раз испытывали такую же участь, как и многие великие деятели науки. Современники не всегда правильно оценивали значение их открытий, потому что еще не могли увидеть результаты. Только позднейшие поколения смогли вполне понять значение дела, которому отдали жизнь Беринг и его спутники.

СОЛДАТСКИЙ СЫН

Осенью 1732 года жил и учился в Москве солдатский сын Степан Крашенинников. Ему только что исполнился двадцать один год. Он учился уже почти восемь лет и был очень прилежен. А знаний за эти годы Степан Крашенинников накопил не Очень много, потому что в школе, где он учился, занятия велись, по программам, устаревшим еще много лет назад.

В Москве, на торговой Никольской улице, между Красной и Лубянской площадями, стоял монастырь, окруженный высокой белой стеной. Он назывался Заиконоспасеким, потому что находился за иконным рядом, в котором продавались иконы. Во дворе монастыря стояло кирпичное здание, а в нем помещалась школа, в которой учился Крашенинников.

Она имела длинное и сложное название: Славяно-греко-латинская академия. Обычно ее называли проще, но почему-то во множественном числе: Спасские школы.

Эта школа была основана еще в конце XVII века с одобрения патриарха. Влиятельные среда московского духовенства люди выработали для нее план обучения. Сами они учились в

старинной киевской бурсе. А там ученики получали те знания, которые в западноевропейских школах давались еще в средние века. В Спасских школах стали учить так же, как в киевской бурее.

Обе школы, и киевская и московская, должны были преимущественно готовить образованных священников и других деятелей церкви. Но богословие преподавалось лишь в последнем классе, где обучались четыре года. В остальных классах ученики получали общеобразовательную подготовку.

Проучившись несколько лет в младших классах, можно было определиться на ту или иную службу. Поэтому сюда стали отдавать сыновей и люди, не предназначавшие своих детей для церковной службы.

Нужно было очень долго учиться, для того чтобы окончить школу: не меньше двенадцати лет. Среди священников нашлось мало охотников отдавать детей в ученье на такой долгий срок, потому что обучиться церковной службе можно было и дома без. больших хлопот.

Для того чтобы привлечь учеников, решили брать их на казенное содержание. В младших классах ученики получали по три копейки в день, а в старших — четыре копейки. Это было очень мало. Но все лее на три-четыре копейки в день в то время прожить было можно, хотя и трудно. Поэтому случилось то, на что не рассчитывали основатели школы. Туда стали отдавать детей не столько священники, сколько нуждающиеся люди, желавшие учить сыновей, но не имевшие для этого средств: солдаты, дьячки, ремесленники, мелкие служащие.

Солдатский сын Степан Крашенинников поступил в школу, когда ему было около тринадцати лет. Повидимому, он уже знал грамоту, и его приняли не в подготовительный, а в первый класс. Здесь учили читать и писать по-латыни. Потом, переходя из-класса в класс, Крашенинников стал учиться латинскому языку дальше: в одном классе целый год изучали латинскую грамматику, а в другом — латинский синтаксис.

л Географии и истории уче-^ ники обучались только попутно: читали сочинения древних историков и географов на латинском

языке и переводили оттуда отрывки.

— Одним часом и латинскому языку и истории с гео-В школе. графией обучаться будут, —

'С рисунка первой половины XVIII века. ГОВОРИЛИ уЧИТбЛЯ.

Но таким образом можно было узнать, да и то лишь частично, историю древней Греции и Рима и совсем нельзя было •изучить географию. Новую историю не проходили вовсе.

Кроме латинского языка, были и другие предметы, на которые обращали большое внимание: пиитика, содержавшая правила стихосложения, и риторика, обучавшая искусству красноречия. На этих уроках ученики знакомились с произведениями •греческих и римских писателей и речами знаменитых ораторов древности, сохранившимися в книгах.

Крашенинников занимался успешно. Он научился довольно хорошо понимать латинский язык. А о важнейших научных открытиях он не узнал в школе ничего. О Галилее, Ньютоне и многих других великих ученых в Спасских школах никогда не .говорили ученикам.

Познакомившись с риторикой, Крашенинников перешел в класс философии. В этом классе ученикам рассказывали не только о философских учениях древности, но и об устройстве вселенной. Здесь впервые говорили о небесных светилах, о погоде и ее изменениях, о животных и растениях. Все это называлось одним •словом: физика. Но и философии и физике учили по сочинениям греческого мыслителя и ученого Аристотеля, который жил две тысячи лет назад.

Для своего времени Аристотель был действительно великим ученым. Он как будто подвел итоги всем знаниям, которые накопили философы, жившие до него. Аристотель привел эти знания ■в систему и тем самым очень облегчил усвоение их.

Он сделался учителем юношˆАлександра Македонского, вскоре ставшего императором, й создал школу, широко прославившуюся во всей Греции.

Аристотель старался понять законы мышления. Он установил правила, по которым следует делать умозаключения и отыскивать причины ошибочных суждений. Наука о мышлении, которую ■создал Аристотель, получила название «логика».

В классе философии учеников знакомили с «Логикой» Аристотеля. Затем заставляли изучать его мысли об устройстве мира и о природе.

Вместе с тем ученики должны были запоминать, что говорили о природе отцы церкви. Так называли создателей православия, считавшихся святыми. Они сами по большей части учились по книгам Аристотеля и разделяли его мнения.

Поэтому сомневаться в словах Аристотеля запрещалось. Ученики должны были принимать их на веру.

Степан Крашенинников выучил все, что полагалось знать из «Логики» Аристотеля. Потом начались уроки физики.

Учитель рассказывал, что Земля находится в центре вселенной. Вокруг нее с различной скоростью и на разном расстоянии вращаются Солнце, Луна и звезды.

— Ежели мы бросим камень, он пролетит немного и начнет падать. Небесные лее светила летят вечно. Запишите: небесным телам свойственно вечное, круговое и равномерное движение; А земным — прямолинейное и прекращающееся. Так учит преславный Аристотель. А Иоанн Дамаскин в слове «О правой вере» поучает... Пишите, — говорил учитель и начинал диктовать текст.

Крашенинников записывал: он и его товарищи не могли возразить учителю, что учение Аристотеля о различных свойствах, которыми будто бы отличаются небесные и земные тела, в сущности не объясняет ничего.

— Все, что на земле бытие имеет, от растения до человека,

составляет мир одушевленный. А камни, песок и им подобные вещи составляют мир неодушевленный. Но у растения одна душа, растительной либо двигательной называемая. А у животных две: растительная и действующая, коя дает чувства и движения. Человек же три души имеет: сверх растительной и чувствительной, еще и разумную. Ею он от всех тварей отличается. Таково мнение Аристотеля. А святой Григорий Богослов о душе человеческой так поучает... Пишите, — говорил учитель.

Он начинал диктовать, что говорили Григорий Богослов, Василий Великий и другие отцы церкви об учении Аристотеля..

Так проходили уроки изо дня в день. Вся наука сводилась к заучиванию давно высказанных мнений.

Это было скучно; ученики занимались неохотно. Упорных лентяев нередко наказывали — на них надевали худой серый кафтан как позорную одежду. Тех, кто нарушал порядок в классе и грубил учителям, секли розгами.

Крашенинников добросовестно делал каждое дело, которым занимался. Он учился лучше других, но тоже не мог не испытывать скуки, заучивая длинные и не всегда ясные выдержки из. сочинений Аристотеля.

II вдруг в жизни Крашенинникова произошел резкий поворот. В ноябре 1732 года ректор Славяно-греко-латинской академии неожиданно получил сенатский указ: выбрать из старших классов двенадцать хороших учеников и отправить в Петербург. Там они были обязаны явиться в Академию наук. После проверки их

знаний лучшие должны были, немного подучившись при Академии наук, ехать в Сибирь, чтобы помогать профессора уезжающим в Камчатскую экспедицию.

— В философском классе отменно учится Степан Крашенинников. Он и поведения доброго. Его пошлем, — сказал ректор.

Па другой день Крашенинников узнал, что он должен отправиться в Петербург и стать студентом при Академии наук.

Академия наук существовала только семь лет. За пределами Петербурга о ней знали еще мало. Всего лишь четыре года прошло с тех пор, как при Академии наук была учреждена типография и стали издаваться книги. Они были немногочисленны.

«Календарь, или месяцеслов, исторический» па 1732 год. издававшийся Академией наук.

Первое место среди них занимал сборник трудов академиков на латинском языке, называвшийся «Комментарии» и рассылавшийся иностранным научным учреждениям. Но было одно издание, печатавшееся при Академии наук и расходившееся всюду.

Степан Крашенинников не мог не знать его хорошо. Каждый год типография Академии наук выпускала маленькую книжечку: «Календарь, или месяцеслов, исторический».

«В порядочном домостроительстве без календаря так, слово в слово, как без зеркала или какой другой потребной вещи, про-

быть невозможно. Но они служат и к увеселению, понеже, как известно есть, что многие любопытные головы через весь год

одним глазом на календарь и его пророчества, а другим на погоды' и случаи мира смотрят. И буде случится, что одно с другим сходится, то они тем забавляются, что из столь многих календарных предвещаний одно или два удалися. А буде и ничего не удается, как то почти всегда случается, то и тем паки[10] забавляются», говорилось в предисловии к календарю на 1731 год.

В календаре указывались все праздничные и будничные дни. причем упоминалось, намять какого святого отмечается в тот пли иной день, предсказывалась погода, сообщались разные приметы. Сказано было даже о том, из каких мест человеческого-тела следует «пущать кровь для здоровья», в зависимости от положения различных созвездий на небе. И обязательно помещалась картинка, поясняющая это наглядно.

А вместе е тем читатели предупреждались о том, что эти предсказания делаются только потому, что их требуют покупатели календаря, хотя давно следует отказаться от всех суеверий. И в каждом выпуске помещались две или три небольшие, понятно написанные научные статьи.

В календаре на 1731 год, составленном через несколько месяцев после возвращения капитана Беринга из его первого путешествия, была напечатана заметка, сообщавшая, что получены новые сведения о Камчатке. А в календаре на 1732 год было помещено «Продолжение известия о Камчатке». Просматривая этот календарь, Крашенинников мог узнать, что на далеком восточном океане лежит Камчатская земля. В ней много удивительного. Высокие огнедышащие горы выбрасывают пепел и лаву. Горячие ключи бьют из земли струей воды, согретой подземным жаром.

Там живут камчадалы, которые носят одежды из звериных шкур. Они зимой селятся под землею в особых жилищах, а летом — над землею, в юртах на высоких столбах. На всем Камчатском полуострове есть только три русских острога, в которых живут казаки. И хотя об этой земле уже стали поступать достоверные известия, надо сделать еще много для ее изучения.

Были и другие заметки в календарях Академии наук, дававшие сведения, которых нельзя было получить в Спасских школах.

Крашенинников знал, что в Академии наук работают ученыеˆ приглашенные из иностранных государств. Он был любознателен и не боялся труда. Солдатский сын не страшился лишений, потому что привык жить в нужде. Поездка в Петербург для ученья при Академии наук радовала Крашенинникова, а предстоявшее затем трудное путешествие в далекие, малоизвестные земли не

могло испугать.

II

В конце ноября Степан Крашенинников с товарищами приехал в Петербург. Они пришли в канцелярию Академии наук и получили распоряжение явиться на экзамен к профессору Байеру, который заведовал гимназией, существовавшей при Академии наук.

Байер проэкзаменовал московских учеников и остался очень, недоволен их подготовкой. Из двенадцати человек он выделил только трех. На первое место среди них Байер поставил Крашенинникова.

— Степан Крашенинников, Федор Попов и Андрей Леонтьев-могут быть с пользою до Академии наук допущены. Крашенинников и Попов «Логику» Аристотеля хорошо знают. А понятии о физике у них всех так стары и непорядочны, в терминах же-так спутаны, что я и сам того разобрать не мог, — сказан Байер.

Б помощь трем академикам, уезжавшим в экспедицию, нужно-было дать шесть студентов. Поэтому к тем, кого назвал Байер, прибавили еще трех. Остальных зачислили на мелкие канцелярские должности в петербургских учреждениях или отослали в Москву.

Крашенинников стан студентом Академии наук. Студентами называли молодых людей, которым академики, приглашенные из-за границы в Россию, должны были читать лекции, чтобы со-временем русские ученые пришли на смену иностранцам. Но профессора не знали по-русски и обычно не желали учиться русскому языку, потому что рассчитывали в конце концов вернуться на-

родину. Оли могли читать лекции на латинском языке, который в то время был международным научным языком: на нем писались ученые труды во всех странах. Однако русских студентов, .достаточно хорошо знавших латынь, почти не было. Подготовка русских ученых не налаживалась.

Когда Крашенинников стал студентом, все еще не было ни одного русского академика. Только профессор Миллер, занимавшийся русской историей, мог объясняться по-русски. Миллеру поручили читать Крашенинникову с товарищами лекции по географии. Считалось, что эту науку должен знать каждый историк, потому что география дает сведения о местах, где совершались исторические события, и помогает понять их ход.

Неизвестно, стал ли кто-пибудь, кроме Миллера, читать лекции Крашенинникову и его товарищам. И все лее, сделавшись •студентами, они получили возмояшость учиться совсем по-

другому, чем раньше. В Спасских школах на уроках физики в философском классе учителя постоянно подтверждали объяснения .ссылками на священное писание. В изданиях лее Академии наук .совсем не было пи текстов из библии, ни ссылок на отцов церкви.

А в только что вышедшем академическом календаре на 1733 год профессор физики Крафт поместил заметку, в которой писал, что не следует объяснять явления природы чудесами:

«Пока люди истинного познания какой-нибудь вещи не получат, тогда они обыкновенно в баснословных, а часто и безумных помышлениях упражняются. Прямая и чистая правда им очень проста кажется, и они ею довольствоваться не хотят, но лучше •такие мнения избирают, которые нечто чудесное в себе содержат».

Академик Крафт пояснял эту мысль на примере затмения луны:

— Что проще, чем поверить, что тень от Земли на воздух упадет и Луна, потому что она близ Земли есть, от сей тени затмиться может? Однакоже прежде тому поверили, что Луна •чародейством с неба скрадывается, — говорил Крафт.

Крашенинников никогда не слыхал таких рассуждений в московской школе.

Там даже об устройстве человеческого тела учителя говорили,

1G0

Академия наук.

С гравюры середины XVIII века.

только толкуя то, что писал об этом Аристотель. А в музее Академии наук, кунсткамере, Крашенинников увидел препараты, очень отчетливо показывавшие, как устроен организм человека.

Крашенинников понемногу начал понимать, что настоящая наука резко отличается от предмета, называвшегося «физикой» в московской школе.

Прошло несколько месяцев с тех пор, как Крашенинников и его товарищи приехали в Петербург. Наступила весна 1733 года. Обозы второй экспедиции Беринга уже тронулись в путь. В марте выехал в Сибирь и сам капитан-командор е большой командой. А в Академии наук все еще продолжалась подготовка к экспедиции.

Окончательно выяснилось, что поедут три академика: Гмелин, Миллер и де-ла-Еройер.

Гмелин и Миллер с виду не походили друг на друга. Гмелин был низенький, кругленький человек, старавшийся беречь свое здоровье. Ему только недавно исполнилось двадцать четыре года, но он всегда держался солидно и говорил внушительно. У него уже создавалась привычка к покойной жизни: он любил удобное кресло, мягкую постель и стакан хорошего французского вина после обеда.

Академик Миллер был высок, широкоплеч и силен.

— Недаром, когда я проезжал через земли прусского короля, который любит солдат высокого роста, то не знал, как отделаться от вербовщиков. Они то и дело предлагали мне за хорошую плату записаться в гренадеры, — рассказывал он со смехом.

Миллер тоже любил удобства городской жизни, но был очень деятелен и подвижен.

Гмелин редко терял самообладание, а Миллер легко возмущался и начинал горячиться. Гмелин был важен, но всегда учтив и обходителен, а Миллер угловат и нередко грубоват. Но они дружили друг с другом. Гмелин был на четыре года моложе Миллера, но казался старше своих лет. Разница в возрасте между ними не была заметна. \J

Оба любили книги и с увлечением занимались научными исследованиями. Гмелин успел изучить медицину, химию и ботанику. Эта последняя наука его особенно интересовала, и он главным образом занимался ею, хотя числился профессором химии.

А Миллер изучал не только историю. Он интересовался исследованием жизни разных пародов, в то время лишь начинавшим складываться в особую науку — этнографию. Одновременно он занимался географией и придавал большое значение собиранию статистических сведений.

Миллер стал изучать русскую историю, потому что в то время никто из ученых ею не занимался. Можно было скоро приобрести известность, начав издавать летописи и другие источники, еще никем не опубликованные. В сибирских архивах можно было найти громадное количество старинных указов и документов, интересных историку.

А Гмелин думал о том, что обширные земли Сибири еще совсем не обследованы ботаниками. Здесь молено было сделать много замечательных открытий, в короткий срок создав себе видное положение в мире ученых.

Третий академик, де-ла-Кройер, мало интересовался научными открытиями. Он был двоюродным братом академика Делиля, который рекомендовал его Академии наук. Другие академики уже стали замечать, что де-ла-Кройер мало подготовлен к научной работе и некоторые говорили что он решил уехать в экспедицию, чтобы не обнаружить окончательно в Петербурге недостаточность своих знаний.

Гмелпн и Миллер составили обширный план изучения Сибири. Крашенинников На МНОГИе Академик Гмелшг.

годы связал С НИМИ СВОЮ йсйзнь й работу

Миллей й I мелин решили совершить путешествие с возможно большими удобствами.

— Мы должны путешествовать, как достойные и порядочные люди, — говорил Гмелин.

Академики постарались взять с собой все необходимое и для научной работы и для благоустроенной жизни в пути. Сенат разрешил им взять из академической библиотеки все нужные книги и ассигновал деньги академии на покупку новых изданий взамен выданных. Гмелин взял немало солидных латинских книг — от специальных исследований до определителей растений, живот-

пых и минералов. А Миллер составил себе маленькую библиотечку из исторических и географических книг.

Лаборатории Академии наук снабдили их термометрами, барометрами и прочими приборами для метеорологических и других наблюдений. Гмелин и Миллер постарались взять и все

необходимое, чтобы сохранить городские привычки в далекой Сибири. Они захватили с собой несколько новых кафтанов и камзолов из цветного сукна, тонкое белье, с расчетом на несколько лет вперед, и даже запас хорошего вина разных сортов. У каждого был свой слуга — камердинер, а искусный повар должен был готовить им во время путешествия привычные кушанья. Сенат назначил академикам удвоенное жалованье и дал право каждому требовать на казенный счет десять лошадей для себя, слуг и багажа.

Студенты должны были выполнять все их поручения, помогать собирать коллекции, переписывать их бумаги. Академиков сопровождали два геодезиста, чтобы снимать планы местностей, живописец Беркан и рисовальный мастер Люрсениус, которые должны были зарисовывать растения, животных, памятники старины. Особый отряд из двенадцати солдат с капралом и барабанщиком обязан был охранять академиков в пути и внушать уважение к ним местным властям.

Сенат дал академикам на руки указы на имя губернаторов и воевод. Все должны были оказывать содействие ученым путешественникам, предоставляя лошадей и лодки, проводников и гребцов, отводя квартиры и выполняя другие требования.

Миллер и Гмелин знали, что от начала путешествия и до окончания постройки в Охотске кораблей для плавания на Камчатку и в Америку пройдет несколько лет. Они решили использовать этот период для более основательного изучения Сибири.

Отчеты о своей работе академики должны были давать не капитан-командору Берингу, а непосредственно Академии наук. Так, считаясь участниками путешествия Беринга, академики фактически организовали самостоятельную научную экспедицию, задумав производить исследования в Сибири — от Урала до Камчатки.

Всего несколько месяцев назад Крашенинников сидел рядом с другими учениками на длинной скамье в классе философии.

Учитель вспоминал, как 'толковали в киевской бурсе сочинения Аристотеля, и диктовал тексты, которые когда-то заучил сам. Теперь Крашенинников должен был сопровождать двух настоящих учёных в далекую Камчатку, о которой раньше читал только в календаре. Он становился участником научной работы в почти не изученной стране.

Правда, академики предполагали давать студентам только мелкие служебные поручения. Однако, присматриваясь к исследовательской работе, можно было многое узнать и сделать самому.

Летом сборы в экспедицию закончились. Нужно было слишком много лошадей, чтобы взять багаж академиков и их свиту., как называли они своих спутников. Поэтому проще было выбрать водный путь.

Решили плыть Ладожским каналом и разными реками до Волги и спуститься по ней до Казани. Затем можно было зимой добраться на санях до Тобольска, а весной плыть дальше по сибирским рекам на восток.

В начале августа 1733 года академики и их спутники выехали из Петербурга.

Все понимали, что уезжают надолго. Но никто не знал, что началось путешествие, которое продлится почти десять лет.

hi

Прошел месяц, пока академическая экспедиция добралась до тверского городка Вышний Волочок. Извилистый путь по каналам, озерам и рекам, по которым часто нужно было тащить судно лямками против течения, кончился.

Вышний Волочок был построен на реке Тверце, которая течет прямо в Волгу. По Волге можно было плыть дальше уже без всяких затруднений.

Узенькая речка Твёрда текла между лесистыми берегами.

«Плыть приходилось без паруса. Речка так спряталась в лесах, что ветер все равно не мог до нее достать», писал впоследствии академик Гмелпн.

1С5

Лес, то еловый, то березовый, а чаще всего сосновый, стоял по обоим берегам речки. На полянках между деревьями виднелись кустики черники и брусники, иногда почти сплошь покрывавшие землю. А там, где было сыро, росли папоротники с длинными светлозелеными листьями, изящно вырезанными по краям, и мхи. Только изредка виднелись поля, на которых уже была сжата рожь, и маленькие деревушки.

Гмелин и Миллер старались не терять время напрасно.

Оба с первого же дня начали тщательно вести дневники, куда заносили описания местностей, названия всех селений, мимо которых проезжали, и все, что казалось примечательным.

В пути и во время остановок Гмелин скоро успел набрать немало растений. Он тщательно складывал их между листами пропускной бумаги, кладя сверху небольшой, равномерно лежащий груз, чтобы они высохли лучше. Потом Гмелин осторожно разбирал высушенные- растения.

Он звал к себе Крашенинникова и предлагал смотреть, как составляется гербарий.

Этот юноша, скромный и любознательный, нравился Гмелину

больше других студентов. Академик думал о том, что со временем сможет поручать ему простые работы по сохранению и приведению в порядок коллекций, чтобы не затрачивать на это времени самому.

Миллер, заметив небольшие круглые холмы, напоминавшие курганы, которые насыпались встариину иад местами погребений, дважды делал раскопки еще на пути к Вышнему Волочку. Оба раза он не нашел ничего интересного и объяснял это тем, что за недостатком времени не удалось довести раскопки до конца.

Когда подплыли к старинному городу Торжку, Миллер велел рисовальному мастеру Люреениусу тщательно зарисовать круглый вал, на котором еще недавно возвышались городские стены. Академик жалел, что старинные укрепления были при Петре Великом срыты и использованы как строительный материал, потому что отжили свой век.

На гребцов и солдат Миллер и Гмелин смотрели свысока, как на людей, существующих только для того, чтобы выполнять их распоряжения. Однако оба начинали с интересом прислутивать-

Город Торжок в XVII веке.

Рисунок из альбома Мейерберга.

ся к их разговорам, если замечали, что можно извлечь из их слов что-либо полезное для научных наблюдений.

Когда проплывали мимо густых лесов, Миллер и Гмелин услышали, как гребцы говорят о том, что здесь много леших. Академики сразу заинтересовались и стали расспрашивать гребцов,

«Они описывали нам этих леших, как диких людей, обросших волосами, принимающих рост тех предметов, около которых находятся. В лесах лешие ростом с деревья, на лугах — с траву, а на голой земле — не выше песчинки. Лешие не нападают на людей, но любят над ними смеяться и щекотать их. Могут защекотать до смерти. Лешие могут быть мужского и женского пола», вспоминал потом Гмелин.

Академики занесли эти рассказы в дневники как материал для изучения народных верований. А услышав, что один из гребцов хвастается, будто может вызывать леших, захотели потешиться. Миллер и Гмелин потребовали, чтобы гребец доставил им пару леших: одного — мужского, другого — женского пола, и

обещали дать за них хорошую плату. Потом показали ему большие латинские книги из своей библиотеки и, сказав, что могут по ним колдовать, пригрозили обратить его самого в лешего, если он не выполнит свою похвальбу.

Гребец согласился.

«Целую ночь парень, стоя у нашей каюты, то и дело начинал орать так, что не давал нам ни на минуту заснуть. А на другой день сказал, что старался изо всех сил вызвать леших, но они не явились. Когда же мы заявили, что выполним нашу угрозу, он повалился в ноги, прося не превращать его в лешего и ссылаясь на то, что мы сами слышали, как усердно он кричал. Довольно посмеявшись, мы согласились помиловать его», вспоминал Гмелин.

Крашенинников не знал, кто над кем смеялся больше: академики над парнем или он над ними, не давая заснуть всю ночь.

Но была и серьезная сторона в этом происшествии: видя, как .Миллер и Гмелин записывают рассказы о леших, Крашенинников впервые узнал, что верования, на которые он раньше не обращал внимания, могут быть предметом изучения.

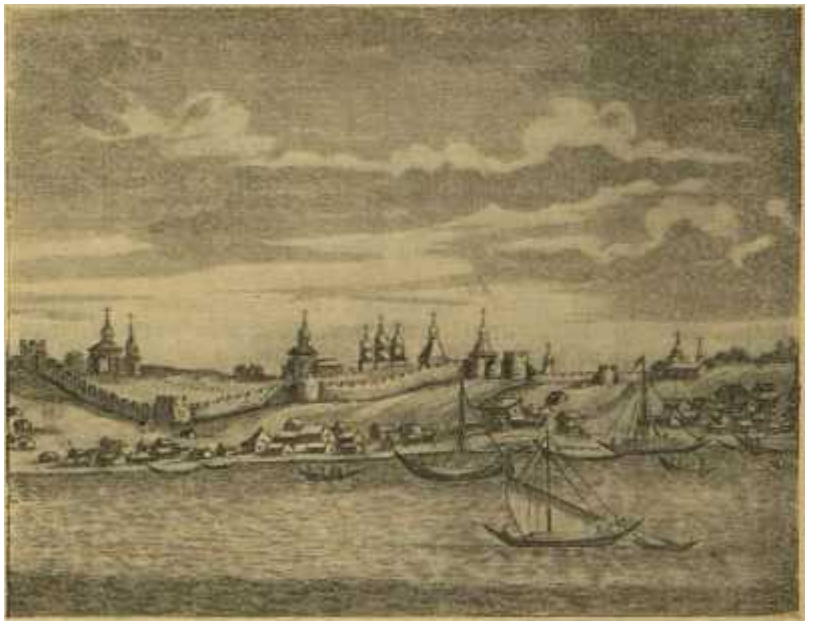
В середине сентября доплыли до Твери. Капитан-командор Беринг, отплывая с командой в начале лета вниз по Волге из этого города, оставил здесь для академиков речное судно со штурманом и боцманом. Академики велели сделать каюты с камином, кухню с двумя очагами и другие приспособления для удобного плавания.

Через десять дней все приготовления были закончены. Судно отчалило от пристани. Приходилось торопиться, потому что стоял уже конец сентября, а надо было доплыть до Казани, прежде чем начнется осенний ледоход. Все же решили изредка останавливаться на короткое время в местах, почему-либо особенно интересных.

Проплывая мимо древнего города Углича, где погиб царевич Дмитрий, младший сын Ивана Грозного, сделали остановку. Там сохранился старинный кремль, обнесенный деревянной крепостной стеной с башнями по углам. Миллер осмотрел эти укрепления и велел их зарисовать.

Не надолго остановились в Ярославле, чтобы осмотреть этот

1CS



Нижпий-Новгород.

С голландской гравюры начала XVIII века.

старинный и красивый город. Здесь услыхали, что в местном монастыре есть часовня, в которой хранятся кости великана.

Гмелин е несколькими спутниками пошел туда, чтобы осмотреть эту диковинку. Им рассказали, что кости найдены много-лет назад, когда рыли могилу, чтобы похоронить ярославского-епископа Трифона. Монахи говорили, будто это кости разбойника, который когда-то здесь жил.

Гмелтшу показали две большие кости.

— Одна — бедро слона, а другая, повидимому, какая-то из. его головных костей, вероятно скула, — сказал Гмелин.

Очевидно, эти кости были частью скелета мамонта.

Крашенинников, обучаясь в Спасскпх школах, никогда не ■слыхал о мамонтах и других ископаемых животных. Легенды, которые рассказывали монахи, принималась там на веру. Слова Гмелина должны былн не только удивить Крашенинникова, но и вызвать мысли, раньше не приходившие ему на ум.

С каждым днем все больше чувствовалось, что наступила ■осень и надо ускорить плавание. В Нижнем-Новгороде не стали ■задерживаться, хотя штурман и боцман очень хотели провести некоторое время в этом большом торговом городе, чтобы сделать разные покупки.

Однако, плывя мимо чувашских и черемисских деревень, встречавшихся за Нижним-Новгородом, несколько раз останавливались, хотя и не надолго.

Взяв с собой кого-нибудь из студентов, Миллер сходил на ■берег. В деревне он медленно шел по улице, внимательно присматриваясь ко всему, что видел.

Миллер вглядывался в лица, стараясь запомнить характерные черты, отмечал особенности одежды, построек, орудий, которые употребляли в работе. Он входил в избы и пытался заводить разговор. Студент старался помочь в беседе, когда Миллер затруднялся найти нужное русское слово. Часто, впрочем, сами хозяева — чуваши или черемисы — совеем не говорили по-русски.

Они встречали неожиданных гостей с недоумением и некоторым страхом. Никак не могли понять, что нужно неизвестному ■барину. Боялись, что он пришел неспроста и не к добру.

Миллер не смущался их тревогой. Для него эти люди стояли как будто на совсем иной ступени бытия, чем он сам. Миллер рассматривал обстановку их жилищ с той спокойной уверенностью, с которой натуралист изучает устройство муравейника, ■совсем не заботясь о том, тревожатся ли муравьи.

У видев одежду с такой вышивкой, какой еще не приходилось встречать, Миллер говорил, что хочет ее купить. И хотя хозяевам избы непонятно было, для чего понадобилась ему эта одежда, ■они чувствовали некоторое облегчение: становилось, по крайней мере, ясно, зачем пришел странный гость.

Купленная .одежда относилась на судно и присоединялась к коллекциям, которые собирались для кунсткамеры Академии наук. Крашенинников рассматривал -покупку. Часто ото была простая рубашка из грубого домотканного холста, но ее ворот и рукава были своеобразно вышиты красной, черной или синей шерстью. На кичках, которые носили женщины, украшения были сложнее: старинные серебряные монеты и разноцветный бисер придавали им особую нарядность.

Крашенинников начинал понимать, что даже в самой неказистой избушке, где хозяева зимой живут вместе С телятами И Черемиска,

ягнятами, ЛЮДИ умеют ра- С *гравюры XГ111 века.*

доваться узорам и нередко придумывают их с большим вкусом. Когда Миллеру удавалось приобрести для кунсткамеры какой-нибудь яркий старинный наряд, Крашенинников радовался удаче. Он вспоминал, что не раз встречал в торговых рядах между Ильинкой и Никольской улицей людей, приезжавших в Москву в своей национальной одежде, но почти не обращал на нее внимания. А теперь поле его зрения как будто расширилось: он стал видеть то, чего не замечал раньше.

Чем дальше плыли вниз по Волге, тем шире она становилась, и все больше поражало изобилие рыбы. Когда судно приближалось к какому-нибудь поселку, где жили рыбаки, от берега часто отчаливали лодки, нагруженные осетрами, белугой, стерлядью и другой рыбой. Рыбаки рассказывали, что им случалось ловить белуг, весивших больше сорока пудов, и осетров в двадцать пудов весом. Вкусная, нежная, жирная стерлядь была так дешева, что ее могли есть сколько угодно далее студенты, у которых денег было немного: две стерляди стоили копейку.

Крашенинников и его товарищи, которые еще год назад, учась в Москве, питались обычно хлебом с квасом и луком да пустыми щами на обед, теперь постоянно готовили себе стерляжью уху. Но Гмелпн и Миллер находили, что чуваши. эта рыба, хотя и очень

С *гравюры XVIII века.* ВКУСНЯ, СЛИШКОМ ЖЩШ И

скоро приедается.

Каждый раз, когда начинал дуть хотя бы небольшой попутный ветерок, поднимали парус, чтобы ускорить плавание. Миллер и Гмелпн настаивали, чтобы гребцы не надеялись на парус и налегали на весла, хотя течение реки и само несет судно.

— Эти люди боятся работы, как врага, — шутил Гмелпн.

С каждым днем нарастало опасение, что не удастся добраться до Казани прежде, чем пойдет осенний лед. Стало холодно. Мпллер и Гмелпн уже давно приказали каждый день топить их каюты. Несколько раз начинал падать снег. И все-таки в середпне октября, за два дня до начала ледохода, приплыли в Казань.

Здесь нужно было переждать, пока установится санный путь. Академики нанесли визит губернатору и были приняты, как важные петербургские гости.

Казанский татарин.
С гравюры XVIII века.

Виднейшие казанские чиновники спешили пригласить их к себе на обед.

Гмелин и Миллер старались и здесь сделать возможно больше различных наблюдений. Крашенинников опять узнавал новое.

Гмелин начал вести метеорологические наблюдения.

Помогая ему, Крашенинников узнал, как надо записывать показания барометра и термометра, отмечать направление и силу ветра, выяснять количество атмосферных осадков.

— Наблюдения над погодой только тогда могут быть весьма полезны науке, когда ведутся на одном месте изо дня в день, пз года в год, — говорил Гмелин Крашенинникову.

Гмелин нашел в Казани учителя, который согласился постоянно наблюдать погоду. Потом Крашеиипников не раз видел, что Гмелин и в других местах поступает так же: начав метеорологические наблюдения, подыскивает перед отъездом человека, который согласился бы продолжать их.

Казанские татары славились уменьем выделывать кожи, окрашивая их в черный или желтый цвет. Гмелин собрал сведения об этом производстве, стараясь понять приемы обработки

кож. Он и Миллер осмотрели большую суконную мануфактуру, основанную по приказанию Петра Великого и перешедшую затем-в частные руки.

Оба сделали записи об этом в свои путевые дневники, а потом поместили собранные сведения в одном из отчетов о своих наблюдениях, которые время от времени давали переписывать

студентам и затем посылали в Петербург.

Крашенинников впервые узнал таким образом, что и промышленность тоже, может быть предметом изучения.

Вскоре он смог понять это еще яснее.

В начале декабря, когда окончательно установился хороший санный путь, академики и их спутники направились в Сибирь через Урал. Еще по пути в Екатеринбург два раза останавливались, чтобы осмотреть медные рудники, принадлежавшие промышленникам Демидовым и Строгановым, имена которых были широко известны в то время. А в Екатеринбурге постарались узнать возможно больше о горной промышленности Урала.

Екатеринбург был молодой город, основанный за пятнадцать лет до этого, но уже ставший центром горного дела на Урале. Здесь жил старый сподвижник Петра Великого, генерал-лейтенант Гении, управлявший всеми уральскими рудниками и заводами. Он любезно принял академиков и обещал сам показать некоторые заводы.

Несколько дней ушло на отдых в Екатеринбурге. Наступили святки, и по улицам ходили ряженые. Они пришли и в дом, где отвели квартиру путешественникам. Среди масок были барин и барыня, чорт с рогами и хвостом, смерть в саване и с косой, цыган, музыканты. Ряженые плясали под музыку. Только смерть, да чорт не танцовали.

— Нам все подвластны. Это наши подданные — говорили они гордо, показывая на своих спутников.

Академики смотрели на ряженых с некоторым недоумением, не зная, как себя держать, чтобы не уронить свое достоинство и сохранить важность. А студенты смеялись от души.

В самом начале нового, 1734 года генерал-лейтенант Генин поехал с Гмелиным за пятьдесят верст от Екатеринбурга, чтобы осмотреть один из заводов, на котором выплавлялось железо. За?

тем Гмелиы сделал еще одну поездку и осмотрел ряд различных: рудников, чтобы познакомиться ближе с горным делом. Генин дал ему образцы разных руд и согласился отпустить в путешествие по Сибири опытного рудокопа. Гмелин постарался в короткий срок приобрести знания, нужные для того, чтобы лучше разбираться в рудах и судить о рудниках, которые рассчитывал увидеть в Сибири.

Крашенинников не мог не заметить, что Гмелин придает большое значение этим занятиям. Академик говорил, что Сенат ценит такие известия о горном деле больше, чем другие сведения, которые могла дать экспедиция, потому что новые сообщения о рудниках можно использовать практически.

Однако долго задерживаться на Урале было нельзя. В последних числах января Гмелин и его спутники приехали в Тобольск и застали там большую часть команды капитан-командора Беринга. В Тобольске сибирский губернатор Плещеев встретил академиков, как хлебосольный хозяин и гостеприимный начальник края. Он сказал им, что постарается оказать самое широкое содействие в их работах.

Губернатор разрешил Миллеру просматривать все старинные указы и другие документы, которые он сможет Найти в архивах при разных учреждениях, и велел дать в помощь -академику подьячих. Миллер знал, что в Тобольске как старейшем и важнейшем городе Сибири можно найти много интересного историку: старинные наказы сибирским воеводам, указы, которые по-разным поводам рассылались по всему государству; копии донесений воевод и казачьих атаманов о том, как завоевывались новые сибирские земли.

Миллер принялся за работу с большим рвением. Он просмотрел в короткий срок очень много старинных дел, разложил их по годам и отметил самые интересные документы. Нужно было» сделать много выписок, интересных для истории Сибири. Миллер-привлек к этой работе и студентов.

Крашенинников вместе с товарищами бережно развертывал свитки, в которые склеивались архивные бумаги. Он вчитывался в намеченные для переписки документы, и перед ним вставала жизнь, ушедшая в прошлое: походы казаков в еще не изведанные места, бои, восстания, вспыхивавшие среди покоренных народов. Он начинал понимать, как старинный документ позволяет точно узнать события, уже исчезнувшие из памяти людей, у'

В школе Крашенинников читал только отрывки из древних историков. Теперь ему пришлось узнать, как надо отыскивать материалы для исторического исследования.

Незаметно подошла весна, прошел лед на Иртыше. Разлилась река и, как обычно, подошла почти вплотную к домам в нижней части города, но пошла на убыль, не затопив улицы.

В свободные часы Крашенинников с товарищами не раз ходил на берег реки. Там шла оживленная работа. Адмиралтейские плотники, приехавшие из Петербурга с командой Беринга, работники из сибирских ссыльных и мастеровые стучали топорами, строгали, пилили целые дни.

Под присмотром молодого лейтенанта Овцына спешно строилось небольшое судно — дубель-шлюпка «Тобол». Овцын должен был выйти в Ледовитый океан, чтобы пройти от устья Оби до устья Енисея. Делались дощаники и лодки, на которых капитан Чириков должен был плыть от Тобольска с командой и

грузами экспедиции по сибирским рекам к Якутску.

Четырнадцатого мая проводили лейтенанта Овцына, Сам губернатор и другие тобольские власти, капитан Чириков и академики поднялись на палубу «Тобола», чтобы пожелать счастливого плавания лейтенанту и его команде. Старые пушки на башнях тобольского кремля дали салют, когда дубель-шлюпка поплыла вниз по Иртышу, а с судна ответили залпом из маленьких орудий— Фальконетов. Через несколько дней проводили Чирикова, Так же торжественно стреляли городские пушки, а с двенадцати дощаников, плывших вниз по Иртышу, в ответ кричали «ура».

Затем отплыли из Тобольска академики. Они решили посетить южную часть Сибири, которая была еще очень мало исследована. Поэтому они задумали плыть вперед не обычным путем, которым направилась вся команда экспедиции, а в противоположную сторону — вверх по Иртышу на Алтай, чтобы затем зимой на санях ехать в Иркутск. Этот путь был гораздо длиннее, но зато интереснее.

Двадцать четвертого мая Гмелин и Миллер отплыли пз То-

больока. Губернатор распорядился дать достаточное число людей, которые, идя берегом, должны были тащить на лямках против течения два дощаника, на которых плыли академики и их спутники. Выше Тобольска Иртыш часто делает большие изгибы, и дощаники очень медленно плыли между берегами, уже покрывшимися зеленой травой с весенними цветами.

— Медленность нашего плавания мне только на пользу. Я могу, не отставая от судна, итти по берегу и собирать растения, — говорил Крашенинникову Гмелин.

Он шел не спеша, внимательно присматриваясь к растениям, встречавшимся на пути. Крашенинников нес за ним ящичек из белой жести, удобный для собирания растений, потому что они увядали в нем не так скоро, как в деревянном.

Крашенинников сперва пытался помогать академику, срывая самые большие и красивые цветы. Но Гмелин интересовался ими меньше всего: они обычно были давно известны. С некоторым удивлением Крашенинников видел, как Гмелин часто с радостью срывает какую-нибудь совсем незаметную травку и, рассмотрев ее внимательно, с сияющим лицом кладет в длинную жестяную коробку, которую носил через плечо. Крашенинников знал, что Гмелин кладет туда находки, которыми особенно дорожит и не решается доверить их другому.

Потом оказывалось, что эта незаметная травка еще никем не описана. Иногда бывало к тому же, что она является как будто звеном между двумя уже известными растениями. Тогда Гмелин

радовался ей так, словно неожиданно нашел страницу, выпавшую из интересной и нужной книга.

Гмелин, так же как и Миллер, никогда не забывал о том, что студенты являются его подчиненными.

— Они состоят в нашей команде, — говорил он про студентов.

Но ему часто хотелось рассказать кому-нибудь о той или иной удачной находке. Огорчения и разочарования, которые случалось испытывать, еще можно было переживать одному. А радоваться открытиям в одиночку было трудно.

Гмелин дружил с Миллером и говорил ему о своих находках. Но Миллер ботаникой мало интересовался и, казалось, слушал терпеливо как будто только для того, чтобы потом, в свою очередь, рассказать о каком-либо старинном указе, сохранившемся в тобольском архиве.

Гмелин стал показывать новые растения своему постоянному спутнику — Крашенинникову, рассказывая, чем они интересны.

Для того чтобы студент мог оценить находки, надо было познакомить его с ботаникой. Это нужно было и по другой причине. Гмелпн понимал, что сделает гораздо больше, если у него будет помощник, который сможет по его поручению сам собирать, растения. Для этого Крашенинников должен был знать основы науки, изучающей растения.

Гмелин начал давать ему уроки ботаники. Крашенинников, усердно слушал объяснения. А потом внимательно рассматривал и читал книги по ботанике, которые ему показывал Гмелин. На корешках книг стояли имена ученых разных стран: Рея и Турнефора, Клюзиуса и Джонстона. Все эти книги были написаны по-латыни.

Крашенинников не мог не подумать, что знание латинского языка, полученное в школе, стало приносить большую пользу. Он легко понимал теперь сочинения ученых-ботаников.

Почти три недели плыли вверх по Иртышу от Тобольска,, пока доплыли до города Тары, до которого считалось около четырехсот пятидесяти верст. За Тарой началась Барабинская степь..

В продолжение многих дней с палубы дощаников открывался, один и тот же вид: по обоим берегам реки, насколько хватал глаз, уходила вдаль зеленая равнина. Далеко на горизонте, сливаясь с небом, она казалась безграничной и бесконечной, как море, когда не видно берегов.

Не было заметно никаких дорог, и они казались ненужными,, потому что можно было итти в любом направлении, не встречая каких-либо преград.

После лесов, которых было так много на пути от Петербурга, до Тобольска, этот беспредельный простор казался чем-то необычным — точно приплыли в страну, где есть только приволье,, тишина и покой. Эта степная равнина была однообразной лишь на первый взгляд. Она имела свой богатый растительный мир* -своих птиц и зверей.

У степи была и своя история, о которой говорили невысокие круглые курганы над местами старинных погребений. А небольшие крепости, обнесенные бревенчатой оградой с башнями по углам, построенные по приказу Петра Великого на расстоянии двухсот верст одна от другой вверх по Иртышу, напоминали, что еще недавно здесь происходили сражения с киргизамп-кайсаками и другими степными кочевыми народами, которых еще не вполне удалось покорить.

«Здесь нам все было ною, п мы испытывали тот первый угар увлечения, когда никакое неудобство, недостаток или опасность не могли понизить наше настроение. Мы попали точно в какой-то богатый цветами райский сад, где были собраны редкпе животные, в кабинет древности, где были старинные погребения языческих народов со скрытыми в них достопримечательностями. Мы попали в места, по которым еще никто не путешествовал с ученой целью», писал потом Миллер о плавании вверх по Иртышу.

Для Крашенинникова такое путешествие должно было стать школой, в которой ему пришлось учиться так, как он не учился до тех пор никогда.

Чем дальше плыли вверх по Иртышу, тем более узким и быстрым он становился. Вблизи Тобольска Иртыш был широкой рекой, медленно катившей свои воды. А за маленькой крепостью Железинекой, построенной в двухстах с лишним верстах выше Омска, он превратился в сравнительно небольшую быструю речку. Все труднее становилось тащить дощаники против течения: лямки натирали плечи, люди едва шли, жалуясь на усталость.

Гмелин и Миллер решили ускорить свое путешествие. В небольшой крепости Ямышевой они взяли у коменданта верховых лошадей и, получив целый отряд казаков для охраны в пути, направились прямо через степи в Семипалатинск, а оттуда в Усть-Каменогорск, к верховьям Иртыша.

Крашенинников остался на дощанике, все медленнее и медленнее плывшем вверх по реке,

Южнее Семипалатинска степь постепенно начала переходить в холмистую местность, и все чаще стали попадаться небольшие березовые леса, Потом показались далекие синие Алтайские горы. А когда наконец Гмелин, Миллер и их спутники стали подъезжать

к Усть-Каменогорску, то попали в места, радовавшие глаз.

(J гор сбегали кристально чистые ручьи, журчавшие по камням. В кустах пели и щебетали птицы, как будто перекликаясь друг е другом на разные голоса. Небольшие олени маралы, дикие бараны аргалы, косули, кабаны и сохатые, как называли в Сибири лосей, в изобилии водились в лесах.

Но русских людей было еще мало в благодатном Алтайском крае. Маленькая Усть-Каменогорская крепость, обнесенная, как и все верхнеиртышскне укрепления, только бревенчатыми стенами и земляным валом, была построена там, где Иртыш вытекает между двух гор, как из высоких ворот, в зеленую долину.

В крепости были казармы для гарнизона из одной роты под командой поручика и несколько десятков домов, в которых жили казаки, отставные солдаты и другие жители города. В окрестностях Усть-Каменогорска не было русских деревень. А до ближайшего русского городка Колывани считалось почти двести верст.

Наступила, уже середина августа. Надо было торопиться, чтобы, сделав небольшое путешествие по Алтайскому краю, до начала зимы спуститься по реке Томи к городу Томску. Оттуда можно было санным путем ехать в Иркутск.

Академики и их спутники, немного отдохнув в Усть-Каменогорске, выехали в Колывань.

Об этом маленьком алтайском городке они слышали еще на Урале. Владелец многих уральских рудников и заводов Акинфий Демидов разрабатывал и руды, скрытые в горах Алтая. На Воскресенской горе, вблизи Колывани, находились медные рудники, принадлежавшие Демидову.

Медь, серебро и золото были и в других соседних местах. На пути между Усть-Каменогорском и Колыванью было тоже несколько небольших рудников, в которых добывали руду кустарным способом, не углубляясь далеко под землю. Гмелин осматривал их, собирая сведения о горных богатствах Алтая.

Жители рассказывали, что часто находят руду там, где видны следы работ, которые когда-то вели неизвестные обитатели Алтая задолго до того, как сюда пришли русские люди.

ры и некоторые другие металлические предметы и золотые украшения, найденные в могилах.

Миллер слышал, что в местах старинных погребений здесь находят медные, серебряные н золотые вещи. Он сам начал раскопки, но не нашел ничего интересного. Оказалось, что большие и богатые гробницы уже разрыты. Местные жители расплавляли золотые и серебряные вещи, которые там находили, и продавали слитки на вес.

«Мне удалось, однако, купить на вес золотого всадника на коне, с нарочитым искусством сделанного, и доставить его в кунсткамеру», рассказывал впоследствии Миллер.

Миллер приобрел для кунсткаме-

Koniibiit воин.

Золотая статуэтка из старинных погребений, приобретенная ока у.

Миллером в 1734 году.

Крашенинников рассматривал их с интересом. Не сохранилась даже память о том, к какому народу принадлежали люди, сумевшие отыскать в горах руду, нашедшие способ выплавлять золото, радовавшиеся красоте сделанных иМи вещей. Однако, тщательно изучая находки, можно было узнать кое-что о жизни и быте этих неведомых мастеров.

В конце августа Крашенинников вместе с Гмелиным и Миллером выехали из Колывани, продолжая путь на восток по Алтайскому краю. По дороге несколько раз проезжали через недавно ,, . „„„ выстроенные маленькие поселки.

Серебряная статуэтка из а а- [г]

ринпых сибирских погребении. В КОТОРЫХ Встречали ЛЮДвЙ, При-

Писаный камень на реке Томь,
Рисунок, сохранившийся среди бумаг акал. Миллера.

сланных Демидовым с Урала, чтобы разрабатывать руды, скрытые в недрах гор.

В середине сентября добрались до городка Кузнецка, расположенного на берегу речки Томь. Этот город не случайно получил свое имя. Еще до прихода русских татары плавили здесь железо в маленьких печках и ковали из него различные изделия.

Академики провели здесь две недели, совершив несколько поездок, чтобы познакомиться с бытом коренных обитателей края.

Из Кузнецка отплыли вниз по реке, направляясь в старый сибирский город Томск, построенный еще при царе Федоре Иоанновиче. Здесь рассчитывали отдохнуть после летних и осенних странствий и привести в порядок собранные материалы. По пути сделали еще одну остановку.

На высоком, крутом берегу Томи возвышалась крутая скала, в десять сажен вышиной, известная в тех местах под названием

«Писаный камень». Это имя было дано ей не напрасно: загадочные рисунки, высеченные на ней неведомо когда, виднелись издалека.

Гмелин н Миллер с несколькими спутниками высадились на берег и потратили немало времени, чтобы осмотреть скалу. На высоте нескольких сажен она была покрыта разными изображениями: ясно были видны фигуры людей, оленей, серн, козлов и рыбы, похожей на налима.

Непонятно было, что это такое: письмена или рисунки первобытного художника. Для того чтобы их сделать, потребовалась долгая работа. Неизвестно было, с какой целью она проделана,

— Я не знаю, что с этим делать. Но то, что скрыто сейчас от нас, может быть станет понятным когда-нибудь в будущем, -—- сказал Миллер и велел живописцу точно зарисовать скалу.

Потом, уже зимой, проезжая через Енисейск, услыхали еще о такой же скале — на Енисее. Академики послали Крашенинникова с рабочими людьми осмотреть это место и проложить к нему дорогу в снегах, а затем побывали там сами. Здесь рисунки были сделаны какой-то несмываемой краской, причем преобладали человеческие фигуры. Объяснить их значение так и не удалось.

В Томске кончилось путешествие по Западной Сибири, давшее так много материалов.

В начале марта 1735 года академики и их спутники прибыли в Иркутск. Здесь они стали собирать сведения, необходимые, чтобы выработать план исследований в Восточной Сибири предстоящим летом. А Крашенинников мог подвести итоги тому, что город Томск_

УЗНал С Тех пор, как ВЫ- *с миниатюры из «Краткой сибирской летописи»* ехал из Петербурга. *ті года.*

1S3

масштаб: 'Q° so ? iqo

™°«“-

СХЕМАТИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ПУТИ ГМЕЛИНА, МИЛЛЕРА И КРАШЕНИННИКОВА ОТ ТОБОЛЬСКА ДО ТОМСКА.

За эти полтора года пришлось проехать, по подсчету Гмелпна, девять тысяч семьсот верст. Крашенинников увидел Волгу if сибирские реки, Уральские и Алтайские горы, привольные степи по берегам Иртыша и высокие, густые леса, через которые шла дорога на Иркутск. Он познакомился с жизнью разных народов — [a] от чувашей и черемисов в Поволжье до алтайских телеутов.

Но еще важнее было другое. Крашенинников узнал, что наука заключается не в заучивании и повторении. Он понял, что пожелтевшие документы, извлеченные из архивов, и предметы, найденные в старинных могилах, могут многое рассказать о прошлом человечества.

Перед Крашенинниковым раскрылся мир растений и животных. Крашенинников научился видеть и наблюдать в природе то, чего раньше не сумел бы даже заметить.

IV

Иркутск считался одним из самых важных и богатых сибирских городов; он был построен на берегу большой реки Ангары, в шестидесяти верстах от Байкала. Все купцы, направлявшиеся за Байкал для торговли с Китаем, проезжали через этот город..

Вице-губернатору, жившему в Иркутске, подчинялась вся Восточная Сибирь: Забайкалье до китайских границ, Якутский край и Камчатка. И хотя он был обязан выполнять указы, которые получал от сибирского губернатора из Тобольска, однако на деле являлся почти полным хозяином Восточной Сибири.

Гмелин и Миллер узнали от вицеггубернатора, что капитан-командор Беринг живет в Якутске и не скоро отправится на Камчатку.

— Еще и половину провианта и прочих'грузов для экспедиции не переправили в Охотск. А пока там корабли построят да в плавание выйдут, не один год пройдет, -— сказал вице-губернатор.

Академики решили, что незачем спешить в Якутск, если нельзя даже приблизительно сказать, когда выедет на Камчатку Беринг, которого они должны туда сопровождать.

«Мы узнали об этом не без облегчения, надеясь, что сможем провести время с большим удовольствием и пользой, чем в Якутске», рассказывал впоследствии Миллер.

Емелин знал, что в Забайкалье, где летом не жарко, но достаточно тепло и довольно много осадков, растительность должна быть гораздо богаче, чем в холодном Якутском крае. К тому же за Байкалом находились Нерчинские-и Аргунские рудники, которые полезно было осмотреть.

А Миллер думал о том, что архивы забайкальских острогов могут дать ему много сведений, нужных для «Истории Сибири». Он говорил также, что путешествие к китайской границе было бы очень полезно для задуманной им «Географии Сибири» и позволило бы собрать материалы о русско-китайской торговле.

Крашенинников вскоре узнал, что план дальнейшего путешествия составлен.

Было решено ехать в Селенгинский острог, считавшийся в то время главным в западной части Забайкалья. Оттуда надо было съездить к китайской границе, в торговую слободу Кяхту. А затем следовало направиться в Читу, чтобы плыть в Нерчинск по Ингоде и по Шилке, дающей начало Амуру. Осмотрев Нерчинск, можно было сделать еще несколько поездок и вернуться в Иркутск к началу осени.

В двадцатых числах марта академики и их спутники выехали на берег Байкала.

— Байкал замерзает позже всех сибирских рек — около Рождества. Зато лед на нем держится до мая, — говорили иркутские старожилы.

На Байкале действительно стоял толстый и крепкий лед. Переезд через озеро прошел без всяких осложнений. А когда доехали до другого берега, увидели, что из-под снега уже показалась вялая, желтоватая прошлогодняя трава.

С трудом переправившись через Селенгу, на которой уже начал подтаивать и трескаться лед, добрались до Селенгинска. Он выглядел так же, как все сибирские остроги: так же был обнесен бревенчатыми стенами с деревянными башнями на всех четырех углах и над воротами; и так же эти укрепления уже потеряли значение—буряты, кочевавшие вблизи Селенгинска,

понемногу сжились . с русской властью, и городу не угрожало нападение.

Забайкальская бурятка.

С гравюры XVIII века.

Старенький селенгин-ский воевода, дослужившийся до чина бригадира, строил тридцать лет назад, при Петре Великом, Омск и другие укрепления на реке Иртыше. Он охотно поделился с Миллером воспоминаниями. А потом укапал проводника по Забайкалью, бывалого охотника, не раз ходившего за соболями по берегам Амура в пределы Китайской земли и спускавшегося по отрогам Станового хребта до устья реки Витим, впадающей в Лену. Воевода дал и переводчика, знающего бурятский язык.

Гмелин и Миллер не стали задерживаться в Се-ленгинске. У лее в ближайшие дни они поехали за семьдесят верст к старому тайше, как называли буряты своих князей. Тайша выехал к ним

навстречу со свитой из всадников, вооруженных луками и на скаку пускавших стрелы высоко к небу в честь гостей.

Крашенинников увидел круглые бурятские юрты из белого войлока, большие стада овец и табуны лошадей. Буряты угощали гостей кирпичным чаем, сваренным с молоком, маслом и солью, а их лама отвечал на вопросы о вере и показывал завернутых в шелковые лоскутки бурханов — медные и серебряные изваяния божества. .

Академики постарались достать для кунсткамеры бурятскую одежду. Они знакомились е бурятскими и тунгусскими шаманами, вызывавшими злых и добрых духов, и сделали много этнографических наблюдений.

Тунгусский шаман.
С гравюры XVIII века.

Миллер и Гмелин съездили в Кяхту, до которой от Селенгинска было сравнительно недалеко. Оказалось, что эта слобода, широко известная в Сибири,, находится в голой степи и совсем невелика. В Кяхте-был гостиный двор для приезжих русских купцов. А в ста двадцати саженях за пограничным столбом начинался китайский поселок с улицами, по обеим сторонам которых стояли лавки. Китайцы привозили сюда шелковые ткани, чай, фарфор, табак п даже бумажные цветы. Русские купцы продавали им муку и меха.

В Кяхте пробыли недолго, торопясь вернуться в Селенгинск. Оттуда выехали на восток, направляясь в Нерчинск. Крашенинников увидел забайкальские степи. Они мало походили на беспредельную, широкую, ровную степь, расстилавшуюся по пути на Алтай по обоим берегам Иртыша.

В Забайкалье и степь нередко была холмиста или лежала в долине, по сторонам которой видны были небольшие горы, поросшие лесом.

Трава была невысокая, но зато летом вся покрывалась цветами. Тут росли те же цветы, которые Крашенинников еще в детские годы обычно видел под Москвой: белая с золотой сердцеви-

вой ромашка, желтые одуванчики, еще не успевшие покрыться .пушинками, похожими на маленькие летучие белые зонтики. Но .много было и других, гораздо более ярких цветов: на склонах холмов росли стройные саранки с сиреневыми, в коричневых кра-.иинках душистыми цветами, а у рек распускались большие красные лилии и стояли на высоких ножках жарки, прозванные так за свой огненный цвет.

Как и прошлым летом, Гмелин часто находил никем неописанные растения и показывал их Крашенинникову.

Перевалив через невысокий лесистый Яблоновый хребет, названный так, по мнению Гмелина, потому, что здесь было много мелких камней, круглых, как яблоки, увидали речку Ингоду.

К Ингоде подъехали там, где в нее впадает речка Чита. Здесь •стоял маленький острожек в двенадцать изб, который называли то Чита, то Плотбище, потому что в этом месте делали плоты, чтобы плыть вниз по Ингоде в Нерчинск.

— *У* меня нет охоты плыть без защиты от дождя и ветра, — сказал Гмелин, увидав плоты.

На Ингоде встречались мелкие места, каменные гряды, перекаты, через которые было очень трудно переплыть па лодке с грузом, однако свободно проплывал плот.

Оказалось, что на плот можно погрузить дорожные кареты .Гмелина и Миллера, закрывавшиеся в непогоду со всех сторон.

«Мы так приспособились затем к плаванию на плотах, что я считаю рассказы о его неудобствах пустой болтовней», писал йотом Гмелин.

Крашенинникову, как и другим спутникам академиков, прилилось плыть под открытым небом, но он не жаловался на это. Перед ним проходили новые привольные и красивые места. По сбоим берегам стояли прекрасные леса с лужайками, на которых росла сочная, яркозеленая трава. И только очень редко встречались небольшие русские поселки из нескольких изб: край еще «был почти совсем не заселен.

Незаметно доплыли до устья реки Онон, сливающейся с Ин-

годой и дающей вместе с нею начало реке Шилке. Отсюда уже было недолго плыть до того места, где впадает в Шилку речка Перча, у устья которой стоял старинный Нерчинский острог.

Город Нерчинск.

С голландской гравюры начала XYIII века.

Раньше в Нерчинск приходили по Амуру и Шилке караваны с китайскими товарами. Затем торговля с Китаем пошла по другая путям. Но острог сохранил некоторое значение благодаря свинцовым и серебряным рудникам, находившимся поблизости.

В Нерчинске сохранились старинные указы, грамоты и черновики тех донесений, которые посылались отсюда управителями острога. Миллер с радостью увидел, что здесь много интересного для истории края, и начал разбирать архив.

А Гмелин с Крашенинниковым и еще несколькими спутниками поехал на Аргунские серебряные рудники, до которых считалось около двухсот верст. Там, вблизи реки Аргуни, у ручья Серебрянки еще много лет назад находили руду со свинцом и серебром.

Этой рудой были богаты невысокие горы в окрестностях Серебрянки. И когда еще при Петре Великом здесь начали работу русские рудоискатели, они нашли следы старинных разработок-. Но серебряная руда залегала здесь гнездами, и нередко после первой неудачи, натолкнувшись на породу, в которой не было металла, люди бросали работу, вместо того чтобы продолжать ее до конца.

Гмелину пригодилось некоторое знакомство с горным делом, полученное на Урале. С помощью рудокопа, взятого из Екатеринбурга, он осмотрел ряд заброшенных рудников и убедился, что здесь стоит возобновить поиски серебра.

На Аргунских рудниках Гмелин дождался Миллера, который приехал сюда, разобрав нерчинский архив.

Приближалась уже середина июля. Гмелин и Миллер желали

сделать еще длительную поездку по степям вдоль реки Борзи, в восточной части Забайкалья, прежде чем возвращаться в Иркутск. Между тем было еще одно небольшое, но нелегкое дело, которое хотелось выполнить.

В Нерчинске и на Дргуни Гмелин слышал, что где-то в окрестностях реки Онона, в труднопроходимой горной местности, бьет из земли теплый ключ. Тунгусы верили в целебные свойства этой воды и приходили туда лечиться. Гмелин говорил, что в его распоряжении слишком мало времени для поездки к теплому ключу, но надо все же попытаться получить точные сведения об этом источнике.

— Теплые и даже горячие источники есть в разных странах: в Исландии, Японии и на Азорских островах. Протекая в глубине земли, горячая вода растворяет частицы разных минералов. Стало быть, и теплая вода всегда минеральна. А известно, что минеральные воды служат для исцеления многих болезней, — говорил Гмелин Крашенинникову.

Гмелин и Миллер надумали послать Крашенинникова, обследовать теплый источник.

«Сей студент своим особливым трудолюбием и прилежанием к науке несравненно своих товарищей превзошел», писали они о Крашенинникове в Академию наук.

С Крашенинниковым послали геодезиста Иванова, который должен был нанести на карту источник, проводника, переводчика, знающего тунгусский язык, солдата и рудокопа.

Двадцатого июля небольшой отряд выехал из Аргунского острога. Значительную часть пути пришлось сделать по горам, на которых рос смешанный лес. Преобладали сосны и ели,, но

часто встречались и другие деревья: березы, могучие лиственницы с нежной светлозеленой хвоей на широко раскинувшихся ветвях, кедры с синеватыми шишками, в которых только еще начали наливаться орехи.

Местами путь был очень утомителен: поперек тропки лежали свалившиеся деревья, надо было продираться сквозь заросли ольхи, перебираться через поросшие мхом большие камни. Но в конце концов благополучно добрались до небольшой горы, откуда вытекал, источник. Вода действительно была тепла, хотя и не так горяча, чтобы нужно было ее остужать, прежде чем купаться.

Тунгусы вырыли у источника две большие ямы для купанья. Они привозили сюда больных и брали с собой ламу, который был у них лекарем и давал советы, как лечиться целебной водой.

Крашенинников внимательно осмотрел местность и взял пробу минеральной воды, а геодезист определил долготу и широту. Потом направились дальше лесами в Читу, где должны

были дожидаться Гмелина и Миллера,

В Чите Крашенинников сразу принялся за работу: он написал рапорт о своей поездке и составил на латинском языке оии-■санпе теплого источника.

1'мелин и Миллер остались довольны Крашенинниковым.

— Студент выполнил все так, как было поручено, — говори--ли они потом.

Во второй половине сентября академики вернулись в Иркутск, чтобы там перезимовать. Не теряя времени, они стали разбирать коллекции и приводить в порядок свои записи.

Незаметно наступил январь 1736 года. Нужно было обдумать план дальнейшего путешествия. Капитан-командор Берипг все - еще жил в Якутске. Академики решили ехать туда не спеша: ;плыть летом вниз по Лене, делая остановки для географических .и ботанических наблюдений.

Байкал должен был при этом путешествии остаться в стороне. Но это озеро, протянувшееся на несколько сот верст в длину среди гор, обступивших его со всех сторон, было совсем еще .никем не обследовано. Особенно мало было известно о восточных ˆберегах Байкала, к северу от реки Селенги.

Миллер знал, что на реке Баргузин, впадающий в Байкал, казаки построили еще в XVII веке острог, чтобы собирать ясак с бурят и тунгусов. Там могли сохраниться документы о том, как покорялся этот край.

А до Гмелина дошли вести, что у самого Байкала, в нескольких десятках верст южнее устья Баргузина, есть горячий источник, водой которого лечатся буряты.

Миллер и Гмелин решили послать Крашенинникова, в Баргузинский острог и его окрестности.

— Ежели вернетесь в Иркутск, нас уже не застанете. Мы скоро поедем осмотреть Илимский острог и другие места Иркутской провинции. Оттуда проедем на Лену, в УетыгКут, где дощаники строят, дабы плыть в Якутск. А потому вы, осмотрев после Баргузинского острога горячие воды, поезжайте прямо на верхнюю Лену, в Верхоленский острог. А когда лед пройдет, спускайтесь по Лене в Усть-Кут, где и соединитесь с нами. Путь далекий и трудный, зато проедете по таким местам, о коих достоверных известий нет, — сказал Гмелин на прощанье Крашенинн икову.

Крашенинников и геодезист Иванов выехали из Иркутска во второй половине января, когда уже стали заметно прибывать дни, но еще не кончился зимний мороз.

Проехав через Байкал, они направились в Итанчинекий острог, стоявший на реке Селенге. Оттуда шла дорога в Баргу-

зипекий острог. Нужно было проехать больше двухсот пятидесяти верст, то переваливая через невысокие хребты, то проезжал около берега Байкала.

Надев кафтан, подбитый овчиной, а на него доху из собачьих шкур, натянув на ноги бурятские унты, сшитые мехом внутрь, и надвинув на лицо шапку с наушниками из беличьего меха, Крашенинников целые' дни проводил в санях, почти не страдая от холода.

По обеим сторонам дороги стоял густой, по большей части сосновый лее.

Только изредка встречались маленькие русские поселки из нескольких изб, в которых жили крестьяне, промышлявшие охотой. Почти в каждой избе, в которую случалось входить Крашенинникову, у порога лежала шкурка медвезконка, постланная, чтобы вытирать ноги. А на широких лавках у стен лежали большие медвежьи шкуры, на которых было тепло и мягко спать. Медведи так часто встречались в лесу, что охота на них была совсем обычным делом.

Много было в лесах и других зверей. Здесь водились лоси — сохатые, лисицы и рыси, волки и зайцы. А белок было столько, что они постоянно появлялись на ветках деревьев, стоявших у самой дороги, и, прикрывшись пушистым хвостиком, с любопытством смотрели на проезжавшие мимо сани.

Глухари, куропатки и рябчики почти не боялись людей. Весной и летом утки, гуси и лебеди плавали стайками на всех лесных озерах. В горных речках, протекавших вблизи поселков, в изобилии водилась разная рыба.

Баргузинский острог тоже стоял среди лесов, у реки, в которой водилось много рыбы — от нежных, сравнительно небольших хариусов до тяжелых осетров и тайменей.

В остроге было несколько десятков изб, где жили служилые казаки, собиравшие ясак с бурят, кочевавших недалеко от острога, и тунгусов, бродивших в тайге.

Крашенинников в короткое время узнал много о Баргузинском крае. Он просмотрел архивные дела, хранившиеся в остроге, и переписал некоторые документы, как это делал Миллер. По спискам плательщиков ясака Крашенинников попытался установить число тунгусов «баргузинского ведомства» и записал свои выводы.

Из Баргузинского острога Крашенинников выехал на Байкал. Он проехал около семидесяти верст вблизи байкальского берега и добрался до того места, где у подножья песчаного холма, поросшего сосновым лесом, бил из земли горячий ключ.

Крашенинников сунул в него руку и сразу отдернул, едва не

вскрикнув: вода оказалась так горяча, что нельзя было вытерпеть. Термометр показал, что в ней значительно больше 40 градусов. Она сильно пахла серой и была неприятна на вкус. У источника были вырыты ямы, в которых летом принимали ванны буряты, а иногда и русские из Баргузинского острога.

— Когда выкупаешься, чувствуешь истому и выступает пот. О потом и болезнь выходит, — говорили больные.

СХЕМАТИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ПУТИ ГМЕЛИНА, МИЛЛЕРА И КРАШЕНИННИКОВА ПО ЗАБАЙКАЛЬЮ И ПО р. ЛЕНЕ.

Пунктиром обозпачеп маршрут самостоятельных поездок Крашенинникова. Сплошной линией обозначен путь Крашенинникова с академиками Гмелиным н Миллером.

И хотя рассказы о действии горячих вод бывали преувеличены, не приходилось сомневаться в том, что ревматизм и некоторые другие болезни здесь часто действительно в большей пли меньшей степени исцеляются.

От горячих вод было меньше двух верст до Байкала, С его берегов виднелась далеко на горизонте длинная синеватая полоска с изрезанным выступами верхним краем — гористый остров Ольхон.

Когда Крашенинников и Иванов добрались до Ольхона, он показался им унылым и пустынным островом. На Ольхоне было

очень мало леса, а земля по большей части камениста, хотя и встречались места, пригодные для пастбищ.

За Ольхоном, на другом берегу Байкала, начиналась Косая степь, по которой кочевали буряты. Через нее Крашенинников и Иванов проехали на берег Лены, где стоял Верхоленский острог. Здесь, ожидая, пока вскроется река, Крашенинников смог подвести итоги поездки.

Он кратко описал весь путь до Баргузинского острога и оттуда до Верхоленека, Сведения о горячем источнике Крашенинников изложил в отдельной рукописи на латинском языке, как полагалось для научных описаний.

В мае, когда Лена окончательно очистилась от льда, Крашенинников и Иванов отплыли из Верхоленека в Усть-Кут. Здесь уже жили Гмелнн и Миллер и заканчивались последние приготовления к летнему плаванию в Якутск.

Академики внимательно выслушали рассказ Крашенинникова и одобрили его рукописи. Уезжая из Петербурга в экспедицию, они взяли студентов лишь для мелкой черновой работы.

— Будут переписывать для меня в архивах указы да челобитные, а для вас набивать соломой чучела зверей и птиц, — говорил Миллер Гмелину.

Почти все студенты действительно не пошли дальше таких поручений. А Крашенинников, любознательный и настойчивый, незаметно учился и как будто вырастал с каждым месяцем путешествия. Ему все еще нехватало многих научных знаний. Но он уже доказал, что может основательно делать наблюдения и самостоятельно справляться с работой, недоступной его товарищам.

Когда началось плавание по Лене, Гмелин стал еще больше привлекать Крашенинникова к своей работе. Составляя список растений, которые растут на берегах Лены, Гмелин собирал их с Крашенинниковым, а потом показывал, как следует их определять.

' ' ? Осгропь. >

Од t некой

Верхолснский острог. *миниатюры из «Краткой сибир-*і *летописи».*

Когда доплыли по Лене до того места, где впадает в нее Витим, Гмелин решил подняться на лодке по этой реке и ее притоку Нижней Маме, чтобы осмотреть залежи слюды, которую здесь добывали в глухой гористой местности, заросшей густым лесом. Он взял с собой Крашенинникова и поручил ему осмотреть одно из месторождений слюды.

Потом, когда сделали остановку в Олекминеком остроге, Гмелин послал Крашенинникова осмотреть соленый источник у ручья Каитендей. Путь туда шел вверх по берегу реки Вилюя тайгой, через которую было нелегко пробираться даже с помощью проводника, взятого в Олекмин-с-ком остроге. Но Крашенинников точно выполнил поручение, описав источник и залежи соли невдалеке от него.

В сентябре, когда начали уже дуть холодные осенние ветры, приплыли в Якутск.

Беринг все еще был в Якутске. Но большую часть провианта и материалов уже завезли в Охотск, и капитан Шпанберг начал там строить корабли для плавания по Тихому океану.

Академики провели зиму в Якутске. Гмелин, как обычно, обрабатывал собранные летом коллекции растений, а Миллер изучал архив Якутского воеводства, где нашел много документов, важных для истории Сибири.

Когда пришла весна 1737 года, Миллер и Гмелин должны были решить, куда ехать дальше.

Капитан-командор уезжал в Охотск. По первоначальным планам, академики должны были сопровождать его туда, а затем переправиться на Камчатку. Но шел уже четвертый год, с тех пор как они покинули Петербург. За это время было собрано столько материалов, что их хватило бы на несколько книг о природе,

географии и истории Сибири.

Гмелин и Миллер рассчитывали на обратном пути продолжать наблюдения, сделав несколько дополнительных поездок в сторону от обычной дороги. Поэтому обратное путешествие должно было продлиться не меньше, чем путь вперед. А между тем путешествие на Камчатку могло занять еще около двух лет. К тому же путь в Охотск был очень тяжел, а жизнь на Камчатке была связана со многими лишениями.

«Нам пришлось бы там отказаться от наших привычек и всяких удобств», писал впоследствии Гмелин.

И сам собой наметился выход: Гмелин и Миллер решили послать на Камчатку Крашенинникова.

г

В середине августа 1737 года в Охотск приехали верхом пять человек : студент Крашенинников, переписчик Аргунов, находившийся в его распоряжении, солдат и два якутских служилых казака, посланные с вьючными лошадьми.

Охотск стал в это время людным местом. Старый острог, в котором десять лет назад стояло всего одиннадцать изб, был заброшен. Вдоль моря на низком песчаном берегу вытянулись в линию три десятка домов, изб и складов с запасами экспедиции. Капитан-командор и подчиненные ему морские офицеры уже прибыли в Охотск. Плотники, кузнецы и матросы работали на постройке кораблей. А на воде покачивались суда-ветераны: боты «Фортуна» и «Святой Гавриил», построенные во время первой экспедиции Беринга.

Крашенинников поместился в одном из домов, где жили уча-

Охотск.
С гравюры из книги С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки», СПБ. 1755.

стники экспедиции невысокого ранга, и стал узнавать, когда и как можно направиться на Камчатку. Оказалось, что в начале октября туда пойдет бот «Фортуна», чтобы отвезти назад служилых, привозивших ясак, собранный на Камчатке, и доставить муку, соль и разные припасы для камчатских острогов.

Крашенинников не стал терять время в Охотске. Он начал наблюдать погоду: измерял температуру воздуха в разные часы и количество дождевой воды, записывал показания барометра и отмечал направление ветра, как это обычно делал Гмелин.

В Охотске Крашенинников достал списки тунгусов-ламутов, плативших ясак. Из этих списков он извлек сведения о том, сколько ламутских родов кочует в Охотском крае и какое число людей насчитывает каждый род.

— Весьма было бы полезно получить для кунсткамеры ламутскую одежду, — говорил Крашенинников.

Он постарался достать меховые ламутские одежды, украшенные полосками разноцветного меха.

СтарЬжилы Охотского острога рассказывали, какие звери, рыбы и птицы водятся в окрестностях. Крашенинников составил список животных края и сам описал трех рыб. Он привел в порядок дневник, который вел шесть недель в пути от Якутска до Охотска, и составил описание этого пути.

Первого октября Крашенинников отправил это описание и собранные в Охотске материалы в Якутск, чтобы оттуда их переслали Гмелину и Миллеру. А через три дня Крашенинников отплыл на Камчатку.

— На Камчатке хлеб только зажиточные люди едят, да и то по праздникам. А в будни едят вяленую рыбу, юколу, вместо хлеба, — рассказывали Крашенинникову еще в Якутске.

Действительно, доставлять муку на Камчатку было так далеко и трудно, что она стоила там очень дорого. Поэтому академики, посылая туда Крашенинникова, устроили так, что он получил в Якутске по твердой казенной цене запас муки на два года.

Крашенинникову выдали вперед жалованье, которое он получал по сто рублей в год. Часть этих денег он употребил на покупку разного провианта для жизни на Камчатке. Отплывая из Охотска, он взял с собой эти запасы.

Старый бот «Фортуна» только первые десять часов благополучно плыл по Охотскому морю. Затем обнаружилась течь. Как ни старались откачивать воду, она прибывала с каждым часом.

«Такое учинилось нещастье, что судно вода одолела и уже в шпагат забиваться стала. Все, что было на палубах, также и из

судна груз около четырехсот пудов, в море сметали и так едва спасались», вспоминал потом Крашенинников.

В море бросили не только мешки с мукой, которую вез Крашенинников, но п сундучок с его одеждой и бельем.

— Осталась у меня одна только рубашка, — сказал Крашенинников.

Десять дней плыли по морю, пока показалось устье камчатской реки Большой, куда должно было войти судно. Но мытарства не кончились: волны выбросили судно на песчаную косу, через которую перекатывалась вода во время прилива.

Только через пять дней из Болынерецкого острога, стоявшего в тридцати верстах от устья, прислали к судну баты, как называл ись лодки камчадалов.

В Большерецком остроге, как обычно обнесенном бревенчатыми стенами, было всего тридцать казачьих изб, дом управителя, называвшегося здесь приказчиком, и несколько казенных строений. Но этот острог все же считался в то время важнейшим на Камчатке, и его приказчик мог давать распоряжения управителям других острогов.

Крашенинников предъявил приказчику привезенные из Якутска указы. В них было сказано, что надлежит оказывать всяческое содействие студенту Крашенинникову: давать по его требованию служилых для различных поручений, доставлять ему лодки для летних и нарты для зимних поездок, проводников и толмачей-переводчиков.

Слова «студент Императорской Академии наук» не могли быть понятны приказчику. Поэтому они звучали как-то особенно внушительно.

Приказчик знал, что в Петербурге, откуда приехал Крашенинников, сосредотачивается высшая власть. Но приезжий был одет небогато, молод, и в его команде находился всего один якутский писец. Приказчик решил, что с приезжим следует ладить, но из его требований выполнять лишь те, которые не будут причинять слишком много хлопот.

Приказчик отвел Крашенинникову квартиру и дал ему для различных поручений молодого служилого казака Степана Шишкина.

Крашенинников получил от академиков много наставлений при прощании.

— Собирайте растения, составьте реестр всем камчатским зверям, птицам и рыбам. Опишите, какими ловушками их добывают камчадалы. Да не забудьте наблюдать погоду, — говорил Гмелнн.

— Обычаи, нравы и поведение тамошних народов опишите.

Во всех острогах старые приказные дела пересмотрите и что до. истории и географии касается, выписывайте. И все пути по Камчатке опишите, — напоминал Миллер.

— На Камчатке есть великие огнедышащие горы и горячие ключи. Нужно собрать о них точные известия. Да еще надо вам завести в одном каком-либо месте — скажем, Большерецке— огород и испробовать, какие овощи там вырастут. Для сего разные семена с собой возьмите, — советовал Гмелин.

— Историю завоевания Камчатской земли надобно написать с самого начала. Разузнайте о всех возмущениях, какие были между камчадалами после их покорения. Составьте словарик камчадальского языка, — говорил Миллер.

Академики изложили свои наставления в длинной инструкции и вручили ее Крашенинникову. Они наметили такую программу работы, как будто уезжал на Камчатку не один человек, а большая экспедиция.

Пока не был отменен указ,, по которому Гмелин и Миллер должны были ехать на Камчатку, они не считали возможным заявлять, что туда не поедут. Крашенинникову было сказано, что он должен, выполняя все порученные ему работы на Камчатке, ждать академиков.

— Мы надеемся приехать на Камчатку, пополнив наши наблюдения на Лене и в некоторых иных местах. Поручаем вам добиваться, чтобы на случай нашего приезда в Болыперецком и других острогах были заранее выстроены для нас просторные дома, — сказал Гмелин.

Перед отъездом Миллер вручил Крашенинникову четыре[1] книги на латинском языке — сочинения древних историков: Светония, Курция, Геродота и сатирика Теренция. Крашенинников должен был и на Камчатке не забывать латынь, язык ученых.

— Каждые три месяца составляйте для нас рапорты обо всем, что выполнено по инструкции, — сказали Гмелин и Миллер в заключение.

За три года путешествия с академиками Крашенинников не раз видел, как производятся те разнообразные наблюдения, которые теперь должен был вести сам. Он научился очень многому и незаметно превратился в исследователя, хотя попрежнему числился студентом.

Он принялся за дело немедленно после приезда в Большерец-кпй острог. Уже подошла зима, нельзя было собирать растения и вести некоторые другие работы по изучению природы. Ии наблюдать погоду можно было во всякое время года.

Уже через несколько дней после приезда в Болыперецк Крашенинников начал делать метеорологические наблюдения. А для того, чтобы эта работа непрерывно велась в Болыперецке, Крашенинников стал обучать наблюдениям над погодой Степана Шишкина,

В то же время Крашенинников стал собирать материалы по истории Камчатской земли.

— Всего сорок лет прошло с тех пор, как служилый человек Владимир Атласов пришел с отрядом из Анадырского острога в Камчатскую землю и начал ее подчинять. Стало быть, можно еще найти казаков-старожилов, которые всю камчатскую историю от прихода русских помнят, — говорил Крашенинников.

Приказчик прислал к нему старого слепого казака Кобычева.

— Кто с самого начала бывал на Камчатке и как она и в котором месте сперва завоевана? Какие там бывали приказчики? Когда изменяли иноземцы и как против них в походы хаживали? — спрашивал Крашенинников.

Кобычев вспоминал то, что видел сам и слышал от других. Крашенинников записывал его рассказы.

За высокой оградой Болыперецкого острога стояла изба, в которой сидели камчадальские аманаты. Так называли камчадалов, которых брали заложниками из разных родов, чтобы обеспечить платеж ясака. Время от времени к ним приезжали на собаках родичи, привозя запасы юколы, луковицы растения сараны и другую еду. Камчадалов можно было видеть и в казачьих избах — взятые после усмирения камчадальских восстаний в плен дети и подростки вырастали у казаков и превращались в их холопов.

Крашенинников внимательно присматрнвался к этим коренным жителям Камчатской земли. У них были очень смуглая кожа, прямые черные волосы, широкие, плосковатые носы и маленькие глаза, Они не были так скуласты, как буряты и якуты, но губы у них были толще.

Они называли себя ительменами, что значило на их языке: человек.

Они носили широкие, просторные одежды из оленьих, со-

бачьих и тюленьих шкур, сшитые жилами при помощи самодельных костяных игл.

Камчадалы могли показаться на первый взгляд отсталыми. Даже считать они могли только по пальцам. Еслп число превышало двадцать, то, перебрав пальцы рук и ног, с недоумением спрашивали:

— Мача?

Это значило: «Где взять?»

Когда русские пришли на Камчатку, ее жители не -знали даже употребления металлов. Они жили еще в каменном веке. Из острых обломков камня и кости делали топоры, ножи, наконечники копий. А потом железо стало обходиться им так дорого, что они нередко продолжали пользоваться прежними орудиями.

Глядя на необыкновенно легкие и прочные камчадальские сани — нарты — и деревянное огниво, при помощи которого камчадалы добывали огонь трением сухих палочек о деревянную дощечку, Крашенинников удивлялся их мастерству.

«Как они без железных инструментов могли все делать — строить, рубить, долбить, шить, резать, огонь доставать? Как могли в деревянной посуде варить и что им служило вместо металлов? Сии средства не разумный или ученый народ вымыслил, но дикий, грубый и трех перечесть не умеющий. Столь сильно нужда умудряет к приобретению потребного в жизни», писал впоследствии Крашенинников.

Он торопился узнать этот народ. Уже в первые дни Крашенинников потребовал, чтобы в Болыперецк вызвали камчадала, от которого можно было бы получить более или менее основательные сведения о жизни его народа. Посланный из Болыиерец-кого острога казак привез «иноземца Тырылку».

Повидимому, этот старый камчадал был известен на Камчатке как толковый человек, потому что ездили за ним довольно далеко — на речку Авачу.

Крашенинников стал расспрашивать Тырылку через толмача. А потом записал его ответы и озаглавил рукопись: «Описание о иноземчеекой вере, о праздниках, свадьбах и о протчем».

Тырылка мог рассказать не только о житье камчадалов. Всего два месяца назад у реки Авачи произошло страшное землетрясе-

ние. А незадолго перед тем Авачинская гора начала выбрасывать огонь и пепел. Крашенинников решил без промедления собрать на месте сведения об извержении вулкана и землетрясении.

В середине января Крашенинников с Аргуновым и двумя служилыми выехал из Болыперец-кого острога. Четыре остромордые, мохнатые собаки, запряженные по две в ряд, везли высокие нарты, на которых надо было сидеть боком, свесив ноги. Там, где лежал глубокий, НеуМЯТЫЙ СНеГ, Камчадалы добывают огонь.

возчик-камчадал брел вперед и широкими лыжами — «лапками» — про- *

кладывал дорогу. А когда встречалась наледь или дорога шла под уклон, собаки пускались вскачь. Крашенинников крепко держался за нарты, всячески стараясь не свалиться.

«Ездоку необходимо стараться хранить равновесие. В противном лее случае узкие и высокие санки и на самых малых раскатах или ухабах опрокидываются. Ездок бывает подвержен немалому страху, особливо на пустом месте, ибо собаки убегают и не станут, пока в жилье не придут или за что-нибудь на дороге не зацепятся. А он принужден бывает пеш итти», вспоминал потом Крашенинников.

В пути он не раз ночевал в зимних камчадальских подземных жилищах. Издалека они казались просто небольшими круглыми холмиками, над которыми по большей части поднималась струйка дыма. Подойдя ближе, можно было увидеть, что на верхушке холмика есть отверстие, которое служит одновременно и трубой для дыма, и дверью, и окном.

Через вход спускались по лесенке вниз, стараясь не попасть в очаг, сделанный почти под самым входом.

«Для своих юрт они выкапывают землю аршина на два в глубину, а в длину и в ширину — смотря по числу жителей. Внутри сии жилища четвероугольные, однако почти всегда две стороны длинные, а две — короче. Посредине вкопаны четыре

столба, и на них держится потолок из жердей, на которые кладется сухая трава, а потом земля насыпается», рассказывал впоследствии Крашенинников.

(J непривычки было очень трудно провести ночь в таком жилье. Дым ел глаза, воздух был тяжел от запаха нечистот. Но ночевать в ямах, вырытых в снегу, как это не раз случалось делать в пути, можно было только с немалым риском. Если начиналась метель, снег заносил людей, собак, нарты. Приходилось каждые четверть часа вставать и отряхиваться, чтобы не погибнуть под снегом.

Поездка продолжалась две недели. По пути Крашенинников побывал на теплых ключах около реки Большой Баашо. А доехав до Авачинской горы, он увидел, что придется взглянуть на нее только издалека.

— Ради весьма глубоких снегов' и частого кедровника на санках никакими мерами на подножье горы взъехать было невозможно, — сказал Крашенинников, вернувшись в Волынерецк.

Над белой вершиной Авачинской горы только курился дымок. Огня не было видно. А во время летнего извержения над ней поднималось огненное зарево, видное издалека.

«Подземные боги китов жарят», говорили камчадалы.

Крашенинников собрал сведения об осеннем землетрясении. Ему рассказали, что от-подземных толчков обвалились многие жилища камчадалов. Море точно всколыхнулось. На берег набежала волна во много сажен вышиною. Потом вода хлынула назад, и дно моря обнажилось на сотни сажен. Море колебалось таким образом несколько раз.

«От сего наводнения тамошние жители вовсе разорились, а многие бедственно скончали живот свой. В некоторых местах бегов рега изменились: луга сделались холмами, а поля — морскими заливами», писал впоследствии Крашенинников.

Вернувшись в Большередкий острог, он записал все, что узнал и увидел.

Когда подошла весна, Крашенинников начал еще одну работу : стал устраивать огород. Нужно было сделать опыт выращивания разных овощей, которых не сажали на Камчатке. Крашенинников посеял много ячменя и посадил репу, горох, редьку и другие овощи.

Лето пришло поздно, а в августе уже начались заморозки. Почти все лето шли дожди, и ясные дни проглядывали очень редко. Огород радовал глаз вышиной зелени, но хорошо уродилась только репа.

Старожилы рассказывали, что такое лето бывает обычно.

«Все сочные овощи, например капуста, идут только в лист и ствол. За краткостью лета и недостатком теплоты не созревают»,, записал Крашенинников.

Огород не помешал Крашенинникову поехать к устью Большой, чтобы делать измерения приливов и отливов моря. Он прожил там больше месяца, собирая в то лее время растения и наблюдая, как рыба идет из моря в реки метать икру. Большие, нежные и жирные лососи, которые не встречаются в российских реках — чавыча, нярка, кета,—-шли вверх по рекам, начиная е мая, все лето в невероятном изобилии.

Крашенинников порой с трудом верил своим глазам. Рыбы было так много, что реки выступали из русла. Вода текла иногда целый день по берегам, пока рыба не переставала итти из моря в реку. Можно было ударить острогой наудачу и почти наверняка вытащить рыбу.

Жители Камчатки спешили сделать запасы на всю зиму. Камчадалы забрасывали сети, сплетенные из волокон крапивы, и торопились вытащить, чтобы рыбы не набилось больше, чем может выдержать сеть. Женщины распластывали рыбу и вешали вялиться. Балаганы, как назывались летние юрты камчадалов, возвышавшиеся на вкопанных в землю столбах, обвешивались распластанной рыбой. Издалека казалось, что между столбами висят громадные красные листья, нанизанные на нитку.

Звери также спешили к рекам. Бурые медведи, которых было очень много па Камчатке, приходили сразу по нескольку штук. Усевшись в воде, они протягивали передние лапы, хватали ими рыбу, как щипцами, и выбрасывали ее на берег, накидывая целые кучи. (Лисицы ловили рыбу и лапами и зубами. От них не отставали и собаки.

«Медведи и собаки в том случае больше промышляют рыбы лапами, нежели люди в других местах бреднями и неводами», писал потом Крашенинников.

Лето 1738 года подошло к концу. Прошло уже десять месяцев с тех пор, как Крашенинников приехал на Камчатку. Он привел в порядок свои заметки, отчеты о поездках и собранные коллекции.

В начале сентября должен был отплыть в Охотск «Святой Гавриил». Крашенинников решил отправить с ним все материалы и подробные рапорты о своих работах Гмелину и Миллеру. Из Охотска эту посылку должны были переслать через Якутск академикам.

Крашенинников не знал точно, где находятся Гмелин и Миллер, но надеялся, что они готовятся к поездке на Камчатку.

А Гмелин и Миллер постепенно все больше и больше удалялись от Камчатки. Они просили послать других ученых им

на смену. А сами, выехав из Иркутска на запад, подолгу жили в разных местах Сибири, дополняя материалы, собранные в пути.

Старый бот не дошел до Охотского острога. Буря выбросила судно на берег Камчатской земли. Однако письма и материалы Крашенинникова уцелели. Он опять послал их при первой возможности „академикам. Только через год Гмелин и Миллер получили наконец в Красноярске отчеты и описания, составленные Крашенинниковым.

«Каждый из нас, профессоров, что до его науки принадлежит, с прилежанием читал и сей пзрядной работе сердечно порадовался. Крашенинникову лучше присланной к нам работы едва ли и сделать можно», сообщил Гмелин в Академию наук.

Гмелин и Миллер послали Крашенинникову письма и новые инструкции, а он тем временем продолжал один настойчиво изу-

чать Камчатскую землю и ее обитателей. Жизнь на Камчатке давалась ему нелегко. Хлеб стоил очень дорого, а запас муки, который вез с собой Крашенинников, погиб в пути. .Жалованье, взятое вперед, быстро подходило к концу.

«Терплю немалую нужду и впал в долги», писал Крашенинников.

Летдие жилища камчадалов.

С гравюры из книги С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки», СП Б. 1753.

Он работал, однако, все с тем же увлечением и упорством. Зимой Крашенинников наискось пересек Камчатскую землю, совершив длительную поездку в Нижне-Камчатский острог. По пути он надолго остановился в Верхне-Камчатском остроге.

Так же как в Болыперецке, Крашенинников нашел здесь старого казака, которого можно было расспросить о том, как завоевывалась Камчатская земля. Старик многое рассказал совсем иначе, чем болыиерецкий казак Кобычев.

«Великое оказалось несходство», отметил Крашенинников.

Старые документы могли точнее рассказать о прошлом, чем старые люди, и Крашенинников стал изучать архивные бумаги, уцелевшие в Верхне-Камчатском остроге. Потом, приехав в Нижне-Камчатск, он подробно разузнал о восстании, происшедшем в 1731 году, когда камчадалам удалось захватить и разорить Нижне-Камчатский острог.

Вблизи реки Камчатки, около устья которой стоял острог, было много мест, где жили камчадалы. Крашенинников старался поближе присмотреться к их жизни. Он побывал на их ежегодном большом празднике, видел, как справляется камчадальская свадьба и шаманы отгоняют злых духов.

Так же обстоятельно Крашенинников изучал и географию Камчатской земли. Он выяснял, какие реки текут в Камчатской земле и каковы их притоки, описывал горы и озера. Из Нижне-Камчатского острога Крашенинников поехал к горячим ключам, находящимся недалеко, и побывал вблизи высочайшего вулкана Камчатки — Ключевской сопки.

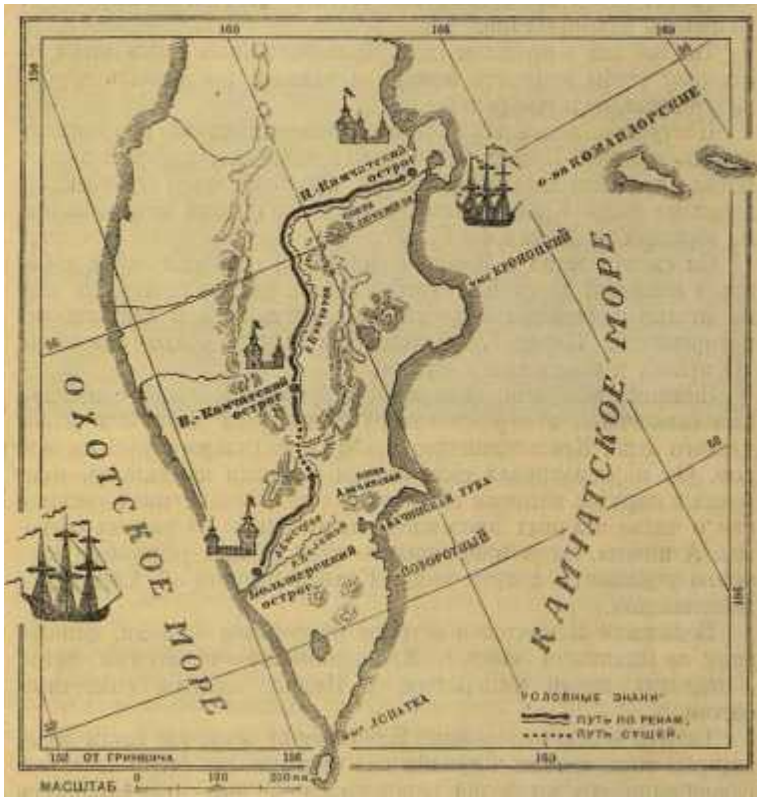
Над сопкой стоял густой столб дыма. Жители говорили, что всего год назад произошло извержение, продолжавшееся неделю.

«Вся гора казалась раскаленным камнем. Пламя, которое внутри ее сквозь расщелины было видно, шло, устремляясь иногда вниз, как огненные реки, с ужасным шумом. В горе слышен был гром, треск и будто большими мехами раздувание, от которого вое ближние места дрожали. Жители, которые близ горы на рыбном промысле были, ежечасно к смерти готовились, ожидая кончины. Конец пожара был обыкновенный, то есть извержение множества пепла», рассказывал потом Крашенинников.

Он собрал сведения еще о трех вулканах, находящихся недалеко от Ключевской сопки.

«Что касается огнедышащих гор и горячих ключей, то едва может отыскаться место, где бы на толь малом расстоянии такое их было довольство», писал Крашенинников о Камчатской земле.

К весне 1739 года Крашенинников вернулся в Болыперецкий острог. Он снова развел огород, чтобы проверить наблюдения, сделанйые прошлым летом. Ячмень опять не вызрел, а из овощей



СХЕМАТИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ РЕЧНОГО ПУТИ ЧЕРЕЗ КАМЧАТКУ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА.

уродились лишь немногие. Но Крашенинников отметил, что эти выводы нельзя распространять на всю Камчатскую землю. Он узнал, что около Верхне-Камчатского острога ячмень может вызревать благополучно.

Так же как в прошлом году, Крашенинников ездил летом на взморье, чтобы измерять прилив и отлив и продолжать другие наблюдения, начатые раньше.

Наступила осень 1739 года. Крашенинникову попрежнему жилось трудно. Правда, 'он получил провиант, который выхлопотали для него Миллер и Гмелии, проезжая через Иркутск. Но денег не было. Крашенинников продолжал вести исследования, не обращая внимания на нужду.

Он снова поехал в Нижне-Камчатский острог, а затем побывал в северной части Камчатской земли, где жили коряки, еще не вполне подчинившиеся русской власти, хотя и считавшиеся покоренными. Потом Крашенинников начал новую рукопись: «О нравах и поведении коряков».

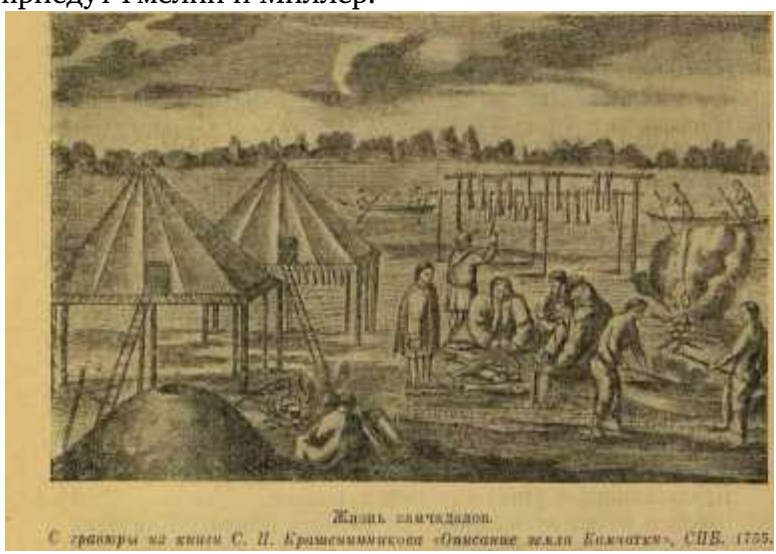
Зимними вечерами, сидя один в бревенчатой избе с маленьким окошечком, в которое вместо стекла был вморожен кусок чистого льда, Крашенинников зажигал светильню с рыбьим

жиром. Он пересматривал свои записи о жизни камчадалов, приводил в порядок выписки из архивных дел, подсчитывал «ведомости о числе ясачных иноземцев», полученные из разных острогов. А иногда, когда вспоминались годы ученья, раскрывал случайно уцелевшую в пути книгу Квинта Курция об Александре Македонском.

В далеком Камчатском остроге, обнесенном стенами, наполовину засыпанными снегом, Крашенинников по-латыни читал о подвигах юного императора в Индии, залитой солнечным светом.

Тысячи верст, отделявшие Камчатку от мест, где жили люди, которые тоже читали и думали над книгами, как будто исчезали. Крашенинников мысленно переносился в мир, открывавшийся перед ним в лучшие минуты ученья.

Пришло и скоро прошло короткое дождливое камчатское лето. Подошла осень 1740 года. Крашенинников все еще ждал, что приедут Гмелин и Миллер.



Жилищ камчадалов.
С гравюры из книги С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки», СПБ. 1755.

Б сентябре прибыло судно, которое обычно рал или два в год посылалось из Охотска на Камчатку. Крашенинников думал, что на этом судне приедут Гмелин и Миллер, но вместо них приехал адъюнкт Стеллер. Адъюнктами назывались научные сотрудники, работавшие под руководством академиков.

Академия наук послала Стеллера в Сибирь, чтобы он продолжал исследовательскую работу Гмелина и заменил его в экспедиции. Гмелин и Миллер на пути из Иркутска встретились со Стеллером, которого увидели в первый раз.

Гмелин сперва с некоторым удивлением смотрел на этого молодого ученого: на Стеллере не было парика, который принято было тогда носить, и он совсем не заботился о своей одежде. Но

Гмелин скоро заметил его преданность науке.

«Мы могли сколько угодно говорить Стеллеру о всех чрезвычайных невзгодах, ожидавших его в путешествии, — это только больше понуждало его к этому предприятию. Он вовсе не был обременен платьем и имел одну посудину, из которой ел н в которой стряпал сам. Его нисколько не огорчали лишения в жизни. Ему было нипочем пробыть целый день без еды и питья, когда он мог совершить что-нибудь в пользу науки», писал потом Емелин.

Академики решили, что Стеллер поедет вместо них па Камчатку и будет сопровождать Беринга в его плавании. Студент Крашенинников должен был находиться в подчинении у адъюнкта Стелл ера.

— Просмотрите наблюдения, которые сделал Крашенинников. Ежели некоторые описания покажутся вам сомнительными, проверьте и дополните либо исправьте, — говорили Емелин и Миллер Стеллеру.

Приехав в Болыдерецкий оетрог$_5$ Стеллер стал выполнять это поручение.

— Вы будете состоять в моей команде. Ваши наблюдения и описания передайте мне, — сказал он Крашенинникову.

Крашенинников отдал ему свои рукописи.

Стеллер начал немедленно сам изучать природу Камчатки и жизнь ее населения. В основу своей работы он положил материалы, собранные Крашенинниковым с таким самоотверженным трудом.

По требованию Стеллера, Крашенинникову выдали жалованье из казны Бодыперецкого острога. Однако этих денег едва хватило на уплату долгов и покупку самого необходимого провианта. А болыиерецкий приказчик заявил, что без особого указа впредь выдавать деньги не будет.

Стеллер понял, что и он сам и приехавший с ним живописец Веркан скоро попадут в такое же трудное положение, как и Крашенинников, если на Камчатку не будут посланы мука и деньги для сотрудников экспедиции.

— Летом будущего, тысяча семьсот сорок первого года, как только пойдет судно в Охотск, пошлю вас в Якутск, а оттуда в Иркутск, дабы добиться выплаты жалованья и получить для нас всех провиант, — сказал Стеллер Крашенинникову.

В июне 1741 года Стеллер отплыл к берегам Америки, а

Крашенинников — в Охотск. Стелл,ер рассчитывал возвратиться на Камчатку через четыре месяца. Он вернулся через год, прожив зиму на безлюдном острове с командой Беринга.

Крашенинников, три года один изучавший Камчатскую

землю, больше туда не вернулся.

VI

Крашенинников после долгих хлопот получил в Иркутске жалованье для сотрудников экспедиции. Он закупил провиант и собирался везти его на Камчатку.

В это время пришло письмо от Гмелина и Миллера из Тобольска.

«За потребно рассуждаем, чтобы вы были попрежнему с нами для всякого вспоможения», писали академики.

Крашенинников отправил на Камчатку муку и другие запасы с солдатом, который находился в его распоряжении. Потом он выехал к Гмелину и Миллеру и присоединился к ним уже на *У* рале.

— За годы путешествий по Сибири и Камчатке я более двадцати пяти тысяч верст проехал, — говорил впоследствии Крашенинников.

В феврале 1743 года он вернулся в Петербург вместе с Гмелиием и Миллером.

За десять лет, которые прошли с тех пор, как Крашенинников уехал в экспедицию, порядки в Академии наук мало изменились. Петербургские академики все так же раз или два в неделю собирались на конференцию и слушали доклады на латинском языке. Попрежнему среди академиков не было ни одного русского ученого.

Но за это время появился новый русский адъюнкт — Ломоносов. У него было много общего с Крашенинниковым. Ломоносов был сын крестьянина, а Крашенинников — солдатский сын. Оба они учились в Москве, в Спасских школах.

Они были почти ровесниками. Но Ломоносов начал учиться гораздо позже. Когда Крашенинников достиг уже класса философии, Ломоносов обучался -в школе только второй год. Потом

Крашенинникова е товарищами вызвали в Петербург. А когда через три года Академия наук решила снова вызвать двенадцать учеников из Москвы, Ломоносов тоже обучался в философском классе! Спасских школ. В Петербурге его также экзаменовал академик Байер. И Ломоносов, так же как Крашенинников, оказался на экзамене одним из лучших учеников.

В те годы, когда Крашенинников путешествовал по Сибири и Камчатке, Ломоносов обучался за границей. Академия наук послала его туда учиться химии и металлургии. Теперь Ломоносов уже стал адъюнктом. А Крашенинников сам изучал природу, географию и жизнь людей в еще не исследованном далеком крае. И так же, как Ломоносов, он хотел теперь отдать

свои силы науке.

Гмелин и Миллер признавали, что Крашенинников со временем должен стать адъюнктом. Они полагали, однако, что ему следует предварительно пополнить знания. В апреле 1743 года состоялось заседание конференции, на котором Крашенинникову пришлось держать экзамен.

Он составил на латинском языке описание одной рыбы и одного цветка. Эти работы зачитали на конференции. Потом профессора стали задавать вопросы на латинском языке. А Гмелин и Миллер заявили, что во время экспедиции Крашенинников постоянно отличался любознательностью и усердием в работе.

«Латинский язык понимает и натуральную историю отчасти уже изучил. На вопросы дал достаточные ответы», отметили академики.

Было решено дать Крашенинникову возможность продолжать обученье «натуральной истории» и в это время его «ни к каким другим делам не употреблять». Для того чтобы он мог учиться, не думая о заработке, ему увеличили жалованье до двухсот рублей в год. Это было очень кстати: Крашенинников был уже женат и имел большую семью.

Два года Крашенинников изучал ботанику и другие естественные науки. Гмелин указывал ему, какие книги нужно прочитать. А в библиотеке Академии наук на полках больших дубовых шкафов с красивой резьбой стояли длинными рядами научные латинские книги.

Летом 1745 года академическая конференция приняла два постановления: адъюнкт Ломоносов был избран профессором химии; студент Крашенинников стал адъюнктом натуральной истории и ботаники. Они были утверждены в этих званиях одним и тем же указом.

Ломоносов, став профессором при Академии наук, сделался академиком. А Крашенинников, получив должность адъюнкта, мог увереннее заниматься научной работой.

На Васильевском острове находился ботанический сад Академии наук. Здесь выращивались растения, привозившиеся из разных мест России и из других стран. Сажая семена, можно было делать наблюдения над их ростом и проводить другие исследования.

Став адъюнктом, Крашенинников начал работать при ботаническом саде. Через два года сад перешел в его ведение.

В то время, когда Крашенинников уезжал из Сибири, Стея-лер вернулся на Камчатку после плавания с Берингом. Несмотря на перенесенные лишения, Стеллер не стал отдыхать. Он решил

уехать с Камчатки, только основательно изучив ее животный мир и растительность. Ему хотелось хорошо узнать жизнь камчадалов и их язык, словарь которого начал составлять еще Крашенинников.

Стеллер с удивлением увидел, что камчадалы прекрасно знают растения своей земли и проявили необыкновенную наблюдательность, научившись использовать их для разных нужд.

«Камчадалки заготавливают для всевозможных целей до сотни различных растений», записал Стеллер.

Он стал писать книгу о Камчатке, собрав для этой работы большой и разнообразный материал.

Потом Стеллер уехал с Камчатки и направился в Петербург, останавливаясь по пути в разных местах, чтобы собирать коллекции и делать новые наблюдения.

Однако вернуться в Петербург Стеллеру не пришлось: в 1746 году он умер в дороге, недалеко от Тюмени. Большая часть рукописей Стелл ера уцелела и была доставлена в Академию наук. Крашенинников разобрал эти рукописи и составил им но-дробный реестр. Среди них он нашел и некоторые свои описания, переданные Стеллеру.

ш
1
V
f
- А
11
m

Академик С. II. Крашенинников.

А Гмелин тем временем упорно работал над «Сибирской флорой». Нужно было подробно описать каждое найденное растение, окончательно выяснив, нет ли о нем каких-либо известий в ботанической литературе. Книга разрасталась до пяти томов.

«В Российской империи за десять лет больше найдено новых растений, чем .во всем свете за полвека», сказал знаменитый шведский ботаник Линней, познакомившись с «Сибпрс кой флорой».

Академия наук приступила к изданию этой книги. Когда вышел первый том, Гмелин уехал за границу. Он стал работать там над следующими томами и пересылать их в Петербург.

Крашенинников следил за печатанием «Сибирской флоры». Он перевел с латинского языка большое предисловие Гмелина, содержащее географический очерк Сибири. Академия издала перевод предисловия отдельной брошюрой.

Крашенинников сделал и другой перевод. Он исподволь перевел книгу об Александре Македонском, написанную римлянином Квинтом Курцием так живо, что она походила на исторический роман. Это была та самая книга, которую Крашенинников брал с собой на Камчатку. Он сумел перевести ее просто и понятно, как только очень немногие умели в то время писать. Академия издала этот перевод в двух томах.

После смерти Стеллера Крашенинников остался единственным исследователем, изучившим Камчатку.

— Надобно все известия, собранные о Камчатской земле, в такое состояние привести, чтобы печатать можно было, — говорили в Академии наук.

Крашенинников получил предписание «прилежно рассмотреть» все рукописи Стеллера и записи собственных наблюдений, чтобы можно было опубликовать то, что сделано для исследования Камчатки. Он начал работать над большой книгой о Камчатской земле. В 1749 году первые части рукописи уже были готовы и переданы на отзыв академии.

ОПИСАН1Е
ЗЕМЛИ
КАМЧАТКИ
степаномЬ Крашенинниковым!).
томъ вторым:
-ас*- ’-> о»
БЬ СЛНКТПЕТЪРЪУРГЪ
llf« ИМПЕРАТОРСКОЙ ЛКАДЕМ1И НлуЙ)

Крашенинников продолжал заниматься в это время ботаникой и почти каждое лето собирал растения в окрестностях Петербурга.

Титульный лист книга академика С. П. Крашенинникова.

Прошло почти пять лет с тех пор, как Крашенинников стал адъюнктом. За эти годы он доказал, что может самостоятельно вести научную работу.

— Адъюнкт Крашенинников служит честно и беспорочно. Он долгое время выполнял возложенные на него должности со всякою верностью и радением. Крашенинников был в камчатском путешествии один из российских ученых людей с немалым успехом к пользе академии и к чести своей. В науках, а особливо в истории натуральной и ботанике, он приобрел непостыдное в ученом свете искусство. А поступками своими показал, что прилежный, кроткий и постоянный человек. Он всем себя удостоил звания профессорского, — говорили про Крашенинникова в Академии наук.

В апреле 1750 года Крашенинников был назначен

профессором натуральной истории и ботаники. Он сделался первым русским ботаником, пришедшим в Академию наук на смену иностранным ученым.

Уже через несколько месяцев новый академик получил поручение, считавшееся почетным. На торжественном публичном

собрании Академии наук Крашенинников произнес речь *0 пользе наук и художеств в государстве».

— Степан Петрович сам проложил себе путь к благополучию. — говорили люди, знавшие Крашенинникова.

Но благополучие не пришло.

Крашенинников как младший из академиков получал наименьшее жалованье, а семья его была очень велим. Он часто жаловался на нужду и долги. Здоровье начало изменять.

А между тем Крашенинникову пришлось взять на себя надзор за ученьем студентов, которые должны были слушать лекции академиков. Это была трудная и неприятная работа, потому что настоящего университета при Академии наук не было и занятия велись без определенного плана. Крашенинников вынужден был тратить много сил на это дело.

Он продолжал упорно работать над своей книгой. Крашенинников назвал ее «Описание земли Камчатки». Однако это было не простое географическое описание. Крашенинников одинаково обстоятельно рассказывал о горах и реках, животных и растениях Камчатской земли, о ее покорении и о жизни ее населения.

Он передавал свою рукопись по частям в Академию наук. А потом, после обсуждения на заседаниях, снова начинал над ней работать, стараясь сделать все улучшения, какие только были возможны.

— Книга содержит изрядные известия о земле Камчатке и достойна напечатания, — сказал Ломоносов, прочитав рукопись.

Другие академики также признали, что ее следует непременно издать. В 1753 году книга .поступила в типографию.

Печатание пошло медленно. Крашенинников начал хворать. Все чаще и чаще он пропускал из-за болезни заседания в Академии наук. В январе 1755 года он слег окончательно.

В феврале 1755 года печатание книги подошло к концу. Уже отпечатали последний лист. Осталось только сброшировать отпечатанные листы вместе с предисловием, которое еще не было готово.

Но Крашенинникову не было суждено увидеть книгу изданной: 25 февраля он умер.

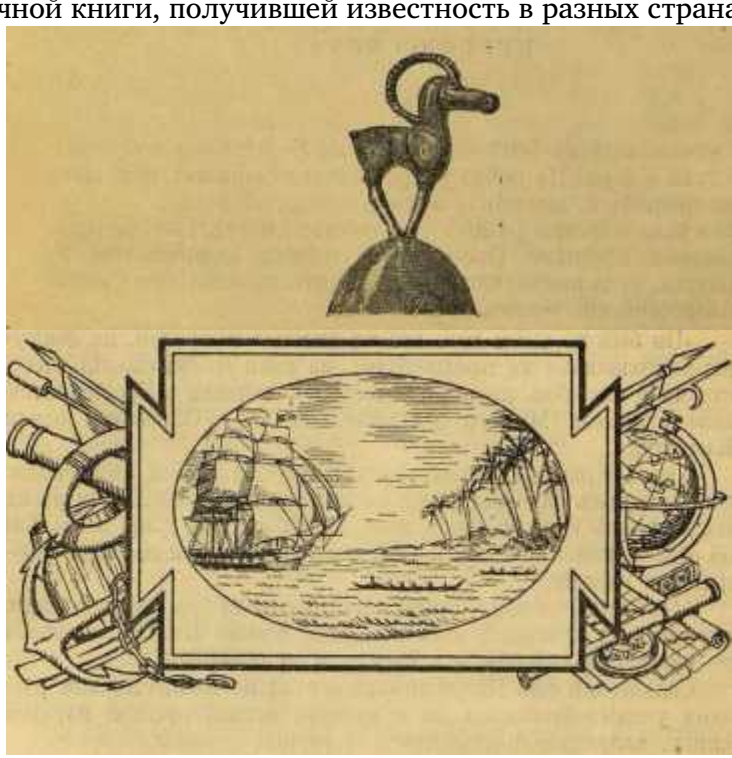
«Он был из числа тех. кто ни знатною природою, ни фортуны благодеянием не предпочтены, но сами собою, своими качествами

и службою, произошли в люди», написал о Крашенинникове академик Миллер в предисловии к «Описанию земли Камчатки».

Книга Крашенинникова была встречена общим одобрением. Она оказалась замечательным исследованием, написанным очень полно, очень точно и очень ясно. Таких книг не было не только об отдаленной Камчатке, но и о землях, хорошо известных европейским ученым.

«Описание земли Камчатки» перевели на французский, английский, немецкий и голландский языки. Потом эта книга не раз переиздавалась и в России и за границей.

Солдатский сын Крашенинников стал не только первым русским ученым-ботаником, но и автором первой русской научной книги, получившей известность в разных странах.



КРУГОМ СВЕТА *1*

В начале августа 1803 года ветры на Балтийском побережье долго дули с моря. На рейде у Кронштадта скопилось несколько десятков кораблей, ждавших, когда переменится погода.

Развевались флаги разных государств: английские, датские, голландские, немецкие. Иностранные корабли возвращались из Петербурга, куда приходили, чтобы отвезти изделия своих стран и взять российские товары.

Два русских трехмачтовых корабля привлекали общее внимание. Оба были недавно отремонтированы, окрашены и казались совершенно новыми. На корме у одного блестела только

что выведенная надпись: «Надежда», а у другого— «Нева».

В трюмах кораблей помещался самый разнообразный груз: железо и мануфактура, канаты и мука, топоры, котлы, ящики с иголками, бусами и другой мелочью. Но большому количеству

бочек с солониной, предназначавшейся для команды, можно было легко догадаться, что корабли уходят в очень долгое плавание.

Погрузкой распоряжались два пожилых, солидных приказчика, гораздо больше походившие на самостоятельных купцов, чем на торговых служащих. Они и сами собирались плыть о грузом.

Молено было бы сказать уверенно, что корабли уходят в плавание с торговыми целями. Но у их бортов стояли начищенные до блеска пушки, на командирах кораблей были капитан-лейте-нантские мундиры, а команда состояла из отборных военных матросов.

Были и другие особенности, отличавшие эти корабли от всех остальных.

На «Неве» и «Надежде» установили астрономические инструменты, хронометры и другие приборы, изготовленные лучшими английскими мастерами. На корабли погрузили несколько ящиков с книгами.

Больше всего было английских, потом французских книг. На корешках трех томов, переплетенных в желтую кожу, можно было прочесть название, записанное по-английски: «Путешествие капитана Кука в северный Тихий океан». Четыре изящно изданные французские книжки были озаглавлены: «Путешествие де-Лаперуза вокруг света». А одна старая толстая книга, напечатанная еще полвека назад, была переводом на русский язык. *У* нее было несколько нескладное название: «Путешествие около света, которое совершил адмирал лорд Айсон».

На каждом корабле должен был плыть врач с хорошо подобранной аптекой. Каждый матрос был снабжен тюфяком и подушкой, простыней, одеялом и сундучком с запасом нового, добротного белья и одежду, выписанной из Англии.

Только эти корабли посещали знатные гости. Первым приехал видный петербургский чиновник и делец Резанов, недавно пожалованный званием камергера. Побывав на «Надежде», он велел приказчику Шемелину, следившему за погрузкой корабля, доставить в одну из лучших кают мягкую мебель.

— Его превосходительство господин посланник изволил выбрать каюту для себя, — сказал потом Шемелин другому приказчику, Коробицыну, распоряжавшемуся погрузкой «Невы».

В Кронштадт прибыл сам молодой император Александр 1 со свитой, чтобы осмотреть «Надежду» и «Неву». А через несколько дней корабли посетили самый образованный из русских сановников, министр коммерции граф Румянцев, н товарищ морского министра адмирал Чичагов.

[1] — Пойдут в путь, доселе не изведанный россиянами, — говорили жители Кронштадта, поглядывая с набережной на «Неву» и «Надежду».

Ранним утром 7 августа подул долгожданный попутный ветер.

Командир фрегата «Надежда» Иван Федорович Крузенштерн стоял на капитанском мостике, отдавая последние распоряжения. Ему было всего тридцать три года, но во всем его облике и в тоне, которым он давал приказания, чувствовалась спокойная уверенность опытного морского офицера.

Крузенштерн был еще восемнадцатилетним гардемарином, когда в 1788 году началась война со Швецией, продлившаяся два года. Его назначили, на боевой корабль.

В морских сражениях он проявил смелость и распорядительность. Поэтому он попал в число двенадцати лучших морских офицеров, которых послали в Англию. Служа в английском флоте, русские моряки должны были усовершенствоваться в мореплавании.

Шесть лет плавал Крузенштерн на английских кораблях. Он побывал и у берегов Северной Америки, и в Индии, и в Китае. Там, в торговом городе Кантоне, он видел, как пришло от берегов северо-западной Америки небольшое английское купеческое судно, привезшее на продажу меха. Груз был продан за шестьдесят тысяч пиастров — более ста тысяч рублей на русские деньги.

«Все роды мехов, а особливо прекрасных морских бобров, сделались для изнеженных китайцев необходимой потребностью. При малейшем уменьшении теплоты воздуха переменяют они свое платье и даже в Кантоне, лежащем почти под самыми тропиками, носят зимою шубы», писал потом Крузенштерн.

Он знал, что на Командорских и Алеутских островах русские промышленники добывали каждый год очень много котиков, морских бобров, песцов п других зверей. На северо-западном берегу

Америки, на Аляске, вблизи тех мест, куда первыми пришли капитаны Беринг и Чириков, уже выросли небольшие деревянные укрепления и были водружены медные гербы с надписью: «Земля Российского владения».

Капитал Крузенштерн.

Русские промышленники приплывали туда для охоты, а купцы — чтобы выменивать у индейцев и алеутов на свои товары дорогие меха. Но лишь с величайшими трудностями доставляли эти меха в Россию, а оттуда в Китай и другие государства.

На маленьких, ненадежных судах перевозили шкурки в Охотск. Потом их везли на вьючных лошадях в Якутск.

Затем часть мехов отправлялась в Забайкалье, в торговую слободу Кяхту, куда приезжали китайские купцы.

Два года проходило, пока меха, отправленные этим путем, попадали из Аляски в Кантон. Почти столько же времени шли меха до Петербурга. Очень много шкурок портилось в пути. А английскому судну потребовалось на плавание из Китая до ‘ северо-западной Америки и обратно в Кантон всего пять месяцев.

Крузенштерн слышал о том, что провиант и другие грузы доставляются из России на Алеутские острова через Охотск и Камчатку с величайшим трудом. Только для того, чтобы перевезти их по тропе от Якутска до Охотска, требовалось ежегодно четыре тысячи выочпых лошадей. Поэтому пуд муки на Камчатке стоил в двадцать раз дороже, чем в Европейской России.

— Надобно все потребное для русских поселений на Тихом океане отправлять из Петербурга морем. Доставив грузы на

Камчатку, Алеутские острова и в российские поселения на американском берегу, корабли возьмут там меха. На обратном пути зайдут в Кантон либо в другой китайский порт и доставят туда часть мехов. Там погрузят чай п прочие китайские товары, доставка коих в Россию сушей стоит весьма дорого. Потом, по пути в Петербург, можно зайти и в Индию за ее товарами, которые англичане доставляют в Европу с немалой для себя выгодой. Такие плавания принесут нашему отечеству великую

пользу, — говорил Крузенштерн.

Русские корабли уже давно ходили в Средиземное море. Но они еще пи разу не пересекали экватор. А для того, чтобы совершить плавайце из Петербурга к Камчатке и к Алеутским островам, в то время нужно было обогнуть Африку или Южную Америку.

Крузенштерн стал внимательно изучать все, что написано о кругосветных плаваниях. Еще обучаясь в морском корпусе, он слышал, как преподаватели говорили:

— За важнейшие между всеми плаваниями почитаются те, кои около всего земного круга предприняты.

Теперь он хотел узнать и заранее учесть весь опыт, накопленный великими мореплавателями. Крузенштерн думал не только о пользе нового плавания для российской торговли, но и об открытиях, которые можно сделать в океанах.

Он вернулся в Россию с .тщательно продуманным планом. Два корабля должны были итти от Петербурга к российским владениям в северо-западной Америке и возвратиться, обойдя вокруг земли. Они могли при этом исследовать еще не достаточно изученные моря и океаны, а вместе с тем привезти в Петербург меха и китайские товары.

Крузенштерн изложил свой проект в докладной записке. Мысль о плавании из Балтийского моря в Тихий океан была не совсем нова. Еще в то время, когда Крузенштерн оканчивал морской корпус, Адмнралтейств-коллегия решила послать корабли из Кронштадта к северо-западной Америке. Только война со Швецией помешала выполнить это решение. Однако на план Крузенштерна не сразу обратили внимание.

Тем временем крупные русские промышленники и купцы.

добывавшие и скупавшие меха на Камчатке, на Алеутских островах и в северо-западной Америке, создали единую «Российско-Американскую компанию». У новой компании были большие капиталы. Русское правительство взяло ее под свое покровительство.

— Расширяя свои промыслы, компания будет тем самым укреплять и российские владения на Тихом океане, — говорили в Петербурге.

Даже император Александр I приобрел несколько акций компании, заявив, впрочем, что собирается пожертвовать их на благотворительные цели.

Для успеха дела надо было наладить снабжение всем необходимым русских людей, промышлявших на Тихом океане, и доставлять без потерь меха.

— Доселе, как во времена капитана Берпнга, в Охотске строят

только маленькие суда для плавания к Алеутским островам и к Америке. Суда сии столь ненадежны, что нередко гибнут со всей командой и грузом. Только на одном нашем судне «Феникс» погибли восемьдесят восемь человек и меха стоимостью на шестьсот тысяч рублей. А большое судно построить и хорошо снабдить в тех местах невозможно. Даже канаты для якорей, доставляя из Якутска в Охотск, на несколько частей разрезают, дабы на лошадей навьючить. И хотя потом их вновь сплетают, да положиться на такие снасти никак нельзя, — жаловались участники Российско-Американской компании.

Еще в 1790 году основатель Российско-Американской компании Шелехов доказывал, что надо посылать корабли из Балтийского моря в Охотск, на Камчатку и к Северной Америке. Теперь компания заявила, что готова приобрести два больших, хороших судна, годных для долгого плавания из Балтийского моря в Тихий океан и обратно. Компания соглашалась взять на себя расходы, связанные с плаванием, но не имела ни образованных, опытных капитанов, ни хорошо подготовленных матросов. Только моряки русского военного флота могли осуществить это дело.

Тогда вспомнили о проекте Крузенштерна. Морское министерство решило послать в плавание лучших офицеров и дать.

команду для кораблей. А Российско-Американская компания взяла на себя покупку новых судов и снабжение команды.

Идя через Тихий океан, можно было зайти в Японию. С этой страной все еще не были установлены дипломатические отношения и торговая связь. Поэтому правительство решило направить в Японию посольство. Посланником назначили камергера Резанова, принимавшего большое участие в делах Российско-Американской компании. Начальство над кораблями было поручено Крузенштерну.

«Наша экспедиция возбудит внимание не только в нашем отечестве, но и в Европе. Неудача не только помрачит мое имя, но и будет во вред России. Завистники в других странах обрадуются, а соотечественники могут надолго отказаться от таких плаваний. Я чувствую в полной мере важность сего поручения», писал Крузенштерн.

Он знал, что успех прежде всего зависит от тщательности подготовки плавания и выбора людей. Крузенштерн настоял, чтобы ему дали право самому подобрать офицеров и матросов. Прежде всего нужно было выбрать командира для второго судна экспедиции. По предложению Крузенштерна, на эту должность назначили капитан-лейтенанта Юрия Федоровича Лисянского, с

которым он учился в морском корпусе.

Лисянский тоже отличился в морских сражениях со шведами и затем был послан в Англию. Так лее как и Крузенштерн, он несколько лет плавал по разным морям и океанам: обошел на английском корабле Африку, побывал в Индии и у берегов Америки. Он знал все, что должен знать капитан корабля, уходящего в далекое плавание, так нее хорошо, как и сам Крузенштерн.

Лисянекому сразу дали валшое поручение. Его послали в Англию, чтобы приобрести два надежных судна. Он выбрал в Лондоне два корабля в 450 и 350 тонн, построенные недавно, но уже испытанные в плаваниях, и привел их в Кронштадт.

Тем временем Крузенштерн заботливо подбирал участников экспедиции.

«Спокойный и веселый дух в таком путешествии столь же нужен, как и здоровье. А потому и не надлежит делать принуждения», писал Крузенштерн.

А капитан Лися некий собрал свою команду на палубе «Невы» в первый день плавания, чтобы высказать требования, которые все должны были запомнить. Он еще раз сказал, что плавание будет долгим, трудным и для успеха потребуется напряжение всех сил.

Поэтому даже матросы назначались в это плавание только в том случае, если шли охотно.

Все офицеры, начиная со старшего, опытного и деятельного лейтенанта Ратманова и кончая молодым, но знающим мичманом Фаддеем Боллинге -гаузеном, считали большой честыо для себя назначение в первое кругосветное плавание русских кораблей.

Выбирая людей, Крузенштерн говорил каждому о трудностях, которые придется пережить, и заранее требовал выполнения некоторых правил, обязательных в дальнем плавании.

Капитал Лисяневий.

— Соблюдайте всегда чистоту, от нее больше всего зависит здоровье в дальнем плавании. В полной чистоте надобно

содержать и судно, и одежду, и свое тело. Живите дружно. Помните, что многие недели вам придется проводить вместе, в открытом море, не видя берегов. Не надоедайте друг другу ссорами —они больше всего ослабляют дух. А главное, наилучшим образом выполняйте любое приказание командира. В море иной раз малейшее промедление в исполнении приказа влечет гибель судна и людей. Строжайшее послушание никогда и никак не должно нарушаться, — сказал капитан Лисянекий.

В девять часов утра прозвучал сигнальный пушечный выстрел с фрегата «Надежда». На мачтах обоих кораблей взвились

паруса. Быстро подняли якоря. Слегка покачиваясь на небольших" волнах, «Надежда» и «Нева» направились к выходу в открытое море.

На мачтах иностранных судов, стоявших на Кронштадтском рейде, забелели паруса. Корабли снимались с якоря один за другим и следовали за «Надеждой» и «Невой», как белокрылая свита. Капитаны судов, мимо которых близко проходили оба фрегата, приподнимали шляпы и на разных языках выражали пожелание счастливого плавания. Все, кто плыл на «Неве» и «Надежде», стояли на палубах и смотрели на медленно удалявшийся берег.

От командиров до последнего матроса — у всех было торжественное, немного приподнятое и серьезное настроение, которое переживает человек, когда понимает, что в его жизни начинается новая глава.

n

Корабли ушли из Кронштадта в ясный, теплый, солнечный день. Посланник Резанов и два молодых блестящих гвардейских офицера., которые сопровождали его в качестве «кавалеров посольства», прохаживались по верхней палубе, с интересом поглядывая на работу матросов, быстро взбегавших по вантам к верхушкам мачт и .взбиравшихся на реи, чтобы закрепить, переменить или убрать какой-либо парус. Было приятно слышать новые, необычные звуки: легкий свист ветра в парусах, плеск воды о борт, мелодичный бой склянок, заменяющий бой часов(на кораблях. Казалось, надолго установилась прекрасная погода.

Но капитан Крузенштерн озабоченно поглядывал на барометр, который медленно, но неуклонно опускался. Вечером переменился и окреп ветер. Он дул теперь почти навстречу, и целую ночь пришлось лавировать. Поднимая и опуская паруса разной формы и величины и слегка поворачивая судно то в одну, то в другую сторону, удавалось использовать силу даже

противного ветра: судно все-таки продвигалось вперед, хотя и шло почти в три раза медленнее, чем в первые часы плавания.

А утром небо заволокло облаками и ветер стал еще сильнее. На свинцово-сером море закачались белые гребни волн.

— Барашки забегали. — говорили матросы, поглядывая на море.

Участники посольства уже ие показывались на палубе. Корабли сильно качало, и люди, не привыкшие к морю, лежали по каютам, испытывая приступы морской болезни. А команда делала свое обычное трудное и опасное дело: на мерно опускавшихся и поднимавшихся верхушках мачт время от времени появлялись матросы, для того чтобы закрепить ослабевший парус, который начало трепать ветром, пли выполнить другой приказ.

На «Неве» один из лучших матросов сорвался с мачты и упал в море.

— Человек за бортом! —раздался крик на палубе.

С величайшей поспешностью спустили шлюпку. Матрос, палая с большой высоты, видимо сильно ударился о воду и скоро потерял сознание. Несмотря на то что он считался хорошим пловцом, спасти его не удалось.

Это несчастье, случившееся в первые дни, было как будто своего рода предупреждением: не только напряженная, но и точная работа, смелость и в то же время внимательная осторожность требовались от каждого моряка на парусном судне в дальнем плавании.

Десять дней шли корабли от Кронштадта до Копенгагена. За это время ветер менялся несколько раз, а около самого Копенгагена вдруг прекратился совсем. Корабли беспомощно остановились. Только на другой день им удалось войти в гавань датской столицы.

В Копенгагене пришлось простоять долго. Здесь надо было принять некоторые товары, закупленные Российско-Американской компанией за границей для русских поселений на Тихом океане. Пришлось вновь потратить много времени, чтобы пересолить запасы мяса, начавшего портиться, а потом противные ветры мешали выйти в море.

Эта задержка была очень досадна. Но зато здесь удалось увидеть много нового.

Вслед за «Надеждой» и «Невой» в Копенгаген пришли из

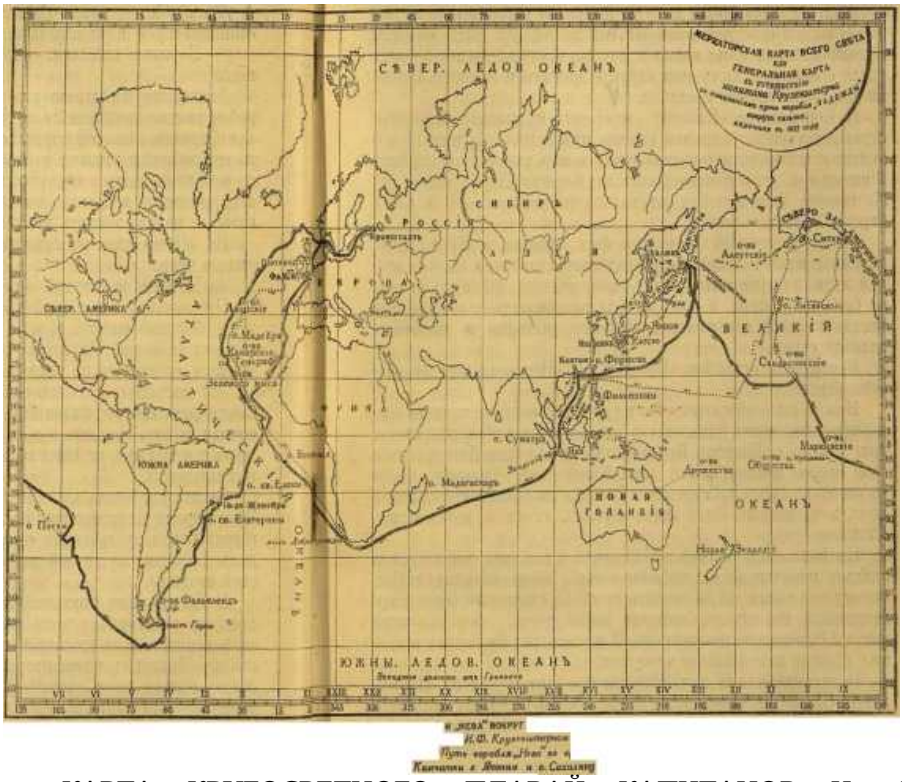
Кантона два больших корабля Азиатско-Датской компании. На их примере можно было увидеть, как много дает торговля с Китаем и Индией и каким гибельным может стать плавание, если нет заботы о здоровье команды. Только один из этих кораблей

привез 25 тысяч пудов чая разных сортов, 3 тысячи пудов кофе, тысячу пудов хины, китайские шелковые ткани, фарфор. Но из ста матросов пятьдесят погибли от разных болезней во время длительной стоянки у острова Ява.

Русские моряки с интересом осматривали Копенгаген и его окрестности. Улицы были узки, но опрятны. По их сторонам стояли каменные дома в два-три этажа. Среди них было много старинных зданий. А дороги, которые вели к городу, были широки, вымощены и обсажены кудрявыми буковый деревьями. Крестьянские домики, каменные и деревянные, но оштукатуренные и выбеленные, с красными черепичными крышами, стояли среди фруктовых садов и полей.

Капитаны Крузенштерн и Лиеяпекпй осмотрели Копенгагенскую обсерваторию, директор которой согласился

I ПЛАВАЙ КОРАБЛЕЙ „НАДЕЖДА



КАРТА КРУГОСВЕТНОГО ПЛАВАЙ КАПИТАНОВ И. Ф. КРУЗЕНШТЕРНА и 10. Ф. ЛИСЯЫСК0Г0 в 1803—1600 гг. Особенности нарты дД представление о географических знаниях и названиях начала XIX века.

■ " *Путь корабля „HajCMja' тру света .....*

----— Путь корабля„Належла“тремя плаваний от

Л В 1803-1806 ГА. *в 1313 г..*

оемя разлучения с кораблем „Налам е 1304 -1305 и

проверить хронометры и некоторые другие корабельные приборы. В городе оказался очень богатый архив, где были собраны всевозможные морские карты и описания путешествий. Моряки могли сравнивать здесь свои карты с другими и наводить справки для предстоящего плавания. *V*

В Копенгагене «Надежду» и «Неву» поджидали трое иностранных ученых: астроном Горнер, приглашенный, чтобы с его помощью можно было особенно точно делать вычисления долготы и широты, и два естествоиспытателя: ботаник Тилезиус и зоолог Дангсдорф. Тилезиус был не только натуралист, но и очень хороший рисовальщик.

Среди участников плавания был живописец Курляндцев, командированный Российской Академией художеств. Однако второй художник мог быть также очень полезен. Фотография еще не была изобретена, и приходилось зарисовывать малоизвестные места, жителей неизученных островов, растения и животных далеких стран.

В середине сентября «Надежда» и «Нева» отошли от датских берегов.

Можно было опасаться, что в туманные осенние ночи во время штормов, часто бывающих в это время, корабли разлучатся друг с другом. Капитан Крузенштерн предложил Лисянскому в этом случае итти прямо в английский порт Фальмут, чтобы встретиться там с «Надеждой». Это был последний европейский порт, куда должны были зайти корабли, уходя в кругосветное плавание.

Пролив между Данией и Норвегией, Скагеррак, имел плохую славу у моряков. Здесь особенно опасны были сильные ветры, потому что волны могли бросить судно на скалистый берег Норвегии или на отмели, которых много около северо-западной части Ютландского полуострова. И на этот раз Скагеррак встретил корабли жесточайшим штормом.

Волны ударяли со страшной силой о борт кораблей. «Надежда» и «Нева» то взлетали на белые гребни огромных свинцовозеленых волн, то падали вниз, как -будто проваливаясь в глубокие ухабы. Вода не раз перекатывалась через палубы кораблей, унося все, что не было прикреплено накрепко.

Нужно было во что бы то ни стало направлять корабль так, чтобы он шел вразрез волнам, иначе море опрокинуло бы его на бок. И бывали минуты, когда палуба наклонялась так низко, что нельзя было не бояться за судьбу судна.

«Корабль накреняло столько, что я никогда того прежде па

других кораблях не видывал», писал Крузенштерн.

А приказчик Шемелии, который вел дневник во время плавания, признавался, что переживал смертельный страх.

«Шум от ударов волн, разбивающихся о стонавшие и скрипевшие стены страдающего корабля, соединяясь со свистом вихрей в снастях, обнаженных от парусов, составлял музыку, оглушающую и наводящую трепет», писал Шемелин.

Этот шторм, как потом выяснилось, бушевал и в Северном море и в Ла-Манше. Он погубил немало кораблей у немещсих. французских и английских берегов.

Ночью во время шторма «Надежда» и «Нева» разлучились. На другой день, когда ветер несколько стих и можно было уйти вперед, хотя продолжалась сильная качка, капитан Лнсянский повел «Неву» в Фальмут. Он пришел туда первый. А через два дня в порт вошла и «Надежда».

Оказалось, что удары волн несколько повредили корабль. В бортах появилась течь, и пришлось затратить шесть дней, чтобы проконопатить судно заново. Тем временем можно было хорошо осмотреть Фальмут -и немного познакомиться с его жизнью.

Это был один из лучших портов на юго-западном берегу Англии. На первый взгляд он был неказист. Невысокая гора, подошедшая близко к морю, оставила мало места для города, и он вытянулся одной улицей у самой воды. Но гавань, точно врезанная между скалами, была достаточно глубока и просторна: «Нева» застала в ней пятнадцать торговых кораблей и один военный английский фрегат.

«В Англии почитается выгоднейшею мест удобностью пристань для мореплавания», записал плывший на «Неве» приказчик Коробицын, который, так же как и его товарищ Шемелин, должен был вести дневник и примечать особенности тех мест, где пришлось побывать.

Небольшие каменные дома стояли, точно прижавшись друг к другу, и казались грязновато-серыми, потому что отапливались каменным углем, оставлявшим копоть. В них жили по большей части семьи моряков и рыбаков. А в нижних этажах многих домов помещались магазины и лавки е товарами, рассчитанными главным образом на команды кораблей, заходивших в Фальмут по пути в Португалию, Испанию и Америку.

Шемелин и Коробицын с интересом отметили, что товары здесь выложены под стеклом, так что каждый покупатель может их хорошо видеть. На «Неве» и «Надежде» говорили, что в Англии не принято запрашивать лишнее, и потому офицеры, делая покупки в Фальмуте, считали неприличным торговаться с продавцами.

Шемелин, несмотря на это, попробовал поторговаться, совсем как на родине, дав половину запрошенной цены. И к немалому его торжеству, английский лавочник так же сбавил цену после торга, как это сделал бы и русский купец. Шемелин вернулся на корабль очень довольный своим открытием и не без гордости сделал о нем запись в путевом дневнике.

Пятого октября корабли, запасшись провизией и пресной водой, вышли из Фальмута. Когда наступил вечер, увидели огонь Лизардского маяка, последнего на пути в беспредельный простор океана. Яркий свет постепенно превратился в мерцающую звездочку, затем исчез совсем. Все офицеры «Надежды» и «Невы» и другие участники плавания стояли на палубе и смотрели туда, где еще недавно виднелся огонь маяка, стараясь разглядеть его отблеск на горизонте.

Это была последняя точка на европейском берегу, которую видели, уходя в плавание к югу. И даже сам капитан Крузен- • штерн смотрел на нее с некоторой грустью, думая о долгой разлуке с семьей: в продолжение многих месяцев больше нельзя было получать вестей о близких и давать знать о себе.

«Одна только лестная надежда, что важное предприятие будет совершено щастливо, что я некоторым образом буду участвовать в распространении славы моего отечества, ободряла сокрушенный дух мой, подавала крепость и восстанавливала душевное мое спокойствие», писал он потом.

Но никто не мог заметить настроение капитана. Так же, как всегда, твердо и уверенно звучали слова команды. Крузенштерн знал хорошо, что тот, кто хочет, чтобы ему подчинялись, никогда не должен проявлять нерешительность или слабость, и умел сохранять самообладание в трудные минуты.

Несколько дней дул свежий попутный ветер, и корабли быстро шли на юго-запад. Только море и небо были видны вокруг. Но через пять дней после выхода в океан вдруг прилетело множество маленьких зеленовато-желтых птичек овсянок, несколько трясогузок оранжевого с черным цвета и небольшая серая сова. Совершенно обессиленные, они опускались на мачты и на палубу корабля.

«Овсяночки были столь смирны, что допускали себя брать руками», записал в дневнике Шемелин.

— Эти птички могли залететь так далеко от земли, наверно, только потому, что их унесло от африканских берегов сильной бурей, — объяснил натуралист Лангсдорф.

На другой день на корабле уже не было ни одной птички. Иовидпмому, часть переловили корабельные коты, а остальные улетели, немного отдохнув.

Дни походили один на другой, и потому особенный интерес вызывало все, что нарушало однообразие. С любопытством смотрели на дельфинов, которые как будто кувыркались в волнах: то показывалась из волн черная горбатая спина, то голова, то хвост, похожий на рыбий.

Подолгу всматривались в водоросли, плывущие на поверхности моря, или в парус, появившийся на горизонте.

По вечерам наблюдали свечение моря. Чем дальше плыли на юг, тем оно становилось ярче. Временами за кормой корабля бежала как будто загоравшаяся струя, а вода у бортов отливала зеленоватым огнем. При легком волнении все море покрывалось колеблющимися сияющими лентами, точно в причудливой иллюминации.

Натуралисты брали пробы воды, а потом днем исследовали ее под микроскопом. В ней оказывалось множество мельчайших, невидимых простым глазом животных. Они светились ночью, если вода ударялась о что-нибудь твердое или волновалась.

В начале октября, когда «Надежда» и «Нева» вышли из Фальмута, было прохладно и сыро. Капитан Лисянский даже приказал ставить время от времени жаровни там, где спят матросы, чтобы воздух был суше. Он знал по опыту, что сырость в жилых помещениях на корабле бывает особенно вредной для здоровья.

Чем дальше шли к югу, тем теплее становились солнечные лучи, прозрачнее делался воздух и синее казалась морская даль. Уже через несколько дней после выхода из Фальмута капитаны приказали команде убрать большую часть теплой одежды в сундуки. Корабли направлялись к тропикам, и на смену осени должна была скоро притти не зима, а жаркая весна и за нею солнечное лето.

Крузенштерн предполагал зайти на знаменитый своими виноградниками и вином остров Мадейру, чтобы запастись там фруктами и свежей растительной пищей, нужной в дальнем плавании. По ветры дули от берегов Африки, и капитан переменил решение. «Надежда» и «Нева» направились дальше, к Канарским островам.

Так же как п Мадейра, один из Канарских островов, Тенериф, был пристанью на путях кораблей в кругосветном плавании.

Ранним утром 19 октября на горизонте отчетливо вырисовалась похожая на гигантский конус снежная вершина. Лучи восходящего солнца, искос'а падая на белый снег, придавали ей легкий розовый оттенок.

На прозрачном синем небе эта стройная горная вершина, как будто созданная из облака, окрашенного утренними солнечными

лучами, казалась прекрасной.

Нее участники плавания вышли на палубу. Перед ними был пик Тенериф, один из высочайших вулканов мира. О Тенерифе не раз говорили на кораблях и ждали с нетерпением, когда он появится: после долгого плавания особенно хотелось сойти на землю и побывать на одном из Канарских островов, славившихся красотою.

Пик виденˆ был так ясно, что казался близким. В действительности до острова оставалось еще семьдесят верст.

Попутного ветра не было, и потребовался целый день, чтобы подойти к берегу. Перед вечером уже можно было хорошо рассмотреть несколько поросших вечнозелеными деревьями гор, как будто столпившихся у подножья пика и закрывавших его нижнюю часть. Лангсдорф и Тилезиус объяснили, что и эти горы тоже были когда-то вулканами.

Па другой день корабли вошли в гавань Санта-Крус на острове Тенериф. На берегу стояли белые, по большей части двухэтажные, дома с балкоиамп и небольшими садами, в которых росли бананы, апельсиновые и лимонные деревья. На набережной росли высокие зеленые пальмы, а море было таким синим, каким многие участники плавания раньше видели его только на картинах.

К «Надежде» подошла шлюпка, и на палубу поднялся офицер в мундире лейтенанта испанского флота. Тенериф принадлежал Испании, и испанский моряк был командиром порта. Лейтенант указал место, где можно всего удобнее стать на якорь.

Капитан Крузенштерн поехал с визитом к губернатору острова, а другие участники плавания поспешили осмотреть городок. Улицы оказались хорошо вымощенными каким-то темносерым камнем.

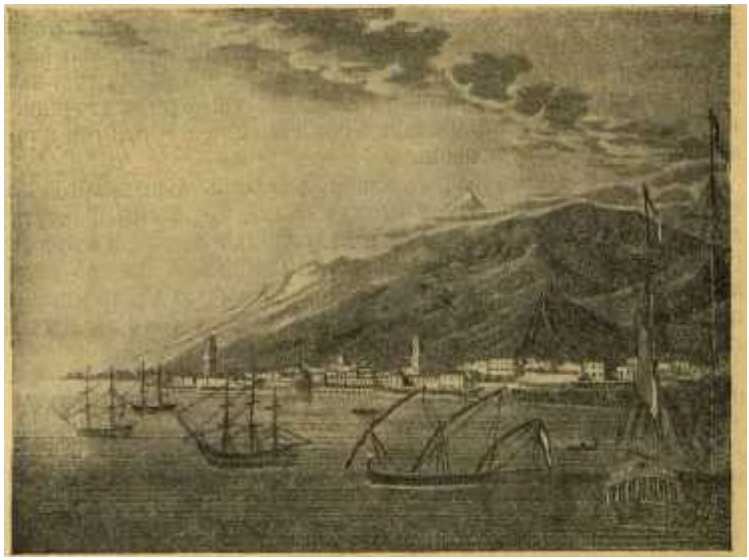
— Да это застывшая лава, когда-то вылившаяся из вулкана, — сказал Лангсдорф, присмотревшись к мостовой.

13 садах цвели розы, а па прилавках городских лавочек лежали большие сочные апельсины, лимоны и виноград разных сортов.

Когда мягкий, теплый вечер сменил солнечный день, улицы, как всегда в южных городах, наполнились гуляющими. В-разных местах слышались несии под звуки гитары. А ночыо на потемневшем море загорелись огни, медленно передвигавшиеся с места на место: рыбаки при ярком свете удили с лодок рыбу макрель.

Для того чтобы запастись свежими съестными припасами, надо было провести на острове несколько дней. За это время удалось познакомиться не только с городом, но и с его

окрестностями.



Остров Тенериф.
С гравюры из атласа к книге Крузенштерна
«Путешествие вокруг света на корабле г
«Надежда»
в 1803—1808 годах
».

Остров оказался очень горист и каменист, но в долинах хорошо росли плодовые деревья. Встречались и деревья, обычно растущие только под тропиками. Крузенштерн и его спутники осмотрели одну из достопримечательностей Тенерифа — громадное драконовое дерево.

— Оно у подножья в обхвате имеет сорок пять футов, стало ■быть больше шести сажен. Есть достоверные известия, что и четыреста лет назад оно было так же толсто и выглядело таким же старым, как теперь, — сказал ботаник Тилезиус.

Много было прекрасных виноградников. Отсюда каждый год вывозились в разные страны тысячи бочек виноградного вина различных сортов. Но земледельцы-испанцы, возделывавшие ви-

На набережной острова Тенериф.
С гравюры из книги Лангсдорфа «Замечания о путешествии вокруг света».

ноград, жили бедно. Они находились в зависимости от английских купцов, державших в своих руках вывоз вина и заранее закупавших по дешевым ценам весь урожай винограда.

«Английские купцы пожинают плоды трудов возделывателей и дар природы, самою справедливостью обладателям острова определенный», записал в дневнике Шемелин.

Российские корабли впервые бросили якорь в гавани Тенерифа, и на русских моряков здесь смотрели с большим любопытством.

Англичанин Армстронг, самый богатый житель Тенерифа, приглашал к себе посланника Резанова и офицеров кораблей на вечера с избранными гостями.

«При темных понятиях, каковые в отдаленных землях и поныне имеют о России и россиянах, немало удивлялись, увидя, что сии северяне равняются во всем с жителями Южной Европы и не уступают им ни в воспитании, ни в образе жизни», писал потом Крузенштерн.

Тенериф понравился русским морякам. Но они заметили, что там далеко не всем живется хорошо. В городе было много нищих и очень сильно было развито воровство. Инквизиция, все еще существовавшая в Испании, действовала и на Канарских островах. Правда, на площадях уже не раскладывали костры, чтобы сжигать еретиков. Однако за неосторожно сказанное слово можно было поплатиться долгим тюремным заключением.

«Для человека, свободно мыслящего, ужасно жить в таком месте, где злость инквизиции и неограниченное самовластие

губернатора действует в полной силе. Гишпанское правительство, вместо успехов в человеколюбивом и естественным правам соответственнейшем образе правления, более и более от того удаляется», писал потом Крузенштерн, вспоминая жизнь на острове Тенериф.

«Надежда» и «Нева» простояли у Тенерифа неделю. За это время закупили очень много лимонов и разных овощей, а также сделали большой запас хорошего виноградного вина не только для офицеров,- но и для матросов. Крузенштерн и Лосинский постарались запастись свежей пищей, потому что предстояло пробыть в открытом море почти два месяца.

Корабли, уходившие в Тихий океан, чаще всего шли от Канарских островов вокруг Африки, направляясь к берегам Китая через Индийский океан. Это был уже давно проторенный, хорошо известный морской путь. Именно поэтому капитан Крузенштерн, составляя план экспедиции, решил выбрать другое направление.

«Надежда» и «Нева» должны были пойти от Тенерифа к Южной Америке, обогнуть ее и итти дальше через Тихий океан. Он не напрасно назывался не только Тихим, но и Великим. В его просторах все еще встречались земли, не нанесенные на карту. А среди тех островов, о существовании которых уже знали моряки, многие были совсем не описаны. Крузенштерн

рассчитывал, что экспедиция попутно сделает новые научные исследования.

Утром 27 октября «Надежда» и «Нева» отошли от Тенерифа.

Белый пик Тенериф долго виднелся позади. Он исчез только на другой день. С палубы снова были видны лишь море да небо. Долго дули попутные ровные и постоянные пассатные ветры. Корабли неуклонно шли на юго-запад.

О каждым днем становилось жарче. В воздухе начала чувствоваться тягостная духота. Над верхней палубой протянули тент — широкое полотнище, которое должно было заменять крышу. А матросы получили приказ каждый раз после вахты обливаться морской водой. Это обливание должно было не только освежать, но и укреплять тело.

«Во время плавания в жарких странах надо почаще пускать людям кровь из жил. Удаляя дурную кровь, можно уберечь команду от многих болезней», говорили лгореплаватели ветарину.

— Только хорошее питание и бережное отношение к людям сохраняют здоровье команды. Капитан Кук доказал это своими плаваниями, — утверждали Крузенштерн и Лнсянский.

Еще учась в морском корпусе, они читали описание кругосветного плавания лорда Ансона, эскадра которого

направилась от Мадейры тоже к Южной Америке. Во время этого перехода на каждом из английских кораблей умерло от цынги несколько десятков человек.

«Ежели бы, паче чаяния, одного человеколюбия недовольно было, то, по крайней мере, благоразумие и попечение о щастливом успехе, так лее польза и честь каждого начальника, должны нас склонить к прилежному исследованию всех вероятных средств, предлагаемых для сохранения здоровья и крепости матросов. Но не всегда это делается», писал составитель книги о плавании Ансона,

Крузенштерн и Лисянский заранее позаботились о том, чтобы сберечь здоровье команды.

В то время еще не знали о существовании витаминов, предохраняющих от цынги, но лучшие мореплаватели на опыте научились ими пользоваться. Два раза в день матросы «Надежды» и «Невы» получали порцию напитка, в который вливался лимонный сок. Эссенция из еловых шишек, закупленная в Англии, подбавлялась к питьевой воде. А тыкв, которые варились вместе с кашей, закупили на Тенерифе столько, что можно было давать команде свежую растительную пищу ежедневно до самой Бразилии.

«За весь длинный переход от Канарских островов до Южной Америки в лазаретах не было ни одного больного», записал Крузенштерн.

Участники экспедиции в хорошую погоду большую часть дня проводили на палубе. Море время от времени доставляло развлечение в однообразном плавании вдали от берегов.

Не раз видали летучих рыб. Они выпрыгивали из моря, нео лись над ним, точно серебряные птички с прозрачными лазоревыми крылышками, и падали в воду.

— Они до ста сажен пролетали и столь высоко, что через корабль перелетали, — рассказывали потом моряки.

Часто вслед за летучей рыбой выскакивала, но тут же падала в воду голубоватая хищная рыба — бонит. А раз видели, как целое стадо дельфинов гналось за большой стаей летучих рыб. С кораблей долго следили за этой охотой.

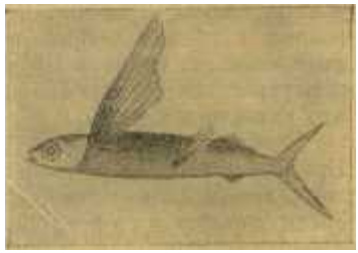
Одна летучая рыба, пролетая над «Невой», наткнулась на повешенную для просушки матросскую рубашку и упала на палубу. Оказалось, что она походит на небольшую селедку, а между длинными передними плавниками и туловищем у нее тонкая, почти прозрачная небольшая и крепкая перепонка. Спасаясь от преследования, рыбы выбрасывались из воды, растягивали перепонки, как будто расправляя крылья, и летели над морем.

Раз, когда вокруг долго не было видно ничего, кроме чистого моря, на горизонте вдруг показался белый парус. В подзорную трубу увидели, как судно переменяет курс, чтобы приблизиться к кораблям.

— Может быть, идет в Европу и возьмет у нас письма, — сказал Крузенштерн и приказал убавить паруса.

Оказалось, что это купеческое судно, идущее из Америки на остров Яву. Его капитан хотел проверить свои вычисления долготы и широты. Он сделал значительную ошибку и заблудился в океане.

Капитан сказал, что, огибая Африку, зайдет на мыс Доброй Надежды и охотно отправит оттуда почту. Он выполнил обещание: письма, спешно написанные в океане между тропиками и экватором, дошли до Петербурга через полгода.



Летучая рыба.

С гравюры из атласа к книге капитана Ливанского «Путешествие вокруг света на корабле

«

Нева

»

в 1803—1806 годах».

Двадцать шестого ноября торжественно отпраздновали переход через экватор.

— Российские флаги впервые в Южном полушарии земного шара развеваются, — сказал Крузенштерн.

Капитан Лисянский подвел «Неву» почти вплотную к «Надежде». Матросы, расставленные на вантах п реях мачт, трижды прокричали «ура». Потом устроили праздничный обед и во время тостов палили из пушек. Все матросы получили по пиастру в награду и хорошее виноградное вино.

Попутные ветры, сопровождавшие корабли от Тенерифа, почти совсем прекратились около экватора. Погода часто менялась. Нередко наступал полный штиль, и корабли останавливались, как будто вдруг обессилев.

Потом налетал шквал, ветер свистел в снастях. «Надежда» и «Нева» то взлетали на гребни волн, то летели книзу, точно перекатываясь с горы на гору. Шквал обычно длился недолго и оканчивался таким проливным дождем, какого еще не видали матросы, впервые попавшие в тропики: казалось, что вода падает сплошным потоком.

Шквалы требовали от команды напряжения всех сил. Однако длительный штиль бывал еще досаднее: приходилось беспомощно стоять на месте посреди океана, и никто не мог сказать, когда окончится эта томительная остановка.

Натуралисты, впрочем, не теряли напрасно это время. Они ловили с шлюпки моллюсков и других морских животных, брали пробы воды, чтобы исследовать ее под микроскопом, опускали в море особые приборы, чтобы узнать температуру воды на разных глубинах. Этими последними наблюдениями особенно интересовался капитан Крузенштерн. Он изучал изменения температуры воды и морские течения, тщательно записывая все.

что удавалось узнать.

В начале декабря корабли стали приближаться к берегам Бразилии. Однако Крузенштерн и Лнсянекий решили задержаться еще на несколько дней в море. Уже много лет шел спор среди моряков и географов о том, существует ли остров Ассена-иио, обозначенный на картах под двадцатым градусом южной широты.

Некоторые мореплаватели сообщали, что видели его сами. Другие говорили, что это недоразумение, происшедшее вследствие ошибки в вычислениях: новым именем — Аесенацио — назван другой остров, действительно находящийся на той же параллели, но гораздо западнее.

Знаменитый мореплаватель де-Лаперуз тщетно искал остров Аесенацио, но некоторые утверждали, что он не довел поиски до конца.

Крузенштерн и Лисянский решили продолжать поиски, предпринятые Лаперузом, пройти там, куда не дошли его корабли.

— Мы тщетно ждали, что с мачты, на которой находился матрос, дабы следить за' горизонтом, раздастся крик: земля! *У* бедившись, что Аесенацио помещается на картах напраспо, мы под всеми парусами пошли к Бразильской земле, — говорил потом Крузенштерн.

Одиннадцатого декабря, когда до берега Южной Америки оставалось еще несколько десятков миль и нельзя было увидеть землю даже в подзорную трубу, на «Неву» прилетела очень большая бабочка. Она села на борт и раскрыла крылышки, точно вырезанные из темносииего бархата и украшенные светложелтой полоской по краям. Вслед за ней появилось множество различных бабочек, тоже больших и красивых.

Команда кораблей смотрела на них с изумлением: даже нарядпейшие российские бабочки казались по сравнению с ними мало заметными. Натуралист Лангедорф, которому уже случалось в европейских музеях видеть бразильских бабочек, теперь тоже любовался их красотой.

— Эти бабочки, так же как птички, которые гостили у нас, когда мы шли мимо Африки, наверно унесены от земли сильным ветром, — объяснял Лангсдорф.

На другой день утром вдалеке показался мыс Фрио.

— Скоро будем в Бразилии, — говорили на кораблях.

После пятидесятидневного плавания всем хотелось поскорее сойти на берег.

Молодые офицеры желали, чтобы корабли зашли в Рио-де-Жанейро. В этом большом портовом городе можно было найти много всевозможных развлечений. Моряки, золотоискатели,

люди, вдруг разбогатевшие на бриллиантовых россыпях, которыми славилась Бразилия, попадая в Рио-де-Жанейро, старались вознаградить себя за перенесенные лишения и иногда в несколько дней спускали здесь в кутежах все, что приобрели.

Крузенштерн и Лисянский предпочли миновать Рио-де-Жанейро. «Надежда» и «Нева» пошли к острову Святой Екатерины, расположенному южнее этого города. Пролив шириной всего в двести сажен отделял остров от материка. Прекрасная гавань на берегу пролива была хорошо защищена от ветров.

— Место сие весьма славно у мореходцев по причине здорового воздуха и добрых съестных припасов, — говорил Крузенштерн, вспоминая, что в гавани острова Святой Екатерины останавливались де-Лаперуз и некоторые другие известные мореплаватели.

Ранним утром 21 декабря «Надежда» и «Нева» вошли в. .узкий пролив между островом Святой Екатерины и материком. На берегах видны были небольшие горы, покрытые густым темнозеленым лесом. Можно было ясно различить стройные пальмы, какие-то еще не известные русским морякам могучие, высокие деревья, перевитые лианами, и цветущий кустарник на лесных опушках.

Корабли вошли в гавань острова и стали недалеко от старой крепости, на которой были подняты португальские флаги.

От берега немедленно отошла лодка, в которой сидел пожилой португальский офицер. Он побывал на «Неве» и «Надежде»,

чтобы получить сведения о кораблях и узнать, куда они направляются.

— Мне весьма приятно было видеть его удивление, когда он узнал, что россияне идут мимо мыса Горн, — сказал капитан Лисянский, когда офицер покинул корабль.

Португальский офицер держался очень вежливо и выразил уверенность, что губернатор острова будет рад видеть у себя русских моряков.

На другой день Крузенштерн и Лисянский вместе с посланником Резановым поехали с визитом к губернатору, который жил в городе Ностра-Сеньора-дель-Дестро, недалеко от гавани.

По дороге часто встречались белые домики, обнесенные живой изгородью из молодых апельсиновых деревьев, посаженных так часто, что их ветви переплетались между собою, образуя сплошную стену. В темнозеленой листве краснели апельсины. В садах около домов стояли кофейные деревья и бананы. А на полях росли хлопок, сахарный тростник и рис.

Полуголые негры и негритянки работали в садах и на полях. Португальцы в белых одеждах и в широкополых шляпах обычно только следили за работой рабов, подгоняя плеткой ленивых и слабых.

Густая аллея из давно посаженных больших апельсиновых и лимонных деревьев, начинавшаяся перед городом, перешла в проспект, ведший к губернаторскому дому.

— Бразильцы на апельсиновые и лимонные деревья, вероятно, и внимания не обращают, как мы на березы, — говорили русские моряки.

Губернатор принял гостей любезно и даже предложил посланнику помещение в своем доме.

Потом Крузенштерн и его спутники пошли осматривать городок. Дома были почти не видны с улицы. Они как будто спрятались среди деревьев, защищавших их от солнечных лучей. Широкая улица вела к обширному рынку.

Съестные припасы продавались здесь очень дешево: кофе и сахар стоили, по десяти копеек за фунт на русские деньги. Сильные быки, спутанные по ногам, производили впечатление почти диких животных. В совсем еще малонаселенной Бразилии ста-

. На острове Святой Екатерины.

С гравюры из атласа к путешествию капитана де-Лаперуза вокруг света.

да бродили почти без надзора, дичали, и от пастухов требовалось большое искусство, чтобы ловить и доставлять быков на продажу.

Наряду со скотом на рынке продавались люди. Негры разного возраста, начиная с детей, сидели и лежали на земле в ожидании покупателей. Нередко продавались разным покупателям и разлучались мужья и жены, родители и дети.

Скот продавался очень дешево. Люди стоили значительно дороже, потому что доставлялись издалека. Негров привозили в Бразилию из португальских колоний в Африке — Анголы и Мозамбика, причем нередко больше половины рабов умирало в пути. В Бразилии, так же как в других странах Южной Америки, они выполняли самые трудные полевые работы и были лишены всяких прав.

«Содержание сих бедных невольников в рассуждении их пищи и одежды мало чем отличается от животных. При всем том

угнетены всякими наитягчайшими работами», записал Короб и-цын в своем путевом дневнике.

Крузенштерн и Лисянский предполагали провести всего несколько дней на острове Святой Екатерины, чтобы запастись свежей провизией и пресной водой. Но когда, йак всегда после длинного перехода, стали проверять состояние кораблей, обнаружилось, что начали гнить две мачты «Невы». Ну ясно было изготовить и поставить новые, а на это требовалось много времени. Пришлось задержаться на пять недель у бразильских берегов.

Декабрь был на острове Святой Екатерины жарким летним месяцем. Под горячими лучами солнца от земли, в которой было много влаги, поднимался едва заметный пар. В воздухе стоял легкий туман, совсем не похожий на обычный: он был прозрачен и почти не мешал видеть далеко. Только яркие краски зелени, цветов, оперения птиц как будто смягчались и от того приобретали особую привлекательность.

— Тут даль видна, точно сквозь тончайшую вуаль, — говорили русские моряки, глядя с берега на горизонт.

Небо и море почти никогда не бывали здесь такими синими, как у Канарских островов: морская гладь часто казалась матовобелой и иногда совсем походила на молоко.

К концу дня часто собирались облака, и вдруг проливался обильный, но короткий дождь, освежающий воздух и землю.

Когда наступал вечер, над деревьями, кустами и травою появлялись маленькие белые огоныси. Они летали туда и сюда, точно яркие белые искры.

«Я бросился к траве, куда упадали сии светлые точки, схватил одну, но почувствовал в руке трецещущее животное. Я содрогнулся и бросил с робостью оное, опасаясь, чтоб не пострадать от ужаления, и оно, освободясь, попрежнему полетело светящимся», записал Шемелин после первого вечера, проведенного на берегу острова Святой Екатерины.

Это были небольшие зеленовато-серые жучки щелкунчики. 13 темноте на их надкрыльях как будто зажигались два крохотных

электрических фонарика. В этих точках их тела была жидкость, обладавшая способностью светиться в потемках. Два или три жучка, посаженные в банку, давали свет настолько сильный, что можно было читать. Молодые девушки и женщины, выходи вечером на прогулку, нередко носили этих жучков на голове и груди, составляя из них узоры, как из драгоценных украшений.

Днем и ночью воздух был насыщен неясным запахом цветов. И странно было думать, что в Петербурге уже давно скована льдом Нева, стоят короткие холодные дни и длинные морозные вечера. По ночам на улицах раскладывают костры, у которых греются будочники, ночные сторояса и извозчики, поджидающие запоздалых седоков. А днем мальчишки делают ледяные горы и катаются с них на санках.

— У нас тоже бывают зимние месяцы: июнь, июль. Случается даже, что температура в это время сниясается до десяти градусов тепла, — говорили жители острова Святой Екатерины.

Русские моряки только улыбались в ответ. Бразильская зима была теплее российской весны.

Натуралисты спешили воспользоваться длительной стоянкой для изучения тропической природы.

«Я очень многого ждал, подплывая к берегам Бразилии, но действительность превзошла все мои ожидания. Необыкновенная величина и яркость цветов, порхающие между ними колибри, крылья которых отливали золотом, стройные высокие деревья с ветвями, цветущими или усыпанными плодами, — все это радовало глаз. Трудно было только углубляться в лес, так перевитый лианами, что надо было прорубать себе дорогу. Приходилось при этом постоянно остерегаться укусов коралловой кобры «верная смерть» и других ядовитых змей. Но калсдый вечер мы возвращались с богатой добычей на корабли, и наши спутники удивлялись разнообразию растений и необычайной красоте бабочек и других насекомых, которых мы приносили», писал потом Лангсдорф.

Команда кораблей довольно легко переносила жару, потому что с моря часто дул освежающий ветер, а дожди постоянно умеряли зной. Офицеры и матросы хорошо отдохнули после долгого плавания.

Капитан Крузенштерн с удовольствием вспоминал потом время, проведенное у берегов Бразилии. Но он заметил, что изумительное богатство природы этой страны очень плохо используется здесь людьми. Португалия, которой принадлежала в то время Бразилия, держала всю торговлю этой колонии под строгим контролем и на деле только мешала ее жителям сбывать свои продукты. Не имея возможности свободно продавать кофе,

сахарный тростник, рис и хлопок, обитатели острова не расширяли свои насаждения.

«Сие служит единственной причиной повсюду замечаемой здесь тягостной бедности», писал Крузенштерн впоследствии.

В конце января две большие мачты из красного дерева были доставлены на «Неву». Плотники и матросы кораблей должны были работать день и ночь, чтобы окончательно отделать мачты и укрепить на них реи.

Приходилось спешить, потому что тропическое лето подходило к концу. А между тем впереди было долгое плавание к мысу Горн. Обходить его в осенние месяцы Южного полушария — март и апрель — было опасно, потому что в это время здесь особенно часто бывают штормы.

К началу февраля все работы были закончены. После семинедельной остановки корабли вышли из гавани и пошли на юг.

in

«Надежда» и «Нева» отошли от острова Святой Екатерины в сумрачный, дождливый день. Но ветер был попутный, и корабли быстро шли вперед. Потом погода прояснилась, а благоприятный ветер держался попрежнему, и берега Бразилии довольно скоро остались позади.

Корабли были хорошо снабжены свежей провизией и водой. На палубе поместили быков, закупили много апельсинов, стоивших удивительно дешево: тысяча штук — одни пиастр (рубль девяносто копеек на русские деньги).

Однако предстоял такой длительный морской переход, что надо было бережно расходовать свежие припасы, добавляя необходимую растительную пищу к солонине. Капитан Крузенштерн, как всегда, позаботился о здоровье команды.

Тропический лес.

С гравюры из атласа к путешествию вокруг света капитана Литке.

— Мы пробудем в море три, а может быть, даже и четыре месяца. Неизбежны лишения. Надо сразу принять меры, дабы избежать потом большой нужды и, главное, цынги. Приказываю давать всем, от матроса до капитана, одинаково лишь по две кружки воды в день. Всей команде, как матросам, так и офицерам, варить одинаковый обед. Но каждый заболевший какой-либо болезнью должен быть обеспечен совершенно свежим питанием. Захворавший матрос должен получать лучшую пищу, нежели здоровый капитан. Только тогда команда будет сохранять бодрость духа, охотно перенося любой труд и нужду. А душевная бодрость и для здоровья надобна, — сказал Крузенштерн, когда корабли вышли из гавани Святой Екатерины.

Корабельный врач должен был строго следить за выполнением этих распоряжений.

С каждым днем плавания воздух становился прохладнее. Скоро пришлось достать из сундуков фуфайки и другую теплую одежду. Сиявшая по ночам широкая полоса воды, искрящаяся

бриллиантовыми брызгами за кормой, делалась все бледнее. Наконец свечение моря прекратилось почти совсем. Появились большие белоснежные птицы — альбатросы, не встречавшиеся иод тропиками. Все чаще и чаще видели китов. Бывали дни, когда постоянно можно было увидеть то там, то здесь фонтаны воды, которую они выбрасывали над морем.

А однажды поздно вечером все, кто плыл на «Неве», вдруг почувствовали очень сильный толчок. Капитан Лнсянский, который в это время читал у себя в каюте, выбежал на палубу, думая, что судно ударилось о подводный камень.

За кормой виднелась громадная туша, над которой вились птицы. Капитан понял, что «Нева» наскочила на мертвого Кита.

Три недели дули попутные ветры. За это время корабли успели пройти путь от острова Святой Екатерины к югу почти до конца Южноамериканского материка.

«Счастливое плавание наполняло мысли наши приятным воображением. Мы мечтали, что через несколько недель принесены будем в благословенные страны Великого океана. Оказалось, что мы дерзновенно хотели полагаться на всегдашнее благоприят-ство ветра», писал потом Крузенштерн.

Когда корабли, идя в открытом море далеко от берега, приблизились к широте мыса Горн, их встретили холодная погода, всегда мрачное небо и противные ветры.

Мыс Горн не напрасно пользовался дурной славой у моряков. Здесь часто бывали опасные штормы. В случае аварии судна нельзя было бы его починить, потому что не было удобной гавани, а на берегу рос лишь мелкий кустарник.

Около мыса Горн на «Неву» и «Надежду» налетел шквал необыкновенной силы. Он изорвал в клочья новый парус, который не успели убрать на «Неве». Порывы ветра сопровождались градом и снегом. Потом начался шторм, продолжавшийся три дня.

— Волны носились здесь, как горы. Они ударяли в корабль с такой свирепостью, что выломали на верхней палубе часть со ограды, — вспоминали впоследствии моряки.

Однако существенных повреждений корабли не получили. На другой день после того как утих шторм, мыс Горн остался позади: «Надежда» и «Нева» вошли в Тихий океан.

Он принял корабли почти так же неприветливо, как их проводил Атлантический океан. Погода была по большей части пасмурна. Сильно качало. По ночам стояли туманы, и с одного корабля нельзя было видеть другой. Время от времени стреляли из пушек и жгли яркий фейерверк, чтобы не разойтись в разные стороны.

В ночь на 25 марта дул сильный ветер, шел дождь, был густой туман. На «Надежде» стреляли несколько раз, но не получали от «Невы» ответа. А когда на следующий день прояснилось, оказалось, что «Неву» потеряли из виду совсем.

Капитан Крузенштерн предвидел, что корабли могут разлучиться в туманную и бурную погоду. Он заранее сказал Лисян-скому, что следует делать в этом случае. «Надежда» и «Нева» должны были идти к Маркизским островам, лежащим в Тихом океане между южным тропиком и экватором. К этому архипелагу относится группа Вашингтоновых островов, открытых всего за двенадцать лет до плавания «Надежды» и «Невы» и еще не изученных в то время.

Лейтенант Гергест, совершивший в 1792 году кругосветное

плавание с известным мореплавателем Ванкувером, посетил один из этих островов — Нукагиву.

«Там есть превосходная бухта, вдающаяся глубоко внутрь острова и окруженная прелестнейшими и плодоноснейшими берегами. Ручей с прекрасной водой, впадающий в бухту, довершает ее превосходство. Остров населен миролюбивым племенем», рассказывал лейтенант Гергест.

Крузенштерн выбрал Нукагиву для того, чтобы дать отдых команде, запастись свежей провизией и описать остров, почти совсем не исследованный. Капитан Лисянский должен был идти к Нукагиве для встречи с «Надеждой», если потеряет ее из виду. А так как Крузенштерн предполагал в случае благоприятной погоды зайти по пути к Нукагиве на остров Пасхи, то и «Нева» должна была, если удастся, побывать там, чтобы получить сведения о «Надежде».

Туманы и ветры, разлучившие корабли, продолжались несколько дней, потом сразу потеплело. А когда в середине апреля «Надежда» перешла южный тропик, наступили такие же солнечные, жаркие дни, как в то время, когда плыли от Тенерифа к Бразилии.

Ровно дули попутные пассатные ветры, и команда отдыхала от напряженного и опасного труда во время длительных штормов. Матросы чинили паруса, разорванные порывами ветра. А на корме раздавались удары молота о наковальню: корабельный кузнец ковал из железа ножи и топоры. Капитан хотел в обмен на эти изделия получить бананы, кокосовые орехи и свиней и а острове Нукагива.

Прошло три месяца с тех пор, как отошли от берегов Бразилии. К вечеру 6 мая с палубы «Надежды» увидали вдали довольно большой гористый остров. Когда подошли ближе, рассмотрели высокие черные скалы и белую пену прибоя у

прибрежных камней. Перед капитаном Крузенштерном и его командой был долгожданный остров Нукагива.

Вход в залив, о котором рассказывал лейтенант Гергест, не был виден, а между тем ветер начал свежеть. Крузенштерн решил отойти дальше, чтобы ночью волны не выбросили судно на камни. На другой день рано утром подошли ближе к острову.

У входа в гавань на острове Нукагива.
С гравюры ив книги Лангедорфа.

Теперь видны были не только черные скалы, но н яркая зелень деревьев. Капитан приказал спустить шлюпки, которые могли, не опасаясь подводных камней, подойти к острову, чтобы найти удобный вход в залив и промерить глубину.

Вдруг из-за скалистого мыса появилась и направилась к кораблю длинная, узкая лодка. В ней сидели восемь темнокожих, почти голых гребцов. На носу лодки был прикреплен большой белый флаг.

— Среди них, должно быть, европеец, — с изумлением сказал Крузенштерн.

С корабля бросили в лодку веревочную лестницу, и пп ней

быстро поднялся невысокий сухощавый человек. Вся одежда его состояла из пояса вокруг бедер, а кожа от загара была почти такой же красновато-коричневой, как и у его спутников, но липом он походил на европейца. Подойдя к капитану, он заговорил с ним по-английски и назвал свое имя: Робертс.

Он рассказал, что был матросом на английском купеческом корабле и плавал по разным морям и океанам. Однажды команда взбунтовалась против капитана, овладела кораблем, а Робертс, не

пожелавший принять участие в мятеже, был высажен на остров Нукагпва. С тех пор он прожил здесь уже семь лет, изучил язык туземцев и женился на родственнице короля.

Крузенштерн хорошо знал, что матросы кораблей, плававших по Тихому океану, не раз убегалп, чтобы поселиться на каком-либо острове, где круглый год как будто длитс-я летний праздник и сама природа дает людям все нужное для жизни почти без всякого труда с их стороны. А во время плавания капитана Кука однажды попытался самовольно остаться на одном из таких островов не только матрос, но и мичман. Крузенштерн и его спутники, однако, не стали подвергать сомнениям рассказ Робертса о том, как попал он на Нукагиву.

Капитан с радостью принял предложение англичанина, провести «Надежду» в бухту и помогать при переговорах с обитателями острова. Еще никогда мореплавателям, описывавшим тихоокеанские острова, населенные первобытными народами, не случалось найти человека, который мог бы стать переводчиком и хорошо знал бы быт людей, считавшихся дикарями.

А Робертс к тому же показал удостоверения, полученные им от капитанов двух американских торговых кораблей. Эти капитаны подтверждали, что он оказал много ценных услуг, когда их корабли зашли в гавань Ыукагивы.

Робертс сказал, что один из туземцев в лодке — брат короля.

«Мы тотчас разрешили его высочеству взойти на борт корабля», вспоминал потом Крузенштерн.

На палубу взобрался с несколькими спутниками высокий, хорошо сложенный голый человек, с головы до ног покрытый татуировкой. Он держался очень робко и едва решился взять протянутую ему руку.

Редкие гости, переговариваясь друг с другом, прошлись по палубе и выразили желание вернуться на берег.

Житель острова Нукагива.
С гравюры из атласа Крузенштерна.

— Мы одарили их иголками и ножами, а брат короля сверх того получил три аршина красной материи. В восторге они прыгнули один за другим через борт прямо в воду и подплыли к своей лодке, — рассказывали потом моряки.

Робертс как лоцман ввел корабль в залив и указал, где лучше бросить якорь.

На берегу появилась толпа мужчин и женщин, юношей и девушек. Вся их одежда состояла из повязки вокруг бедер, сделанной из листьев. Они, видимо, уже узнали от спутников Робертса, что бояться нечего. Все спешили вплавь добраться до «Надежды».

Вскоре около корабля уже высовывались из воды со всех сторон головы, виднелись плечи и руки, как будто отлитые из темнокрасной меди.

Только немногим, по словам Робертса знатнейшим, туземцам и нескольким женщинам разрешили взойти на корабль. Остальные плавали вокруг, всячески выражая восторг: смеялись, кричали, кувыркались в воде.

У многих были бананы, кокосовые орехи, плоды хлебного дерева, взятые для обмена. Все как будто старались перекричать друг друга.

— Шуму больше, чем на самой оживленной городской ярмарке, — сказал Лангсдорф.

Капитан Крузенштерн пустил на палубу нескольких плававших вокруг женщин, но не решился открыть всем доступ, опасаясь за сохранность корабельного имущества. Многие

проплавали около корабля три-четыре часа. Они, видимо, могли держаться на воде очень долго, совсем не уставая.

Русские моряки с удивлением смотрели на этих сильных н ловких, шумливых и беззаботных людей.

В тот же день на корабль приплыл король с несколькими спутниками. На нем тоже не было никакой одежды, кроме пояса из коры и волокон какого-то дерева. Это был высокий, крепкий человек средних лет. Искусно сделанная сложная татуировка покрывала его тело е головы до ног так, что оно даже не казалось обнаженным. Издалека можно было подумать, что на короле узорчатый наряд.

■— В Европе знатные и богатые люди отличаются от прочих великолепием одежды, а здесь обилием и красотою узоров на теле и лиде. Искусный мастер татуировки ценится не меньше, чем в Англии хороший портной, — объяснил Робертс.

Островитян никак нельзя было назвать безобразными. Волосы были у них вьющиеся, а глаза — большие и черные. И хотя нос часто казался немного вздернутым кверху, а губы толстоватыми, все же лица нередко были довольно красивы.

Один из приехавших с королем, тоже обнаженный, загоревший дотемна под солнечными лучами и татуированный с головы до ног человек, подойдя к капитану, заговорил по-французски. Иа этот раз Крузенштерн не удивился. Он уже знал от Робертса, что на острове есть еще один европеец, беглый матрос Кабри.

Робертс советовал не доверять французу, называя его коварным и вероломным. Однако Крузенштерн и другие участники экспедиции_ решили, что надо и француза использовать как переводчика. Жозеф Кабри жил среди островитян уже около десяти лет и так усвоил их язык, что начал забывать родную речь.

Кабри тоже женился на островитянке и обычаи местных жителей знал не хуже, чем Робертс. Было очень полезно расспра-

Жизнь на острове Нукагива.
С гравюры из книги Лангсдорфа.

шивать их порознь, задавая одинаковые вопросы о жизни островитян и об острове Нукагива. Если ответы этих двух людей, враждовавших между собой, совпадали, можно было не сомневаться в точности сведений.

Капитан приветливо встретил короля. Знатный гость пришел в такой восторг, увидев разноцветных бразильских попугаев, которых Крузенштерн и его спутники приобрели в Бразилии, что пришлось подарить одну из этих птиц. Но особенно понравилось королю большое зеркало в капитанской каюте. Он с изумлением смотрел на свое изображение, а потом заглянул за зеркало, чтобы узнать, не спрятался ли там кто-нибудь.

«Королю понравилось смотреться в него столько, что он потом при каждом посещении приходил прямо в каюту, становился перед сим зеркалом и из самолюбия или любопытства смотрелся в него, к немалой моей скуке, по нескольку часов сряду», писал впоследствии Крузенштерн.

Королю подарили нож и двадцать аршин красной материи, которой он немедленно опоясался. На другой день король прислал, в свою очередь, свинью. Это был щедрый подарок: свиней на острове было немного, и они ценились высоко. Жители не хотели продавать их. Только с большим трудом удалось выменять несколько штук. Зато очень охотно меняли на маленькие обломки старого железного обруча кокосовые орехи и плоды хлебного дерева.

— За семь лет, которые я здесь прожил, у острова останавливались только два небольших американских корабля, да

и то случайно. Поэтому для здешних жителей не только кусочек железа, но и обломок стекла кажется ценным, — сказал Робертс.

Капитан дал приказ наменять возможно больше кокосовых орехов и давать их вволю команде: эта прекрасная и вкусная растительная пища должна была возместить недостаток свежих припасов, который все-таки давал себя чувствовать во время трехмесячного плавания вдали от берегов.

Потом капитан с несколькими офицерами и другими спутниками, взяв с собой Робертса и Кабри как переводчиков, поехал на берег. Целая толпа жителей встретила гостей и проводила к дому, где ждал их король с семьей.

Участники экспедиции увидели жилища островитян, сделанные из стволов бамбука, перевитых травою и мохом. Листья пальм, плотно уложенные в несколько рядов, составляли крышу. Около каждого дома росли кокосовые пальмы, бананы и большие, походившие на мощные дубы хлебные деревья, увешанные плодами, напоминавшими небольшие дыни.

— Хлебное дерево имеет на островах Тихого океана такое же значение, как картофель в Европе или рис в Китае. Его плоды пекут или поджаривают, как картошку, а вкусом они похожи на белый хлеб, — объясняли Тилезиус и Лангсдорф.

Около некоторых домов за оградой из белого дерева росли какие-то растения. Робертс и Кабри говорили, что это тарро, корни которого употребляют в пищу. Тарро было одно из немногих растений, которое росло в огородах. Основная пища — кокосы, плоды хлебного дерева и бананы — доставалась островитянам без всякого труда.

Рука воровки с острова Нукагива.
С гравюры из книги Лангсдорфа.

Король встретил гостей на пороге своего дома и принял их очень приветливо. Толпа, сопровождавшая Крузенштерна, осталась у ограды дома.

— Табу, — говорили островитяне, показывая на жилище короля.

Это значило, что вход в. дом короля для них запрещен.

В доме короля гостей посадили на цыновкп, сплетенные из травы. Сам король, его дочери и невестка сели рядом. На

женщинах были накидки из желтой ткани, сплетенной из растительных волокон, а в руках, покрытых замысловатой татуировкой, они держали веера, сделанные из листьев, выкрашенных в белый цвет.

Дочь короля и невестка обмахивали веерами гостей, с любопытством разглядывая их мундиры. Потом угощали кокосовыми орехами и бананами, давая запивать водой в посуде, сделанной из тыкв и кокосовой скорлупы. Моряки дарили хозяйкам ножи и блестящие пуговицы. А когда, простившись с королем, гости вышли из дома, их снова встретила толпа и проводила до шлюпок.

С тех пор участники экспедиции стали каждый день съезжать на берег. Матросы с помощью островитян наливали бочки водой из чистых ручьев, текущих с гор. Натуралисты собирали растения и открыли несколько новых видов, еще не описанных ботаниками.

Было приятно отдыхать в тени деревьев, радуясь зелени и цветам, после долгих месяцев, когда видели вокруг только море.

«Сидя под тенью густолиственного дерева, с восхищением рассматривал окружающую меня красоту природы. Здесь недалече от меня находятся кустарники, усыпанные цветами, при корнях которых журчат источники чистой воды. Там вижу я, как одаренный живостью и проворством островитянин с легкостью, подобно мартышкиной, взбегает к кудрявой вершине гордого кокоса, обрывает его орехи и повергает на землю; другой ломает сучья хлебного дерева с созревшими плодами; третий в своем огороде обрезывает тяжелые кисти, обремененные бананами. Несколько молодых женщин, влекомых любопытством, при-шед, сели вокруг меня в кружок. Я ласкал их маленьких ребятишек, и они, скоро привыкнув ко мне, смело и безбоязненно играли со мной. Некоторые из сих приятных женщин потчевали меня бананами, другие-подносили кокосовый сок, растворенный водою, которым я с приятностью утолял жажду», записал Шемелин в своем путевом дневнике.

Через три дня после того как «Надежда» подошла к Нукагиве, Робертс сообщил Крузенштерну, что островитяне увидели с горы далеко в море трехмачтовый корабль, идущий к острову под всеми парусами. Можно было не сомневаться в том, что это «Нева». На другой день она действительно вошла в залив.

— С величайшей радостью увидели мы нашу спутницу «Неву» после семинедельной разлуки, — говорили потом моряки.

Они радовались не только товарищам, с которыми невольно сблизились за долгое совместное плавание. Было гораздо спокойнее и веселее плыть по океану и подходить к почти не изученным землям не в одиночку. Все понимали, что лишь тогда,

когда недалеко находится другое судно, можно рассчитывать на помощь в беде.

Капитан Лисянский рассказал, что побывал у острова Пасхи, надеясь встретить корабль Крузенштерна. Туземцы бежали там по берегу вслед за «Невой». Когда спустили шлюпку, они поплыли навстречу, предлагая кокосовые орехи и другие плоды в обмен на разные мелочи. А на берегу стояли какие-то странные большие статуи, очень грубо высеченные из черного камня — вероятно, изображения богов. Лисянский не стал задерживаться н, убедившись, что нет «Надежды», пошел к Нукагиве.

Оба капитана вместе нанесли новый визит королю в другом его доме, находившемся довольно далеко от берега, и видели лес из кокосовых пальм и хлебных деревьев, тянувшийся до самых гор, стоявших вдалеке.

Крузенштерн приказал одному из лейтенантов итти на шлюпке вдоль берега, чтобы осмотреть побережье на возможно большем расстоянии. Лейтенант вернулся с сообщением, что в' нескольких милях имеется большой залив, повидимому не менее удобный для стоянки кораблей, чем тот, где стояли «Надежда» и «Нева».

Через два дня Крузенштерн и Лисянский с обоими натуралистами и несколькими офицерами направились на шлюпках осмотреть этот залив.

Он оказался хорошей гаванью, расположенной между высокими скалами. Крузенштерн нашел, что эта гавань гораздо лучше защищена от ветров, чем место стоянки его кораблей. Он велел промерить ее глубину в разных местах и назвал ее именем русского адмирала Чичагова.

От берега шла к горам зеленая долина, в которой было много жилищ среди кокосовых пальм. Оказалось, что в этой долине свой король, подданные которого стали так же охотно менять разные плоды на кусочки железа.

Робертс сказал, что в каждой долине, расположенной между горами и имеющей выход к морю, есть король, командующий воинами во время сражений. Королевская власть совсем невелика. Король — просто самый зажиточный человек, стоящий во главе наиболее сильного, многочисленного и богатого рода.

Крузенштерн и его спутники пробыли несколько часов в новой долине. Жители ее были такие же стройные, сильные, здоровые люди, как те, которые жили у залива, где остановились корабли.

— На нашем острове нет почти никаких болезней. Люди умирают тут лишь от старости и голода при неурожае да от руки врага, — говорил Роберте.

Повидимому, бациллы многих болезней еще не были занесены на этот остров. Но люди убивали друг друга здесь, может быть, чаще, чем в других местах.

Крузенштерн и его спутники видели в каждом жилище оружие. Это были копья из бамбука, тяжелые дубины, красиво сделанные из очень плотного дерева, и пращи, при помощи которых кидали камни. В метании камней воины достигали удивительного уменья. Один из них, показывая свое искусство, бросал камни весом в пять фунтов на очень большое расстояние и так ■высоко, что они скрывались из глаз.

Еще при первом посещении дома короля русские моряки увидели сосуды, украшенные человеческими костями. Потом удалось приобрести череп с украшениями из перламутра. А от Робертса и Кабри получили известие, которое сперва показалось невероятным. С виду доброжелательные и приветливые островитяне были людоедами: они поедали убитых врагов.

— Человеческое мясо здесь самым лучшим кушаньем считается, — рассказывал Кабри.

А Робертс говорил, что живет счастливо на Нукагиве, но боптся только, что когда-нибудь его могут убить и съесть во время войны.

Оказалось, что на острове бывают и человеческие жертвоприношения. Когда умирал верховный жрец, приносили в жертву трех человек. Для этого похищали людей из соседней долины. И если не удавалось схватить их незаметно, начиналась новая война.

А во время голода островитяне нередко убивали и съедали даже своих близких родственников.

Капитан Крузенштерн и его спутники делали подробные записи в своих путевых дневниках обо всем, что слышали и видели на острове Нукагива. Они приобретали разные предметы быта: оружие, весла, каменные топоры и ножи, посуду, пояса, которые жители носили на бедрах. Тилезиус и Курляндцев рисовали островитян и зарисовывали природу Нукагивы. За десять дней удалось узнать много нового о жизни первобытных людей и собрать ценные коллекции.

Капитан Крузенштерн назначил отплытие на 17 мая. Оказалось, однако, что выйти из залива не всегда легко. Ветер в этот день дул порывами, как будто вырываясь из-за гор, обступивших бухту, и часто меняя направление. «Нева», направившаяся раньше к выходу, успела заблаговременно отойти к середине залива. А «Надежду» вдруг понесло прямо на прибрежные камни.

Только с трудом удалось стать на якорь недалеко от скалы, о которую корабль едва не разбился. С палубы увидели, как на скалистом берегу стали собираться островитяне. У многих в руках были копья и дубины.

— Видимо, слух о нашем трудном положении разнесся среди жителей острова, и они готовы в случае крушения завладеть нашим имуществом, — сказал Крузенштерн.

Однако «Надежду» удалось отвести на более безопасное место. Кабри и Робертс приплыли на корабль,

НадеЯСЬ ПОЛУЧИТЬ ДЛЯ Себя Жозе Ф Кабри.

щ своих жен еще подарки *с г/швюРы 113 ктги ЯщнщрШ-*

на прощанье. Перед вечером Робертса отвезли на берег. А Кабри заявил, что хочет остаться на корабле до самой последней минуты и потом достигнет берега вплавь.

Но на рассвете налетел новый шквал. Капитан решил немедленно выйти из залива во что бы то ни стало. Лучше было встретить бурю вдали от берега, чем оставаться в гавани, не защищенной от ветра. Если бы волны сорвали корабль с якоря, он разбился бы о камни.

На мачтах «Надежды» взвились паруса. Кабри пришел в отчаяние. Он не мог надеяться добраться до берега вплавь при таком волнении. А корабль уходил, чтобы больше никогда не возвращаться в Нукагиву.

Б эти опасные минуты все внимание моряков было сосредоточено на выполнении команды, раздававшейся с капитанского мостика. Все думали только о том, как пройти благополучно через узкий выход из залива, А когда удалось

наконец выйти в море, капитан не счел возможным возвратиться, для того чтобы отвезти назад нечаянно увезенного француза,

Кабри был легкомыслен и, когда первое отчаяние прошло, довольно таки скоро утешился. Капитан попробовал использовать его как матроса. Оказалось, что Кабри очень ловок, но совершенно не поддается дисциплине и очень упрям. Стать хорошим матросом он не мог никогда.

Отплывая из Кронштадта, Крузенштерн предполагал после остановки на одном из тихоокеанских островов итти прямо в Японию. Он хотел при этом пересечь океан таким образом, чтобы пройти там, где не бывали мореплаватели. Капитан желал и надеялся открыть на этом пути еще не известные острова.

Влиятельные люди в Петербурге поддерживали его намерение. Крузенштерн не раз перечитывал письмо, которое получил от графа Румянцева перед выходом из Кронштадта:

«Надобно принять за правило, чтоб стараться изведывать поверхность моря неизвестную, хотя бы и случилось не иметь вам той чести, чтобы воскресить бытие желаемого острова. Но статься может, что гений открытий предоставит эту славу российскому флагу под управлением вашим... Вместе с сим Россия принесла бы и свою дань во всеобщее богатство человеческих познаний», писал Румянцев.

И все-таки этот многообещавший план плавания пришлось изменить.

Длительные остановки в Копенгагене и у острова Святой Екатерины очень задержали корабли. Была уже середина мая, когда «Надежда» и «Нева» отошли от острова Нукагива.

Плавание в Японию и пребывание там должны были занять несколько месяцев. Направившись туда прямо от Нукагивы, нельзя было этим же летом притти на Камчатку. А между тем на кораблях были грузы Российски-Американской компании, которые надо было непременно доставить во-время в Петропавловск и на Алеутские острова.

Крузенштерн решил направиться сперва на Камчатку, зайдя по пути на Сандвичевы острова, за которыми впоследствии закрепилось название Гавайских. Но путь этот был уже пройден Куком, Ванкувером и некоторыми другими мореплавателями. Крузенштерн с сожалением думал о том, что вряд ли удается найти в этих местах новые земли.

Прошла неделя с тех пор, как «Надежда» и «Нева» отошли от Нукагивы. Под палящими лучами солнца корабли снова перешли экватор, иа этот раз уже в другом направлении: с юга на север. А еще через две недели вдалеке показалась высокая горная вершина.

Крузенштерн и Лисянский издалека узнали самый большой из Сандвичевых островов, Оваиги, о котором не раз читали в книгах о плаваниях Кука и Ванкувера.

На кораблях уже давно не было свежей мясной пищи. Крузенштерн надеялся достать на Сандвичевых островах свиней, которых не смог получить на острове Нукагива.

С палубы корабля Оваиги, как называли тогда остров Гаваи, выглядел очень привлекательным. Видны были рощи кокосовых пальм и жилища, у которых росли бананы, кусты тарро и сахарный тростник. А на берегу, около которого было много черных коралловых рифов, длинным рядом стояли лодки. Видно было, что на острове большое население.

К кораблям подплыли лодки. Они сделаны были искусно и красиво. А сидевшие в них островитяне казались по сравнению с жителями Нукагивы почти безобразными: люди были здесь низкорослы, и на коже у многих была какая-то сыпь. Они тоже надевали только пояс вокруг бедер и были татуированы. Но их татуировка скорее обезображивала, чем украшала тело, и совсем не было видно тех сложных узоров, которые придавали такую •нарядность жителям Нукагивы.

В лодках были кокосовые орехи, бананы, свиньи. Но люди здесь оказались гораздо разборчивее, чем на Нукагиве. На кусочки железных обручей они даже не желали смотреть. На ножи и топоры можно было выменять плоды, но за свиней тут желали получить только суконные плащи. А когда узнали, что сукна нет, увезли свиней назад на берег.

— С тех пор как здесь останавливались корабли капитана Кука, прошло менее тридцати лет, но, видимо, произошли большие перемены. Островитяне научились разбираться в товарах, — говорил Крузенштерн.

Потом выяснилось, что сюда уже каждый год заходят американские купеческие корабли, совершающие плавание между Америкой и Китаем. Американцы ежегодно жили здесь подолгу, ведя меновую торговлю. Двое англичан стали постоянными королевскими советниками. Король Сандвичевых островов даже приобрел несколько европейских кораблей и старался обучать мореплаванию своих подданных.

Если бы Крузенштерн мог провести хотя бы несколько дней на Сандвичевых островах, он увидел бы наглядно, как вслед за великими географическими открытиями начинается экономическое завоевание новых земель.

Но Крузенштерн должен был торопиться, чтобы успеть, побывав на Камчатке, выйти в Японию до осени. А капитан Лисянский мог сделать более длительную остановку: «Нева» должна

была итти от Сандвичевых островов прямо к русским поселениям на Алеутских островах и на Аляске.

Было заранее решено, что «Надежда» пойдет в Японию одна. Тем временем «Нева» должна была взять на Алеутских островах и на Аляске меха, добытые русскими промышленниками. Затем оба корабля должны были встретиться, чтобы итти вместе в Россию мимо китайских, индийских и африканских берегов.

Десятого июня команды «Надежды» и «Невы» простились надолго. «Надежда» отошла от острова Оваиги и пошла на северо-запад.

Капитан Крузенштерн старался сделать все возможное, чтобы ускорить плавание. И только когда вблизи тропика вдруг настал полный штиль и море сделалось гладким, как зеркало, поневоле пришлось остановиться.

Так же как на пути к берегам Бразилии, натуралисты воспользовались этой остановкой для своих исследований. Они брали пробы воды с разной глубины.

«Количество микроскопических морских животных приводило нас в изумление. Мы сравнивали их с теми, какие водятся в Атлантическом океане, и сделали ряд интересных наблюдений», говорили они потом.

Тилезиус старательно зарисовывал все то, что удавалось увидеть под микроскопом, надеясь со временем опубликовать эти рисунки.

Прошел месяц с тех пор, как «Надежда» отошла от Сандвичевых островов. Все чаще стали встречаться признаки близкой земли: много было китов, над кораблем пролетали большими стаями морские птицы, на поверхности моря плавали водоросли, оторванные от подводных камней. Офицеры и матросы подолгу вглядывались в даль, но земля не показывалась.

Наконец 30 июля один из матросов увидел с высоты мачты далекий берег.

В подзорную трубу можно было довольно ясно различить очертания далеких гор. Потом густой туман совсем закрыл показавшуюся не надолго землю и, как нарочно, прекратился всякий ветер. Люди, с таким нетерпением желавшие ступить на твердую землю, вынуждены были терпеливо выжидать, пока кончится штиль.

Только через два дня «Надежда» подошла к Авачпнскому заливу. Впереди была ясно видна высокая снежная вершина Авачинского вулкана. Пять гор у его подножья, закрывавшие гавань от всех ветров, тоже были местами покрыты снегом сверху.

«Мы, лишь месяц тому назад испытывавшие тропическую жару и смотревшие на пальмы, с трудом верили глазам.

Некоторые даже сомневались, действительно ли это снег», говорили йотом участники экспедиции.

Когда, пройдя мимо высоких скал, на которых гнездилоеь множество чаек, как будто приветствовавших корабль громким криком, вошли в Петропавловскую гавань, увидели совсем близко березовый лес, высокую зеленую траву, бревенчатые дома на берегу. И даже самые спокойные люди оживленно и радостно переговаривались друг с другом, точно вернувшись домой после долгих странствий.

«Надежда» стала на якорь совсем близко от берега, Капитан мог не опасаться здесь никаких ветров. Бухта была так хорошо защищена со всех сторон, что даже в бурю корабль мог стоять там столь же спокойно, как если бы находился не в морском заливе, а на пруду.

— Гавань сия — одна из лучших в свете, — сказал Крузенштерн.

На берегу было всего три десятка домов, по большей части походивших на простые деревенские избы. Здесь жили камчатские казаки, несколько служащих Российско-Американской компании и находилась, рота солдат. У моря стояла небольшая артиллерийская батарея, а в единственном большом деревянном доме жил майор, комендант Петропавловска.

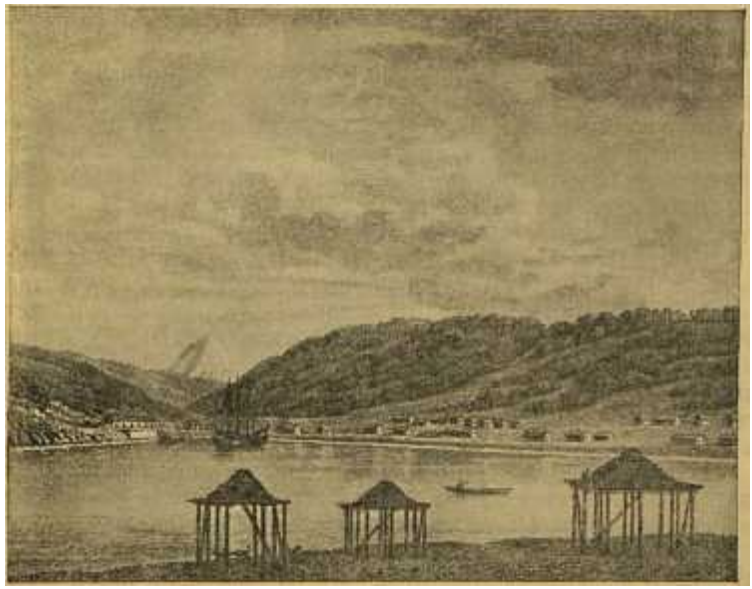
Он встретил прибывших очень любезно, освободил часть своего дома для посланника Резанова и пригласил к себе обедать моряков. Комендант извинялся за простоту обеда, угощая жирной ухой из горбуши, которая шла в это время метать икру в камчатские реки, и вареной рыбой камбалой. А гостям, которые уже несколько недель питались на корабле солониной, начавшей припахивать, и сухарями, казалось, что они еще никогда не ели такой вкусной рыбы и черного хлеба, испеченного так хорошо.

Посланник Резанов отправил гонца с известием о приходе «Надежды» к губернатору Камчатки, жившему в Нижне-Камчатске, в семистах верстах от Петропавловска. Губернатор согласился приехать в Петропавловск, чтобы дать распоряжение о доставке свежей провизии для дальнейшего плавания и решить некоторые другие дела.

Тем временем началась незаметная, будничная работа. Корабль расснастили и тщательно осмотрели. Выгрузили все грузы, кроме шести тысяч пудов железа, оставленного как балласт для устойчивости корабля.

С особенной осторожностью свезли на берег тяжелые ящики с дарами для японского императора. Резанов решил выяснить, не повреждены ли подарки в пути.

Вынули позолоченного бронзового слона, украшенного изум-



Вид Петропавловской гавани в 1804 году.
С гравюры из книги Лангсдорфа.

рудами. На спине его была бриллиантовая пирамида е колесом из рубинов, а на боку — часы. Когда завели ключом механизм, скрытый внутри, слон начал поводить во все стороны хоботом, махая ушами и хвостом, часы пошли в ход, а рубиновое колесо на бриллиантовой пирамиде завертелось, искрясь, как маленький фейерверк. Все удивлялись искусству, с которым сделан слон.

Потом осмотрели электрическую машину и большие зеркала с художественно сделанными рамами, меха чернобурых лисиц, ковры, вазы из мамонтовой кости, дорогие сервизы, сделанные на императорском фарфоровом заводе. Все подарки были в полной сохранности.

Сделать большой запас свежей провизии для долгого плавания оказалось нелегко.

— В Камчатской земле ныне есть свой хлеб, хотя и в малом количестве, и свои овощи. Но они успешно вызревают лишь около Верхне-Камчатска, за четыреста верст отсюда. Там же водится и рогатый скот. А мы коров не держим. Трава здесь прекрасная, да постоянные летние дожди не дают заготовить сено. И пасти скот трудно — в лесах поблизости медведей множество, — рассказывали жители Петропавловска.

Губернатор, прибыв в Петропавловск, немедленно послал казаков в Верхне-Камчатск, чтобы пригнать оттуда быков и привезти овощи. Часть солдат отправили ловить рыбу и охотиться. Настреляли много оленей, диких баранов — аргалов и гусей. Их пришлось посолить, чтобы мясо не испортилось во

время плавания. А вместо лимонов, которые покупали по пути на Камчатку, теперь запасли три бочки дикого чеснока — черемши, считавшегося испытанным средством против цынги.

В конце августа сборы были кончены, но пришлось выжидать, пока настанет благоприятная погода. Наконец 6 сентября «Надежда» снялась с якоря при небольшом попутном ветре.

Прозвучал прощальный салют — тринадцать выстрелов береговой батареи. На него ответили пушки корабля. Потом «Надежда» медленно пошла к выходу в открытое море. Началось плавание, опасное по многим причинам.

— Бурное Японское море и подводные камни у крутых берегов грозят гибелью кораблям. Сама природа как будто помогает здесь японцам, не желающим пускать к себе чужеземцев, — говорили моряки.

Япония действительно оставалась страной, закрытой для иностранцев. Только голландцы и китайцы пользовались правом посылать туда небольшое число торговых кораблей, да и то лишь в один порт — Нагасаки.

За весь XVIII век только два ученых-путешественника, Кемпфер и Тунберг, служившие у голландцев врачами, сумели побывать в глубине Японии. Они написали правдивые книги об этой стране. А голландские капитаны сделали очень мало, для того чтобы описать моря, омывающие Японские острова, И хотя

один из спутников Кука, английский капитан Гор, де-Лаперуз и некоторые другие мореплаватели побывали вблизи Курильских островов и Японии, однако карты этих мест были еще очень неточны.

Капитан Крузенштерн знал, что им нельзя вполне доверят], и придется итти вперед с большой осторожностью. К тому же вблизи Японской земли бывали страшные ураганы — тайфуны, часто выбрасывавшие корабли на берег.

Много неожиданного могло случиться с русскими моряками и в самой Японии.

Прошло больше десяти лет с тех пор, как русские в последний раз попытались познакомиться с Японской землей.

Посланник Резанов, Крузенштерн и другие участники экспедиции были осведомлены об этой попытке.

В 1786 году большое судно, принадлежавшее японцу Кодая, нагруженное рисом, было захвачено на море жесточайшим тайфуном. Буря сломала мачты, сорвала корабельные шлюпки, повредила руль и унесла судно далеко от Японии. Когда ветер утих, выяснилось, что не осталось никакой возможности управлять кораблем: он должен был плыть по воле ветров, как обломок дерева. Судно носилось по морю около шести месяцев.

Потом волны выбросили его на один из Алеутских островов. К этому времени из семидесяти японцев, бывших на корабле, оставалось в живых всего несколько человек, и среди них Кодая.

На острове японцы встретили русских промышленников, тоже потерпевших кораблекрушение. Русские и японцы сделали из обломков своих кораблей небольшое судно и двинулись на нем до Камчатки. Оттуда японцев отправили в Иркутск, где они прожили больше пяти лет.

Потом возник проект отправить их на родину на русском судне и воспользоваться этим случаем, чтобы завязать торговые отношения с Японией. Японец Кодая, научившийся в Иркутске говорить по-русски, мог помочь при переговорах в качестве переводчика.

Императрица Екатерина II одобрила этот проект. Она повелела сибирскому генерал-губернатору снарядить судно и написать соответствующее письмо японским властям.

Осенью 1792 года небольшое русское судно под начальством поручика Лаксмана привезло Кодая и его спутников на остров Иезо, или Хоккайдо, принадлежавший японцам. Здесь Лаксма-ну пришлось перезимовать. Он заявил японским властям, что намерен весной плыть дальше, к главному японскому острову Ниппону, и затем направиться в столицу японского государства Иедо, как назывался тогда город Токио, с письмом сибирского генерал-губернатора.

Японские чиновники встретили Лаксмана вежливо и снабдили провизией, но решительно заявили, что ни один иностранец не имеет права посещать Японию без особого разрешения. О прибытии русского корабля они послали донесение в столицу, и Лаксман несколько месяцев ждал ответа. А когда прибыли наконец чиновники из Иедо, выяснилось, что японцы опасаются сношений с другими землями еще больше, чем думали русские моряки. Даже невольно попавшие за границу японские подданные оказались под подозрением. На них начинали смотреть почти как на чужеземцев.

— Правительство Японии благодарит за возвращение японских подданных. Оно не отказывается их принять, но заявляет, что русские, если хотят, могут взять их обратно, так как этих людей можно считать принадлежащими тому государству, куда занесла их судьба, — объявили чиновники Лакеману.

Поручику было сказано, что всякий иностранец, прибывший самовольно в Японию, подлежит, по японскому закону, вечному заключению. На этот раз закон не будет применен только потому, что русские о нем не знали. Для торговых сношений отведена в Японии лишь одна гавань Нагасаки, и если русское судно когда-

нибудь придет в другой японский порт, вся команда будет осуждена на вечное заточение. Японское правительство соглашается, однако, разрешить одному русскому торговому кораблю притти в Нагасаки, куда будут посланы чиновники из Иедо для торговых переговоров.

Поручик Лаксман оставил привезенных японцев и вернулся на родину, чтобы сделать донесение о результатах плавания.

Но разным случайным причинам российское правительство не воспользовалось в то время возможностью послать судно в

Нагасаки для торговых переговоров. Но когда стали обсуждать проект кругосветного плавания Крузенштерна, в министерстве торговли вспомнили, что японцы соглашались допустить русское судно в Нагасаки. К тому же и теперь в Сибири жило несколько японцев, судно которых давно разбилось у берегов Камчатки. Можно было отвезти их на родину, как это сделал в свое время поручик Лаксман.

В Петербурге почти не сомневалпсь в том, что еслп для переговоров будет отправлен не простой поручик, а посланник с дарами от императора России для японского императора, то посольству будет otkpi.it доступ не только в Нагасаки, но и в столицу японского государства. Камергер Резанов готовился объяснить японским сановникам, что торговый договор выгоден для обеих стран: в Японии был избыток риса и шелка, а в [юссий-ских землях на Тихом океане добывалось очень много дорогих мехов.

Капитан Крузенштерн полагал, что каков бы ни был исход переговоров, плавание к Японии должно оказаться полезным, так как можно будет проверить и дополнить карты прилшаю-щего к Японии моря. Он готовился точно определять местоположение островов, мимо которых придется итти, и наносить на карту очертания Японской земли там, где удастся подойти близко к берегу.

Однако в первые дни плавания нельзя было делать какие-либо наблюдения. Мелкий дождик, шедший почти каждый день, пока «Надежда» стояла в Петропавловской гавани, как будто решил сопровождать корабль до Японии.

Густой туман закрывал горизонт и заставлял держаться подальше от берегов. Выло холодно и так сыро, что офицерам и матросам, стоявшим на вахте, казалось, будто сырость пробирается до самых костей.

Через неделю вдруг сразу потеплело, а еще через несколько дней стало жарко, как летом. Но_ частые сильные ветры мешали Крузенштерну приближаться к Курильским островам, протянувшимся вереницей между Камчаткой и Японией.

Через три недели увидели гористый берег самого большого из Японских островов — Ниппона, или Хондо. Но нужно было

итти дальше, к находящемуся южнее Ниппона острову Кю-Сю, где расположена гавань Нагасаки. (

Крузенштерну хотелось вести корабль на таком расстоянии от Японии, чтобы можно было видеть очертания берегов. Но на следующий день небо вдруг покрылось тучами, барометр стал опускаться, а ветер крепнуть. Капитан поспешил удалиться в открытое море, чтобы встретить там бурю.

Шел проливной дождь, и сильно качало. Однако настоящий ураган разбушевался только через день.

Темные облака совсем закрыли бледное солнце. Порывы ветра достигали такой страшной силы, что рвали в клочья снасти. Матросы с удивительным бесстрашием пытались закрепить небольшие новые и крепкие штормовые паруса, но ветер изорвал их, как бумагу.

— Сколько я ни слыхивал о тайфунах, случающихся у китайских и японских берегов, но подобного сему не мог себе представить, — сказал Крузенштерн.

Корабль то ложился почти на бок, то приподнимался, точно взбираясь на высокий крутой холм, и вслед за тем стремительно летел книзу. Мачты гнулись с зловещим скрипом. Каждую минуту надо было ожидать, что они сломаются. Матросы держали наготове топоры, чтобы при падении мачты возможно скорее отрубить ванты и немедленно выбросить ее за борт.

Вода то и дело перекатывалась через палубу. Огромная волна ударила в корабль с такой силой, что разбила ограду палубы, сбила с ног трех матросов, крепко державших руль, и причинила им тяжелые ушибы.

Каюты были залиты водой. Многие вещи, сорванные со своих мест, разбились вдребезги.

Крузенштерн со страхом увидел, что ветер погнал судно по направлению к земле.

«Я полагал, что ежели сие приключится до полуночи, то гибель наша неизбежна. Первый удар о камень раздробил бы корабль на части, причем жестокость бури не позволяла иметь никакой надежды к спасению», писал потом Крузенштерн, вспоминая эти минуты.

К счастью, ветер внезапно переменился и понес корабль от

земли с такой же силой, с какой гнал его к берегу. А перед утром буря почти совсем утихла.

Настал теплый и ясный день. II только по осунувшимся, вдруг похудевшим и потемневшим лидам людей да по разбросанным в разных местах обломкам вещей можно было судить о пе-режитом.

Ветры как будто истощили силы, а дожди исчерпали свои воды во время тайфуна. Установилась прекрасная погода. Море синело под голубым небом. Пользуясь небольшим ветерком, корабль подошел довольно близко к земле и пошел вдоль берега к югу.

Крузенштерн проверял имевшуюся у него карту и убеждался, что Япония обозначена на ней лишь в самых общих чертах. Уточняя карту, он наносил заливы и мысы. Один из них Крузенштерн назвал именем капитана Чирикова: память о смелом и скромном спутнике Беринга продолжала жить среди русских моряков.

С палубы была хорошо видна земля. Она казалась очень красивой.

— Роскошная природа украсила великолепно сию страну, но трудолюбие японцев превзошло, кажется, и самую природу, — говорил Крузенштерн.

Часто были видны темносерые скалы. На них росли сосны, совсем не похожие на российские: с тонким, причудливо искривленным стволом и немногими синевато-зелеными ветвями, распростершимися около верхушки.

Высокие холмы, горы и долины чередовались друг с другом. Каждый кусочек земли не только в долинах, но и на горах до самой их вершины был тщательно обработан. Местами виднелись рощи каштановых деревьев и небольшие каштановые леса. А однажды увидели аллею из высоких деревьев, которая шла от берега через горы и долины, пока хватал глаз. Виднелись беседки, устроенные для отдыха пешеходов.

Около крестьянских домиков были разбиты маленькие сады с фруктовыми деревьями. У берега стояло много лодок. Можно было сразу сказать, что в этой стране больше всего земледельцев и рыбаков.

По вечерам часто видели, как на берегу вдруг загорался яркий огонь. Вслед за тем на довольно большом расстоянии вспыхивал другой такой лее сильный свет. Потом такие же огни загорались далеко впереди.

— Не подают ли японцы световые сигналы, оповещая о движении нашего корабля?—говорили офицеры на палубе «Надежды».

Днем японекпе лодки иногда проплывали недалеко от корабля. Но ни одна из них не приблизилась, хотя офицеры и матросы всячески старались подозвать их к судну.

Четыре японца, возвращавшиеся из Сибири после долгой невольной отлучки, подходили к борту каждый раз, когда невдалеке проходила рыбачья лодка, и что-то кричали рыбакам

на своем языке, приглашая подойти ближе. Но рыбаки плыли дальше, не отвечая ни слова. Японцы садились на палубе в кружок, поджав ноги, и говорили о чем-то между собою озабоченно и огорченно.

В начале апреля «Надежда» подошла к острову Кю-Сю. По вычислениям капитана, корабль находился уже недалеко от Нагасаки, когда однажды утром поблизости увидели лодку с несколькими рыбаками. Японцы стали громко звать их, уговаривая не бояться. После долгих колебаний рыбаки приблизились.

Японцы, бывшие на корабле, объяснили, что русское судно идет в Нагасаки на основании разрешения, которое было дано в свое время. Они сказали, что возвращаются домой, после того как попали в Россию, потерпев кораблекрушение. В конце концов пятеро рыбаков согласились подняться на палубу.

Рыбаки сказали, что до Нагасаки близко и «Надежда» может притти туда еще до вечера. Они сообщили, что в Нагасаки еще четыре дня назад благодаря световым сигналам узнали о приближении иностранного корабля и на горе у входа в порт поставлена стража, поджидающая судно. От них удалось узнать, что в Нагасаки стоят два голландских торговых судна, готовящиеся выйти в море.

Рыбаки приняли угощение, выпив по чарке водки, но, видимо, боялись долго оставаться и пробыли на корабле не больше десяти минут.

У,

берегов Японии.

С гравюры из атласа Крузенштерна-

Дул слабый попутный ветер, и корабль медленно шел вперед. Вскоре к «Надежде» подошла лодка. На ней развевался белый флаг с синей полосой, исписанный японскими буквами. Кроме гребцов, в пей сидели двое японцев в длиннополых просторных

одеждах, доходивших почти до пят, опоясанные широкими кушаками. У одного, старшего, за кушаком торчали два меча.

Не поднимаясь на палубу, сн стал спрашивать, откуда, куда и зачем идет корабль. Японцы, находившиеся на «Наделив», переводили его слова и ответы капитана.

Потом лодка быстро удалилась. А через некоторое время появились две большие сторожевые лодки с четырьмя офицерами, у которых тоже были мечи за широкими поясами. Они потребовали, чтобы «Надежда» стала на якорь.

— Без позволения губернатора ни одно чужеземное судно не может войти в гавань Нагасаки, — заявили офицеры.

— Но у нас есть разрешение на вход в Нагасаки, привезенное поручиком Лаксманом, — сказал Крузенштерн.

— Оно было дано больше десяти лет назад. Теперь нужно новое разрешение, — отвечали японцы.

Корабль остановился. Затем подошли тридцать сторожевых лодок. Они окружили корабль со всех сторон и тоже стали на якорь.

— Мы как будто попали под стражу, — говорили русские моряки.

Перед вечером со стороны Нагасаки показались восемь гребных судов. Одно из них было гораздо больше других. Над его палубой была устроена крыша, с которой свисали продолговатые разноцветные флаги.

— Видимо, едут важные чиновники, — сказал Крузенштерн.

Капитан надел парадный мундир и велел поставить почетный караул с барабанщиком для встречи гостей.

На палубу поднялся в сопровождении нескольких человек один из прибывших. чиновников. Так же как и все остальные японцы, подплывавшие к кораблю, от гребца до офицера, он был одет в широкое платье, похожее на просторный халат — кимоно. На ногах у него были сандалии, состоявшие из одной подошвы с ремешками. За кушаком у чиновника торчали два меча, а его одежда была сшита из дорогого шелка и на ней был выткан какой-то герб. Барабанщик ударил дробь на барабане, а офицер, командовавший караулом, торжественно отдал -честь обнаженной шпагой.

Чиновник остановился и сказал несколько слов. Один из сопровождавших его японцев перевел на голландский язык его вопрос:

— Что это значит?

Узнав, что на русских кораблях обычно встречают ч'аким образом высокопоставленных гостей, он остался доволен и попросил сделать такую же встречу п другому приехавшему с ним

чиновнику, имевшему еще более высокий чин.

Четыре привезенных японца выступили вперед, встали на колени, а потом простерлись ниц перед чиновником и, отбивая поклоны, ударяли лбами о пол.

Японская сторожевая лодка.

С гравюры из атласа Крузенштерна.

Важный гость спросил их, кто они такие. Не поднимая головы и продолжая кланяться, японцы объяснили, как попали на российский корабль. Не удостаивая их больше ни одним словом, чиновник отвернулся и проследовал дальше, высоко подняв голову. Вслед за тем взошел на палубу и был встречен так же торжественно второй высокопоставленный посетитель.

Японские переводчики, говорившие по-голландски, называли важных гостей обер-баниосами. Потом выяснилось, что онп так называют всех должностных лиц, имеющих высокий чин, а эти чиновники были помощник губернатора и ревизор, приехавший из столицы.

Обер-баниоеов провели к кающе посланника, который встретил их у порога. Они уселись на диване, поджав ноги по-япои-ски, а переводчики сели прямо на полу. Слугп подали им два лакированных ящика. В одном лежали трубки и табак, в другом — бумага, кисти и баночка с тушью.

Начался разговор, походивший на вежливый, но утомительный допрос.

Японские переводчики знали только голландский язык, которому научились у допускавшихся в Японию голландских купцов. Однако благодаря сходству этого языка с немецким посланник Резанов и капитан Крузенштерн понимали их довольно хорошо.

Обер-баииосы спрашивали, откуда и когда вышло в плавание судно, каким путем гало, где, когда и зачем останавливалось со времени выхода из Кронштадта. А один из переводчиков,

вооружившись кисточкой, тщательно записывал ответы, покрывая причудливыми буквами узкий и длинный лист бумаги.

Когда посланник сказал, что привез грамоту от императора России японскому императору, обер-банносы пожелали увидеть ее и долго рассматривали обвязанную серебристыми шнурками золототканную парчу, в которую была завернута грамота. Резанов отказался развернуть ее, но предложил обер-банноеам познакомиться с копией.

В это время вошел голландский моряк и почтительно доложил обер-баниосам, что начальник голландской торговой фактории обер-гаупт Дув и капитаны двух голландских судов, стоящих в Нагасаки, просят разрешение войти на российский корабль.

Получив позволение, голландцы немедленно явились. Обер-гаупт и голландские капптаны повернулись к обер-баниосам и склонились, но японскому обычаю, так низко, что коснулись ладонями земли. Они кланялись, не разгибая спины, до тех пор, пока обер-баниосы не сказали: довольно.

Русские моряки с удивлением смотрели на эту церемонию. Они знали, что голландцы держатся, как господа, на Яве и в других богатых колониях, им принадлежащих. А в Японии они проявляли почтительность, переходящую в раболепие.

Обер-баниосы объявили, что, по японским законам, ни один иностранный корабль не может быть допущен в гавань, пока не будет сдано японским властям все оружие.

— Вы должны сдать на то время, пока находитесь в нашей стране, все пушки, ружья, порох, снаряды и сабли. Все это будет свезено на берег. А перед отходом из Японии получите ваше оружие по описи, — говорили японцы капитану.

Среди книг, которые Крузенштерн взял с собой в кругосветное плавание, были два томика, изданные в Париже «в третий год республики» — 1794 год. Это был французский перевод книги Тунберга, побывавшего в Японии за тридцать лет до плавания «Надежды». Капитан знал из этой книги, что закон, о котором говорят обер-баниоеы, действительно существует и всегда строго соблюдается.

— Я согласен отдать на время нашей стоянки вооружение корабля, если таков японский закон. Но офицеры должны сохранить свои шпаги, потому что этого требует наша честь, — ответил Крузенштерн.

— А я настаиваю, чтобы восьми солдатам, составляющим мой почетный караул, были оставлены ружья, — заявил Резанов.

— Все голландцы, прибывающие в Нагасаки, сдают оружие без всякого исключения, — сказал Дув.

— Россия не Голландия. А я представитель Российского государства и государя, а не купцов! — резко возразил посланник.

Обер-баниосы долго говорили о том, что японские законы не знают исключений. Потом они заявили, что сделают доклад губернатору и завтра сообщат ответ.

— До тех нор ваш корабль должен стоять здесь на якоре, — сказали они Крузенштерну.

Обер-гаупт Дув и голландские капитаны сказали на прощанье, что хотели бы быть полезными русским морякам, но смогут увидеться с ними в лучшем случае еще только один раз, приехав завтра с обер-баниосами.

— Затем нам не позволят встречаться. Во время пребывания в Японии мы живем почти как в заключении, — говорили голландцы.

— Весьма удивительно, до какого унизительного положения дошли голландцы ради торговых выгод, — сказал Крузенштерн, когда обер-гаупт и капитаны отплыли одновременно с японскими чиновниками.

На другой день морские офицеры с утра надели парадные суконные мундиры и черные треугольные форменные шляпы, ожидая приезда обер-баниесов. Но прошло полдня, и, кроме сторожевых лодок, стоящих вокруг корабля, не показывалось ни одно японское судно. День был солнечный, и в суконных мундирах, плотно облегавших тело, морякам скоро стало очень жарко.

От жары и долгого ожидания время шло с томительной медленностью. Русские моряки начали говорить о японцах с досадой.

Наконец к кораблю подошла большая лодка. Она привезла мешок риса, овощи, свежую рыбу, кур и уток.

— Вы говорили, что вам нужны свежие припасы для команды. Дан приказ доставлять их каждый день, — сказал капитану переводчик, сопровождавший лодку.

А когда Крузенштерн заговорил о плате, переводчик уклонился от ответа, заявив, что об этом не знает ничего.

Потом показалось вчерашнее крытое японское судно, расцвеченное флагами, в сопровождении множества лодок. Один из приезжавших вчера обер-баниосов поднялся на палубу вместе с новым важным посетителем, оказавшимся «оттоною», или городским головою Нагасаки.

Когда Крузенштерн обратился к ним с приветствием, переводчик слегка коснулся его спины, давая понять, что надо склониться к полу, говоря с обер-баниосом.

Капитан взглянул на переводчика через плечо так, что тот сразу молча отступил на несколько шагов.

Обер-баниос заявил, что губернатор согласен оставить шпаги офицерам и временно позволяет не отбирать ружья у восьми солдат из почетной стражи посланника. А все остальное оружие надо переписать и теперь же свезти на берег, чтобы «Надежда» сегодня могла итти к Нагасаки.

Несколько японских чиновников стали с величайшей тщательностью пересчитывать и записывать оружие, а их подчиненные бережно запаковывали в ящики снаряды, ружья, сабли, чтобы свезти на берег.

Высокопоставленные гости не принимали участия в этой работе. Они снова прошли в каюту посланника и опять начали задавать вопрос за вопросом.

А голландские капитаны, которым разрешили в последний раз посетить русский корабль, рассказывали Крузенштерну об опасностях, пережитых ими во время долгого плавания к Японии.

Резанов достал небольшой глобус и показал на нем японцам, как много места занимает Россия. Старенький обер-баниос долго

Прибытие баниосов.
С гравюры из атласа Крузенштерна.

вертел в руках глобус, стараясь что-то на нем отыскать, и наконец спросил через переводчика:

— А где же Япония?

Резанов показал очертания земли, такой маленькой, что пришлось дать обер-баниосу очки, без которых он не мог рассмотреть изображение.

«Он очень обрадовался, увидав свою Японию, и, улыбаясь, указывал на нее пальцем, повторяя «Япон, Япон», писал потом Шемелин, присутствовавший при этом разговоре.

Но когда посланник предложил взять очки в подарок, обер-

баниос решительно отказался. Ни он, ни его спутники никаких подношений не желали брать, решительно заявив, что это запрещено законом.

Через три часа сдача оружия была закончена. Попутного ветра не было, но оказалось, что можно и не поднимать паруса. Шестьдесят японских лодок, выстроившись в несколько рядов, прикрепились к кораблю длинными тонкими канатами.

Потом на всех лодках раздался один и тот же напев, с короткими странными выкриками через равные промежутки. Все весла разом погрузились в воду, а затем стали подниматься и опускаться в такт пению.

«Они гребли с удивительным умением. Ни одна лодка не нарушала прямую линию ряда», писал потом Крузенштерн.

Через час корабль подвели к маленькому каменному, высоко поднимавшемуся над морем островку, который японцы называли Танобоко, а голландцы — Папенберг. Он находился недалеко от берега, у входа в Нагасакскую гавань. Лодки вдруг остановились.

— Вам придется стать на якорь здесь, — объявил один из переводчиков Крузенштерну.

— Ведь нам же заявили, что, сдав оружие, мы войдем в гавань, — сказал капитан.

— Скоро в Нагасаки приедет новый губернатор. Если он даст позволение, вас впустят в гавань. А остров Папенберг высок, и ваш корабль, став за ним, будет защищен от ветров, как стеною, — ответил переводчик.

Пятьдесят лодок стали кольцом вокруг «Надежды».

— Японцы попросту нас обманули. Они весьма учтивы, но доверять им, видимо, нельзя. Мы отдали оружие, чтобы войти в гавань, а они стерегут нас, как пленных, у какого-то островка! — с возмущением говорил Резанов.

Посланник выразил недовольство переводчикам. Они попрежнему только очень вежливо кланялись в ответ и любезно говорили, что губернатор рассмотрит все пожелания.

Потом медленно потянулись долгие дни ожидания.

По утрам к кораблю подплывала большая лодка. Из нее выгружали свежую рыбу, овощи, рис и иногда добавляли фрукты, морских раков, уток или кур. Днем или перед вечером со стороны Нагасаки часто появлялись лодки, проплывавшие недалеко от «Надежды». Нетрудно было догадаться, что японцы устраивают прогулки, желая увидеть русское судно. Раз мимо «Надежды» проплыла большая лодка, в которой было очень много мальчиков от десяти до четырнадцати лет.

— Должно быть, привезли целую школу посмотреть на нас, — говорили моряки.

В другой раз невдалеке проплыла большая лодка е весело болтавшими женщинами и девушками, которые, судя по нарядным шелковым одеждам, принадлежали к богатым семьям. Они с нескрываемым любопытством старались разглядеть русских моряков. Многие женщины были миловидны, но когда они улыбались, нередко вдруг открывались два ряда совершенно черных зубов.

— Это значит, что они замужем. Выходя замуж, японки покрывают свои белые зубы несмываемой черной краской, — сказал Крузенштерн, читавший об этом обычае в книгах Тунберга и Кемпфера.

А однажды мимо корабля прошло великолепно украшенное разноцветными шелковыми тканями большое гребное судно, с которого доносилась громкая музыка.

— Это судно принадлежит принцу Физен, родственнику самого императора, — объяснили на другой день переводчики, приехавшие из Нагасаки.

Переводчики под разными предлогами посещали русских довольно часто. Они попрежнему были в высшей степени учтивы и любознательны: спрашивали русские названия разных предметов, задавали вопросы из области медицины и географии. Точно невзначай, они старались получить сведения о России, ее величине, промышленности и торговле. А потом что-то записывали в маленьких книжечках.

Посланник Резанов и его спутники понимали, что переводчики часто спрашивают их о русской земле неспроста, но охотно отвечали на эти вопросы, давая понять японцам, как сильна и обширна Россия.

Резанов не раз говорил при этом, что очень удивлен и недоволен тем положением, в которое попало русское посольство. Он не раз высказывал неудовольствие переводчикам.

— Нас держат здесь, как в плену. Вместо того чтобы препроводить посольство в столицу с надлежащим почетом, не решаются даже впустить наш корабль в гавань Нагасаки, — говорил посланник.

— Сторожевые суда, стоящие вокруг российского корабля, — не что иное, как почетный караул, поставленный в знак уважения. А если бы ваш корабль вошел в гавань, ему пришлось бы стоять вместе с простыми торговыми судами. Это было бы унизительно для флага Российской империи, — с изысканной вежливостью отвечали переводчики.

— Почему же нам, точно пленным, не позволяют далее сойти на берег? — спрашивал Резанов.

— Губернатор очень огорчен, что не может самовольно

отступить от закона, запрещающего впускать в Японию иностранцев. Он послал курьера в Иедо, чтобы получить указания, как должен поступить, — говорили переводчики, приятно улыбаясь.

Прошло две недели с тех пор, как «Надежде» пришлось стать на якорь у острова Папенберг.

Резанов решительно заявил, что длительное непрерывное пребывание на корабле начинает вредно отражаться на его здоровье. Губернатор ответил через переводчика, что из уважения к российскому посланнику решается отвести на берегу место для его прогулок.

На другой день с корабля увидали, как на берегу расчищают небольшую площадку и огораживают ее высоким забором из бамбука. Потом несколько десятков плотников н столяров начали строить и отделывать на ней какой-то маленький домик. К немалому удивлению русских моряков, он был совершенно закончен в два-три дня.

На корабль явился обер-баниос и в почтительных выражениях сообщил, что приготовлено не только место для прогулок, но и домик, где посланник может укрыться от дождя или отдохнуть, если устанет. А когда шлюпка, в которой Резанов с несколькими офицерами направился к берегу, отошла от корабля, пятнадцать сторожевых судов снялись с якоря и пошли следом за нею.

Место для прогулок оказалось лишь в два раза длиннее палубы корабля, а высокая ограда придавала этой площадке сходство с тюремным двориком. Японки и японцы толпились у ограды, стараясь взглянуть на русских. Домик для отдыха был сделан аккуратно и искусно: стены были гладко отполированы, а одна из них раздвигалась, служа, по японскому обычаю, не только дверью, но и окном, потому что состояла из рамы,

Японки у ограды домика для русского посольства.

С гравюры из атласа Крузенштерна.

оклеенной тонкой, но крепкой прозрачной бумагой. Она хорошо пропускала свет, заменяя стекло, которого не употребляли японцы. На полу лежала золотистая цыновка из рисовой соломы, такая светлая и чистая, что посланник и его спутники в недоумении остановились па пороге: ходить по ней в сапогах было невозможно, а снимать обувь, как это делали японцы, входя в свои дома, было непривычно. Небольшое возвышение, сделанное наподобие низенького дивана, устланное новыми цыновкамн и застланное красным китайским войлоком, составляло всю меблировку комнатки.

Гулять на маленьком, лишенном зелени дворике за высокой оградой было скучно и неприятно. Резанов вскоре отказался от этих прогулок. Но капитан Крузенштерн получил разрешение использовать это место для починки корабельных шлюпок, ˆпострадавших во время тайфуна, и для других корабельных работ.

Японцы доставили листы меди, которые потребовались для ремонта, и другие материалы. Но когда капитан пожелал узнать, сколько это стоит, японцы так же уклонились от ответа, как и тогда, когда русские хотели заплатить за провизию, которую получали для команды.

— Держат нас, как пленников, а показывают видимость гостеприимства, — с недоумением говорили русские моряки.

Наступил ноябрь. Стало прохладно, и все чаще шли дожди. Дули сильные ветры. В каютах чувствовалась сырость. Посланник начал испытывать приступы ревматизма. А ответа из столицы все еще не было. Когда русские выражали нетерпение, им отвечали, что до Иедо далеко, но осталось уже недолго ждать.

Наконец один из переводчиков сказал, что промедление происходит по уважительной причине: вопрос о приеме посольства обсуждается в императорском совете, члены которого живут в разных местах страны и не могут быстро собраться в Иедо.

Резанов стал настойчиво требовать, чтобы ему и его спутникам отвели удобное и просторное помещение в Нагасаки.

В начале декабря губернатор передал через баниосов, что, заботясь о здоровье посланника и желая выразить ему уважение, решается дать приказание приготовить для него и его свиты дом в Нагасаки.

— Мы хорошо понимали, что губернатор просто успел получить на это разрешение из столицы, но не стали выражать сомнение в правдивости его слов, — говорили потом спутники

посланника.

Резанов решил взять с собой, кроме прикомандированных к посольству офицеров, Шемелина, потому что он мог быть полезен, когда начнутся переговоры о торговле, и Лангедорфа, который был не только натуралистом, но и врачом. Посланник заявил вместе с тем, что возьмет с корабля и подарки, предназначенные для японского императора, и просит приготовить для них надежное помещение. Четверо привезенных из России японцев, все еще остававшихся на корабле, тоже должны были быть свезены на берег.

Через несколько дней был устроен торжественный переезд. Для посланника и его свиты подали великолепное судно принца

Физе-на. Оно было покрыто черным лаком и богато убрано разноцветным шелком, а на стенках кают сделаны украшения из бронзы и золота. Гребцы были одеты в одинаковые • кимоно из л иловатого с белым шелка. Играла музыка, и множество лодок сопровождало посланника, Ыа маленьком судне, присланном для того, чтобы перевезти подарки, даже сходни были покрыты циновками и красным войлоком.

— И бездушные вещи, предназначенные для императора, делаются священными для японцев. Дары заключены в ящики топорной работы, завязанные в рогожи, изорвавшиеся и загрязнившиеся в пути, а японцы обращаются с ними благоговейно, — говорил с удивлением Шемелин.

Когда судно, на котором плыл посланник, причалило к берегу, выяснилось, что дом, предназначенный для посольства, находится не в Нагасаки, а в пригородном местечке Мегасаки.

— Японцы опять вежливо солгали, — сказал Резанов.

Дом оказался достаточно обширен, и хорошо обставлен. Дорогие ширмы, художественно вышитые шелком, стояли в комнатах, тонкие белые циновки покрывали полы, а заранее перевезенная с корабля мебель расставлена в величайшем порядке.

Для привезенных из России японцев было устроено особое помещение, у дверей которого поставлена стража. Караульные не допускали к ним никого.

Дом посланника стоял у самого моря. Со всех сторон возвышалась ограда из бамбука, а ворота запирались на замок и охранялись японскими солдатами. Только небо да вершина горы вдалеке были видны из-за изгороди. Гулять можно было только по двору: выход за ограду запрещался. Капитан Крузенштерн и другие морские офицеры, оставшиеся на корабле, могли посещать посланника, но не иначе, как заранее известив японцев, которые посылали каждый раз несколько сторожевых судов сопровождать

шлюпку.

— Это наше жилье — не что иное, как почетная тюрьма,— говорили в доме посланника.

Губернатор продолжал любезно осведомляться о здоровье посланника и приказывал доставлять для его стола все, что потребуется. И попрежнему не удавалось добиться ответа на

вопрос о том, когда лее русское посольство получит возможность отправиться в Иедо ко двору японского императора. *iS*

Наступил и был невесело встречей новый, 1805 год. А в конце января японцы начали украшать зеленью дом посланника и другие постройки на отведенном ему дворе. Оказалось, что наступает японский новый год, который начинается позже, чем в европейских странах.

Губернатор прислал посланнику новогодний подарок. В прекрасно отделанной дорогой шкатулке лежали печенье из риса, красный морской рак, апельсины, кусочек угля, фрукты и конфеты.

— Рисовое печенье означает пожелание, чтобы ваша пища была в будущем году обильна. Рак — пожелание здоровья, потому что раки такой силой здоровья обладают, что у них далее оторванная нога вырастает заново. Апельсин по-японски называется тем нее словом, что и потомство. Губернатор вам леелает иметь большое потомство. А уголь — знак тепла. К тому же он называется по-японски «суми», а это слово значит и богатство. Губернатор желает, чтобы в будущем году на вашем столе была всегда изобильная пища, чтобы вы и ваши дети были неизменно здоровы и леили богато, — объяснили переводчики.

Резанов благодарил за любезность, но продоллеал указывать, что пора положить конец тому досадному олеиданшо, в котором находится русское посольство.

Четыре японца, привезенные на родину, еще больше, чем русские, тяготились тем неопределенным положением, в котором оказались. Они продолжали лсить на одном дворе с посланником, но к ним была приставлена особая стража. Несмотря на все просьбы, им не удалось ни разу дать знать о себе даже своим семьям, которых не видали семь лет. Наконец эти японцы узнали от одного из переводчиков, что Кодая, которого много лет назад привез из Сибири поручик Лакеман, продолжает находиться в заключении, хотя тоже попал за пределы своей страны совершенно невольно.

Один из четырех японцев не выдержал томительного ожидания и попытался покончить с собой. Ему помешали, схватив за руку, но он успел нанести себе тяжелую рану. Однако и этот

Японские караульные.

С гравюры из атласа Крузенштерна.

случай не изменил положение заключенных японцев. Каждый день приезжал японский врач и осматривал рану; приезжали баниосы, подолгу допрашивавшие больного, но он попрежнему оставался под караулом. Японцам, попавшим на родину после стольких испытаний, пришлось убедиться, что они останутся в подозрении на всю жизнь и, может быть, никогда не смогут увидеться с родными.

Наконец в конце марта губернатор передал через переводчиков, что в ближайшие дни приедет в Нагасаки один из важнейших японских вельмож, имеющий сан даймио — государственного советника. Даймио должен был объявить от имени императора решение относительно русского посольства.

«Мы поняли, что император, послав важного государственного советника объявить свою волю, решил не принимать российского посланника. Известить о позволений приехать в Иедо можно было и .через курьера. К тому же японцы начали осведомляться, все ли исправления на корабле закончены и может ли он выйти в плавание. Мы стали готовиться к отплытию», рассказывал потом капитан Крузенштерн.

Обер-баниоеы посетили Резанова и заявили, что при беседе е даймио и губернатором он должен проявить подобающую почтительность.

— Когда будет говорить с вами даймио, вы должны пасть ниц и слушать, склонив голову к полу, — заявили японцы.

— На это я не соглашусь ни в каком случае, — ответил Резанов.

— Но ведь даймио будет говорить от имени императора, и вы должны оказать ему соответствующее почтение.

— Но ведь и я тоже представитель своего императора и не могу допустить, чтобы он унижался в моем лице, — возражал посланник.

Японцы е недоумением качали головами, толковали о чем-то между собой и решались пойти на некоторые уступки.

— Вы, по крайней мере, станьте на колени и низко поклонитесь, — предлагали обер-баниоеы.

■— И этого не сделаю. Поклонюсь так, как полагается по требованиям вежливости, принятым во всех европейских государствах, — говорил Резанов.

— Да поклониться подобающим образом совсем нетрудно, — уговаривали японцы.

Переводчики склонялись до земли, доказывая, что такие поклоны можно делать без всяких усилий.

— Я прибыл в Японию не поклонам вашим учиться, а говорить о делах государственной важности, — сказал посланник, потеряв наконец терпение.

После долгих споров выработали церемониал встречи. Посланник согласился оставить шпагу в передней и войти в зал, по японскому обычаю, без обуви. Поклонившись по-европейски, он должен был затем сесть на цыиовки, постланные на полу.

В день встречи посланнику опять было предоставлено великолепно украшенное судно для поездки -в Нагасаки. Небольшая

Во дворе доив, отведенного русскому посланнику в Мегасакн. *О гравюры из книги Лангсдорфа.*

крепость у входа в гавань была украшена флагами, а на пристани выстроен почетный караул. Здания на улице, которая вела к дому губернатора, тоже были украшены флагами, но все

окна оказались завешанными. Не было видно ни одного прохожего: полиция строго запретила жителям появляться на пути, по которому проследует российское посольство.

Даймио и губернатор приняли посланника холодно.

Они заявили, что император Японии удивлен, почему российский император обратился к нему е грамотой, хотя известно нежелание Японии входить в сношения с другими государствами. В Японии уже два столетия сохраняется правило, запрещающее впускать в страну кого-либо, кроме голландцев и китайцев, с которыми ведется торговля в ограниченных размерах. Япония сама производит все, что ей нужно, а то небольшое количество европейских товаров, которое требуется, она уже получает от голландцев.

— Подарок император Японии принять отказывается. Иначе он должен был бы, в свою очередь, послать дары со своим посольством в Россию, а это невозможно, потому что японцам строго запрещено законом выезжать из отечества, — говорил даймио.

Б заключение он сказал, что японский император приказал выдать бесплатно провизию команде русского судна для обратного плавания и жалует в подарок членам посольства и морским офицерам две тысячи шелковых ковриков.

Резанов ответил, что российский император, послав грамоту и подарки в знак дружбы, не нуждается в том, чтобы его отдаривали. Россия — могущественное государство, дружба с которым может быть только лестна, поэтому странно, что приезд российского посольства рассматривается в Японии как какой-то проступок.

Старший переводчик, вежливо улыбаясь, сказал, что если узел дружбы затягивают с разных сторон два человека, большой и маленький, то большой всегда перетянет маленького. Поэтому маленькой Японии лучше не затягивать узла дружбы с большой Россией.

Посланник заявил, что не желает принимать бесплатно провизию от японцев, которые заставили российское посольство полгода провести бесплодно, живя, как в заключении. Он отказался и от подарков, пожалованных японским императором. Но губернатор ответил, что такой отказ оскорбителен для японского императора и придется послать в Иедо запрос, как следует поступить в таком случае, и российский корабль вынужден будет остаться до получения ответа. Это значило, что придется прождать еще не менее двух месяцев.

Посланник предпочел взять провиант бесплатно и принять императорский подарок, несмотря на обидный отказ японцев

вести переговоры. В середине апреля капитан Крузенштерн, передав японским властям четырех привезенных японцев и получив назад все оружие, свезенное с корабля, вышел в обратное плавание.

— Переговоры с японцами не удались, но наше плавание, однако, окажется все же удачным, ежели послужит на пользу географической науке, — сказал Крузенштерн.

Он решил поэтому плыть к Камчатке не торопясь, чтобы не только нанести на карту часть побережья Японии, но и обследовать берег Сахалина, о котором знали еще очень мало.

Крузенштерн внимательно читал описание плавания Лаперуза, положившего начало исследованию этих мест, и видел, как недостаточны сообщения французского мореплавателя, несмотря на всю их важность.

В то время, когда Лаперуз плыл мимо северо-западной Японии, стояла очень пасмурная погода,

«Мы часто вынуждены были итти в густом тумане, как будто наощупь. Мне кажется, что по туманности это море не может сравниться ни с каким другим», писал Лаперуз.

Когда туман рассеивался, Лаперуз видел серые скалы, зеленый берег, а за ним горные цепи со снежными вершинами.

Он спешил нанести на карту линию берега, как она была видна с корабля, но земля обычно скоро опять скрывалась в тумане.

«Я желал к открытиям Лалеруза присоединить и наши изыскания», писал впоследствии Крузенштерн.

«Надежда» отошла от Нагасаки в дождливый день, когда нависшие над морем облака закрывали горизонт. Потом погода еще ухудшилась, несколько раз начинался шторм, и приходилось держаться вдали он берегов.

Но когда «Надеясда» поровнялась с северо-западной частью Ниппона, погода значительно улучшилась. С палубы хорошо был виден высокий извилистый берег. Убавив паруса, чтобы корабль шел медленнее, Крузенштерн старался возможно более точно определять географическую широту и долготу заливов, гор и полуостровов. Убеждаясь, что они еще не обозначены на картах, Крузенштерн давал им русские названия.

Когда в начале мая подошли к острову Иезо, оказалось, что весна здесь едва началась и листья на деревьях еще не вполне

распустились. Крузенштерн дошел до северного берега острова и ввел корабль в залив, который назвал именем графа Румянцева. Коренные жители острова, айны, подплыли к кораблю на лодке, согласились взойти на палубу и охотно стали менять свежую рыбу на разные мелочи.

Крузенштерн и его спутники побывали на берегу, куда знаками приглашали их айны. Русские моряки встретили здесь нескольких японских купцов, торговавших с айнами, и японского офицера, который пришел в замешательство, увидев русских людей. Оказалось, что он жил на острове Иезо еще в то время, когда туда прибыл поручик Лаксман. Японец даже выучился у него немного говорить по-русски.

Японский офицер усомнился сперва в том, что капитан Крузенштерн и его спутники действительно русские.

— Русские офицеры носят косы, — говорил японец.

Крузенштерн сперва удивился, а потом понял, в чем дело: в

царствование Екатерины II, когда поручик Лаксман плавал к Японии, русские офицеры носили парики, действительно заплетавшиеся сзади в косы.

Японский офицер сказал, что должен будет немедленно донести о прибытии русских в город Матсмай, и оттуда пришлют большой отряд солдат.

— Бум, бум, — говорил офицер, показывая жестами, что солдаты, которые прибудут из Матсмая, откроют стрельбу.

Он уговаривал капитана поскорее плыть дальше. Крузенштерн успокоил его, сказав, что не собирается здесь задерживаться.

На карте, которой пользовался Крузенштерн, был обозначен против острова Иезо, за проливом Лаперуза, Сахалин. Но на японской карте, взятой в свое время у Кодая, отвезенного в Японию Лаксманом, был нанесен вблизи Иезо остров Карафуто. Крузенштерн пересек пролив Лаперуза и убедился, что в этих местах нет другого большого острова, кроме Сахалина. Слово «Карафуто» оказалось японским названием Сахалина.

«Надежда» обошла мыс Анива, на южном берегу Сахалина, и бросила якорь в большом заливе.

Восемнадцать лет назад здесь останавливался Лаперуз.

На берегу острова Иезо.

С гравюры из атласа Крузенштерна.

Французские моряки побывали на берегу и встретили здесь айнов. На них были одежды из звериных и собачьих шкур, а в руках — луки и копья. Айны робко и неохотно допустили французских моряков в свои крытые корою жилища. Лаперуз и его спутники видели у них только запас рыбы и немного разных шкур.

«Они так бедны, что не имеют основания опасаться ни честолюбия завоевателей, ни жадности торговцев», записал Лаперуз.

Капитан Крузенштерн убедился, что Лаперуз ошибся. Русские моряки увидели за мысом Анива японское судно, а на берегу встретили не только японских купцов, но и двух офицеров, которые должны были охранять с небольшим отрядом солдат японский торговый поселок на Сахалине.

Айны были бедны, но море около их берегов было невероятно богато рыбой. Летом в устья сахалинских рек заходило столько рыбы, что не нужно было забрасывать сетей: ее просто

черпали ведрами. А в густых лесах Сахалина водилось много зверей. Японцы стали очень дешево выменивать у айнов сушеную рыбу и шкуры на лакированную посуду, ткани и рис.

Русские моряки увидели на берегу несколько японских домов и восемь новых амбаров, наполненных сушеной рыбой и солью до самого потолка, А в другом маленьком поселке они видели больше трехсот айнов, потрошивших и соливших рыбу под надзором японских надсмотрщиков. Японцы обращались с ними, как господа, и смотрели на них, как на людей низшей расы.

Два японских офицера в синих шелковых кимоно, с саблями за широкими кушаками, встретили русских моряков около поселка. Вдали от родины эти японцы не проявляли той

боязливой осторожности, с которой относились к чужеземцам в своей стране.

Офицеры пригласили русских моряков к себе. Их дом оказался устроенным таким же образом, как в Японии: так же одна из стен представляла собою раму, оклеенную прозрачной бумагой, хорошо пропускавшей свет; так же пол был устлан светлыми и чистыми цыновками.

Гостей пригласили сесть на цыновки. Но, поняв, что русские не умеют сидеть на полу, поджав ноги, японцы принесли и поставили два бочонка, на которые положили доску, чтобы получилась скамейка.

Потом началось угощение. В четырехугольных деревянных тарелках подали вкусно сваренный рис, а в круглых лакированных чашках — вяленую рыбу. Гостям дали гладкие деревянные палочки, заменяющие японцам вилки, и показали, как надо с ними обращаться.

— Мы шесть месяцев прожили в Японии, а впервые попали в дом к японцам только на Сахалине, — говорили русские моряки.

К вечеру они вернулись на корабль, добравшись до него с большим трудом, потому что внезапно поднялся сильный ветер и волны едва не потопили шлюпку.

«Надежда» снялась с якоря и пошла к северу вдоль восточного берега Сахалина, Капитан вел корабль недалеко от земли и тщательно наносил на карту ее очертания.

Моряки из команды де-Лаперуза на Сахалине.

С гравюры из атласа к путешествию капитана де-Лаперуза.

Плавание вдоль берега Сахалина продолжалось десять дней. Потом встретилось неожиданное препятствие: хотя было уже 26 мая, впереди показался плавучий лед. К тому же поднялся сильный ветер, и оставаться вблизи берега стало опасно.

Дойдя до 48-го градуса северной широты, капитан

Крузенштерн отошел от Сахалина и взял курс к Камчатке. Он хотел при этом уточнить попутно положение некоторых Курильских островов, проверив, правильно ли обозначены они на картах.

В конце мая «Надежда» подошла к одиннадцатому Курильскому острову, но пасмурная погода и сильные ветры мешали наносить на карту берега. Крузенштерну удалось все же внести некоторые исправления в имевшиеся у него карты. Потом, убедившись, что встречаются подводные камни и мелкие острова, которые трудно во-время увидеть в густом тумане при бурной погоде, он вынужден был держаться дальше от земли.

зоз

«Мы не могли не почитать себя после особенно счастливыми, что при сильной буре и мрачной, темной погоде, в которую зрение не простирается и на 50 саженей, не брошены были на какой-либо риф или остров. В таковом случае кораблекрушение и всеобщая гибель, конечно, были бы неизбежны», писал впоследствии Крузенштерн.

Утром 4 июня впереди показался скалистый мыс Лопатка, крайний южный выступ Камчатской земли. Затем увидели вдалеке белый пик Авачинской горы, а к вечеру следующего дня «Надежда» вошла в Петропавловскую гавань.

С тех пор как «Надежда» вышла в плавание из Авачинского залива, прошло девять месяцев. За это время ее команда не имела никаких вестей не только о родных, но и о том, что происходит в Европе. Теперь удалось наконец получить письма, и хотя они шли до Камчатки многие месяцы, им радовались, как только что написанным. Среди известий, которые содержались в письмах, самым интересным было сообщение, что первый консул Французской республики Наполеон Бонапарт стал императором Франции.

V

Подходил к концу второй год с того дня, когда «Надежда» и «Нева» вышли из Кронштадта. За это время русские моряки впервые совершили плавание от Балтийского моря до российских владений на Тпхом океане и затем побывали у берегов Японии. Оставалось, взяв меха Российско-Американской компании, отвезти их в Китай и закончить кругосветное плавание, вернувшись в Россию.

Было решено, что «Нева», находившаяся у Алеутских островов, возьмет там большой груз мехов, пойдет с ним осенью прямо в Китай и встретится с «Надеждой» в Кантоне. «Надежде» следовало выйти из Петропавловской гавани с мехами, которые должно было привезти на Камчатку в сентябре судно Российско-

Американской компании «Константин». Время, оставшееся до прихода «Константина», Крузенштерн решил использовать для новых исследований.

На обратном путы из Японии льды помешали докончить описание северо-восточной части Сахалина. Они должны были растаять в летние месяцы. Поэтому Крузенштерн решил теперь, не теряя времени напрасно, итти из Петропавловской гавани к мысу Терпения, на восточном берегу Сахалина, до которого он дошел по пути из Японии. Потом, пройдя оттуда вдоль берега к северной оконечности Сахалина, он хотел исследовать с севера пролив между Сахалином и материком. Это надо было сделать, чтобы выяснить еще не решенный вопрос, является ли Сахалин ■островом или полуостровом.

Лаперуз, побывав у южного побережья Сахалина, вошел в Татарский пролив, отделяющий его от материка. Корабли Лаперуза прошли некоторое расстояние по проливу и вынуждены были остановиться, потому что глубина уменьшилась до шести сажен. Лаперуз послал вперед одного из лейтенантов на шлюпке, чтобы исследовать пролив. Лейтенант вернулся с сообщением, что чем дальше, тем мельче становится пролив. До конца его дойти не удалось за недостатком времени.

«Это постепенное уменьшение глубины пролива показывает, что впереди земля. Надо думать, что пролив преграждается перешейком», записал Лаперуз.

Крузенштерн решил пойти в пролив с севера и послать большую лодку с заданием дойти оттуда до того места, где остановился Лаперуз. Если бы это удалось, то, исследовав пролив с противоположного конца, можно было выяснить, верно ли предположение Лалеруза, что Сахалин соединен с материком перешейком.

Исследование Татарского пролива важно было и по другой причине. Было известно, что в него впадает Амур. Устье, этой реки принадлежало китайцам, а реки Ингода и Шилка, дающие начало Амуру, протекали по Российской земле. Рано или поздно х \.мур должен был стать важнейшим водным путем из Сибири в Тихий океан. Поэтому следовало собрать возможно больше сведений о том, куда впадает эта река,

В начале июля «Надежда» вышла из Авачинского залива и пошла на юг. Через две недели корабль приблизился к длинному, но низкому мысу Терпения. На карте он был показан далеко

вытянувшимся в море между 48 и 49-й параллелями, а дальше^ к северу, берег Сахалина оставался неизученным.

Крузенштерн пошел к северу, держась на таком расстоянии от земли, чтобы можно было хорошо видеть очертания берега,

Море вокруг корабля было полно жизни. Очень часто встречались киты и сивучи, а тюлени то и дело высовывали из воды головы, как будто с любопытством разглядывая судно. Чайки и утки разных видов во множестве плавали вблизи без всякой боязни.

— Птицы пребывают здесь в ненарушимом покое, — заметил Крузенштерн.

Иногда видели желтоватые скалы, но по большей .части берег был низок и однообразен. На невысоких холмах стоял лес, в долинах видели высокую зеленую траву. Но совсем не встречали признаков жилья.

Нанося на карту берег, Крузенштерн шел больше двух недель к северу вдоль земли, казавшейся необитаемой и скучной, потому что каждый день виден был почти один и тот же пейзаж.

Утром 8 августа вдруг увидели довольно высокие горы, между которыми зеленели ложбины. У воды стояли черные гранитные скалы. Потом берег круто повернул к западу. Крузенштерн понял, что дошел до крайней северной точки Сахалина. Она оказалась лежащей за 54-м градусом северной шпроты.

Теперь, выяснив, где находится крайняя точка северного берега и зная положение южного побережья, определенного еще Лаперузом, можно было установить длину Сахалина. Оказалось, что она равна 850 верстам.

— Сахалин больше иного европейского государства, например Дании, — говорили на корабле.

«Надежда» прошла вдоль северного берега Сахалина. Крузенштерн нашел здесь небольшой поселок. У жителей был монгольский тип лица, и Крузенштерн причислил их к татарам. Они предлагали русским морякам лисьи шкуры, но старались не допустить их к домам.

Крузенштерн не стал здесь задерживаться. Обогнув северный берег, «Надежда» вошла в пролив, отделяющий Сахалин от материка.

Крузенштерну очень хотелось описать северо-западный берег Сахалина. Но чем дальше его корабль шел по проливу, тем .меньше становилась глубина. Вскоре пришлось остановиться.

Так же как Лаперуз, пытавшийся исследовать пролив с юга, Крузенштерн послал на разведку шлюпку под начальством старшего лейтенанта.

Оказалось, что и с севера глубина пролива тоже постепенно уменьшается. Но здесь встретилось еще одно затруднение: шлюпке прпшлось плыть против течения, которое ,чем дальше, тем становилось сильнее. Вода сделалась совсем пресной. Было

очевидно, что река Амур, впадая в пролив, создает здесь течение, против которого приходится бороться.

Шлюпка продвигалась вперед очень медленно, и гребцы выбивались из сил. Лейтенант вернулся, не дойдя до того места, где остановился Лаперуз.

Постепенное уменьшение глубины и пресная вода в проливе, по мнению Крузенштерна и его спутников, подтверждали предположение Лаперуза.

— Вода Амура оттого, должно быть, наполняет пролив, что за устьем сей реки имеется перешеек. Оттого так и стремительно здесь течение, что наталкивается на преграду, — говорили они.

Так установилось мнение, что Сахалин — полуостров, продержавшееся до тех пор, пока в 1849 году капитан Невельский не прошел через весь пролив от одного конца до другого.

В середине августа «Надежда» отошла от Сахалина и взяла курс на северо-восток, к Камчатке. Через две педели корабль вошел в Авачпнекий залив. Его появление вызвало переполох в Петропавловске. «Надежду» приняли за неприятельское судно. Жители стали спешно собирать пожитки, чтобы бежать в горы.

«Еще не было никаких вестей о начале войны с Францией. Уходя в плавание к Сахалину, я говорил, что вернусь не позже чем через два месяца. И все лее жители Петропавловска готовы были скорее поверить, что неприятельский фрегат обошел полсвета для того, чтобы напасть на их местечко, все богатство коего состоит в некотором количестве сушеной рыбы, нежели предпололшть, что мы возвращаемся точно в назначенное время», писал впоследствии Крузенштерн.

В Петропавловске капитан начал деятельно готовиться к обратному плаванию в Россию. Пришлось переменить некоторые снасти и приложить немало усилий, чтобы были доставлены вовремя запасы рыбы и соленого мяса, пригнаны из Верхнс-Камчатска быки, заготовлены овощи и бочки с черемшой.

В конце сентября судно «Константин» привезло с Алеутских островов шкурки морских бобров и котиков, которые «Надежда» должна была взять в Кантон. Оказалось, однако, что их сравнительно немного. Российско-Американская компания решила большую часть мехов отправить прямо в Кантон на «Неве». Там меха должны были быть проданы, а на вырученные деньги предполагалось закупить китайские товары в таком количестве, чтобы нагрузить полностью не только «Неву», но и «Надежду».

В начале октября «Надежда» вышла из Петропавловской: гавани и направилась к Южному Китаю, куда еще ни разу не приходил российский корабль из Камчатки.

Это плавание во многом напоминало прошлогоднее. Так же как год назад, когда плыли к Японии, сперва долго стояли туманы. Только теперь было еще холоднее: когда выходили из Авачинского залива, шел густой снег. Потом вдруг потеплело, а затем разразился жестокий ураган. Он неистовствовал е такой же силой, как прошлогодний тайфун, только оказался короче.

В середине ноября миновали большой китайский остров .Формозу. Вслед за тем увидели странную флотилию: выстроившись в одну линию, как будто перед боем, стояли триста китайских джонок разной величины. Они походили на большие лодки с мачтами, на которых поднимались паруса из бамбуковых цыно-вок, и с каютой на палубе. Среди них заметили и несколько судов значительно большего размера.

Русские моряки подумали, что джонки вышли на рыбную ловлю. Только потом узнали, что подвергались немалой опасности, так как это была флотилия китайских пиратов, нападавших на торговые корабли. Незадолго перед тем пираты захватили два торговых португальских судна, перебив их команду.

На «Надежду» они не решились напасть. Через два дня корабль благополучно вошел в порт Макао, недалеко от которого находится Кантон.

Макао.С

гравюры из атласа к путешествию капитана дв-Лаперузи.

Иностранные корабли, направлявшиеся в Кантон, почти всегда заходили в Макао, потому что этот норт принадлежал европейской державе — Португалии. Люди, приезжавшие из разных государств Европы, могли жить здесь круглый год, а в Кантон допускались с некоторыми ограничениями и на определенный срок.

Португальцы еще в XYI веке утвердились на маленьком островке Макао. Они занимали на нем полуостровок,

отгороженный стеной, за пределы которой европейцы не имели права выходить. Там вырос порт, где сосредоточилась международная торговля: английские, американские, голландские, датские корабли стояли подолгу в Макао, уходя в Кантон лишь тогда, когда предстояло совершать крупные торговые сделки.

На набережной Макао возвышались красивые и удобные дома иностранных купцов. А за набережной в узеньких улицах жили китайцы: -торговцы, ремесленники, рыбаки.

Городом управлял португальский губернатор, и в маленькой крепости стояли на страже португальские солдаты. Но китайские чиновники — мандарины — мало считались с португальскими властями и вмешивались в их распоряжения. Богатые английские купцы пользовались здесь гораздо большим влиянием, чем португальцы, которые могли только вспоминать о том, что их государство было когда-то значительной торговой державой, впервые проникшей в далекие восточные страны.

Капитан Крузенштерн уже бывал в Макао в те годы, когда плавал на английских судах. Он имел здесь знакомых среди англичан и мог расспросить их о том, как сбывают в Кантоне товары, которые привозят европейские корабли.

— Каждый европейский корабль обмеривается в Кантоне мандаринами. С больших кораблей берется очень большой налог. Поэтому итти туда имеет смысл только, если на корабле много товаров, продажа которых окупит этот расход, — говорили англичане.

«Надежда» привезла слишком мало мехов. Крузенштерн решил. что надо ждать в Макао «Неву», которая должна была доставить меха на большую сумму. Тогда оба корабля могли бы вместе пойти в Кантон, чтобы после продажи мехов взять там китайские товары и направиться в Кронштадт. Но «Нева», которой, по расчетам Крузенштерна, уже давно следовало прибыть в Китай, не приходила.

Крузенштерн долго ждал в Макао, не придет ли «Нева», и наконец решил возвращаться в Россию без нее. Только в начале декабря, когда «Надежда» уже готовилась выйти в море, «Нева» наконец пришла.

Капитан Лисянский рассказал, что не напрасно провел больше года у Алеутских островов и Аляски.

Он подробно исследовал очертания нескольких островов, раньше обозначавшихся на картах лишь приблизительно. Удалось точно измерить глубину ряда заливов, которые могли служить гаванью кораблям.

Имеете с тем пришлось принять участие и в борьбе против

индейцев, нападавших на русские поселения на Аляске.

За два года до прихода «Невы» индейцы из племени тлинки-

У берега острова Ситха.С

гравюры из атласа к путешествию капитана Литке.

тов, или колошей, как их обычно называли русские, захватили укрепленный поселок Российско-Американской компании на острове Ситха.

Русские промышленники вместе с отрядом алеутов воевали против индейцев, пытаясь вернуть укрепление, как раз в то время, когда пришла «Нева». Матросы под командой одного из лейтенантов пошли иа приступ. Индейцам удалось убить трех матросов и нескольких ранить. Но победа осталась в конце концов за русскими. Ночыо индейцы покинули укрепление, бросив свои запасы.

На этом месте построили небольшую деревянную крепость Новоархаигельск. Капитан Лисяиский дал для нее несколько пушек со своего корабля.

В начале сентября 1805 года «Нева» отошла от берега Сит-хи, направляясь в Кантон с мехами Российско-Американской

компании. Груз стоил несколько сот тысяч рублей золотом. Однако доставить его благополучно нужно было не только по этой причине. Важно было доказать, что российские корабли могут совершать далекое и трудное плавание от Аляски до Южного Китая. Только проложив этот путь, можно было избавиться от бесполезной затраты времени и от разных потерь, происходивших при отправке мехов в Китай через Охотск.

Стояли туманы, и часто приходилось бороться с противными ветрами. Однако «Нева» медленно, но неуклонно шла на юго-запад. Через несколько недель северная часть Тихого океана осталась позади.

Девятого октября капитан сделал запись:

«Сегодня показались тропические птицы и множество летучей рыбы. По сему мы наверное заключить могли, что уже удалились от тех мест, где почти непрерывно обитали туманы».

В продолжение многих дней с палубы видно было только безбрежное море. Но 15 октября вдруг появилось очень много птиц. Капитан постацил матросов на мачтах, предполагая, что поблизости должен быть какой-нибудь остров, не обозначенный на картах. Однако земли не было видно.

Вечером, когда капитан, отдав последние приказания офицеру, стоявшему на вахте, собирался итти в каюту, корабль вдруг вздрогнул и остановился. Вся команда бросилась наверх в тревоге. Каждый понимал, что в случае несчастья одинокий корабль посреди океана не может рассчитывать на помощь. Оказалось, что «Нева» крепко села на коралловую мель.

О корабля начали сбрасывать па отмель пушки и другие тяжелые вещи. Потом, спустив шлюпку, завезли подальше якорь, чтобы, подтягиваясь к нему, сдвинуть корабль с места. К рассвету удалось стянуть «Неву» на более глубокое место.

Когда начало всходить солнце, увидели впереди небольшой низкий остров, а перед нпм гряду камней, о которые ударялся прибой. Надо было немедленно отойти от этого опасного места подальше. Но вдруг налетевший порыв ветра снова бросил судно на мель.

«Нам грозила явная и неизбежная гибель», писал потом Лисянский.

Весь день, выбиваясь из сил и изнемогая под палящими лучами солнца, люди трудились, чтобы сдвинуть судно. Наконец к вечеру удалось стянуть корабль с мели. Отойдя на глубокое место, капитан приказал бросить якорь, чтобы назавтра подобрать тяжелые вещи, выброшенные на мель, и осмотреть остров.

Глупыш.
С гравюры
«з
атласа Лисппсного.

На другой день капитан Лисянский с несколькими офицерами побывал на острове. На берегу увидели больших

тюленей. Они лениво открывали глаза, когда к- ним подходили, но ни Юдин не тронулся с места.

Множество чаек, уток и куликов окружило моряков. Они совсем не боялись людей и спокойно садились на плечи. Большие птицы глупыши подходили к морякам и клевали их в сапоги. Гнезда птиц встречались буквально на каждом шагу.

Капитан воткнул в землю шест и зарыл около него бутылку с запиской о том, когда и кем открыт новый остров. «Нева» получила небольшое повреждение, не помешавшее продолжать плавание. Через полтора месяца капитан Лисянский привел корабль в Макао.

«Нева» доставила сто двадцать тысяч шкурок морских котиков, больше четырех тысяч шкурок морских и речных бобров, меха выдры, лисиц, рыси.

Имея такой груз, можно было не сомневаться в том, что китайские налоги окупятся при продаже. «Нева» и «Надежда» вышли из Макао в Кантон.

Чем ближе подходили к Кантону, тем больше видели кораблей и китайских джонок, шедших туда и оттуда. А когда подошли к широкому устью реки Жемчужной, у которого расположен Кантон, показалось, что попали в пловучий город: джонки стояли длинными рядами у берега и плавали по гавани

в разных направлениях, толпясь на воде, точно на торговой площади.

Некоторые из них имели лишь одну мачту с парусом из рогож и были совеем малы, но на их палубе все же была каюта, сколоченная из досок.

Около каюты нередко можно было увидеть женщин и полуголых ребят.

— Здесь многие бедняки не имеют жилища на земле и живут с семьями всегда на своих джонках, снискивая пропитание на море, — сказал Крузенштерн, уже бывавший в Кантоне.

К российским кораблям сразу направились китайские лодки. Сидевшие в них китайцы сперва казались похожими друг на друга желтоватыми лицами с узким разрезом глаз, длинными черными косами и гортанным говором. Но когда они, подплывая к кораблю, обращались с самыми разными предложениями, часто оказывалось, что между ними мало общего.

Здесь были рыбаки, торговавшие только что пойманной рыбой, омарами, раковинами; портные, привозившие готовое платье и предлагавшие быстро и дешево сшить на заказ все, что нужно; сапожники, огородники со своими овощами; пекари с только что испеченным печеньем; продавцы фруктов, сластей, табака, игрушек, украшений.

Многие просто плавали вблизи кораблей, подбирая отбросы, выкидывавшиеся за борт, до старых тряпок н веревок включительно. Даже когда Крузенштерн приказал выбросить несколько бочек совершенно испортившейся, зловонной солонины, китайцы выловили их с радостью. Видно было, что в этом богатом торговом городе много людей, живущих в полной нищете.

Два китайца в черных шелковых одеждах до пят, похожих на женское платье, в круглых шапочках с медным шариком наверху — мандарины низшего ранга — явились на корабли и обмерили их ширину и длину. Мандарины заявили, что будут собирать таможенные пошлины и останутся на судах для надзора за торговыми сделками.

Капитаны Крузенштерн и Лисянский поехали в город □ узнали в английской торговой фактории, каким образом производится в Кантоне продажа привозимых товаров,

Оказалось, что в Кантоне исключительное право на торговлю с иностранцами предоставлено небольшому обществу богатейших китайских купцов — Когонгу.

Иностранцы не могли продавать свои товары сами, пока один из членов Когонга не возьмет европейский корабль иод свое поручительство, отвечая перед властями за своевременную уплату таможенных пошлин и соблюдение китайских законов прибывшими. Весь груз корабля сбывался только через поручителя, и у пего же покупались все китайские товары, приобретавшиеся вместо проданных.

На «Неве» и «Надежде» побывали купцы из Когонга, Они держались важно и вежливо в одно и то же время, были неторопливы и осторожны.

— Мы никогда не слыхали о российских кораблях. Не знаем, не считают ли в Пекине вполне достаточным для Китая сухопутный торг с Россией, который идет через Кяхту, — говорили они.

Один за другим купцы отказывались взять на себя поручительство.

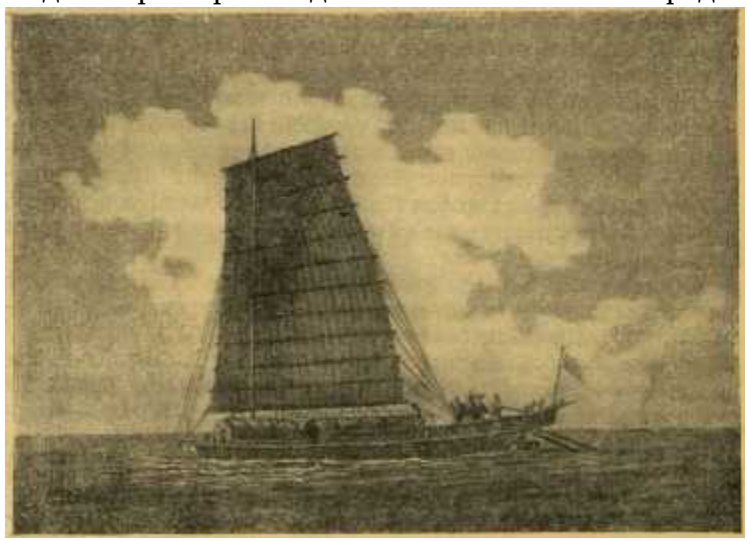
— В Китае и богатейший купец может быть бит бамбуковыми палками по пяткам или казнен, если навлечет на себя гнев высокопоставленных мандаринов.- Поэтому купцы и проявляют такую осторожность, — говорил Крузенштерну начальник английской фактории.

В конце концов все же один из членов Когонга согласился поручиться за российские корабли, приобрести привезенные ими меха и доставить китайские товары.

Пока китайцы сортировали меха, проявляя большое знание

дела, а приказчики Шемелии и Коробицын с неменыпей тщательностью и уменьем принимали китайский чай десяти различных сортов, прошло немало времени. За этот срок русские моряки смогли хорошо осмотреть Кантон.

Он оказался одним из самых людных и оживленных городов, какие им приходилось когда-либо видеть. Так же как в Макао, на его набережной были расположены большие европейские дома, среди которых особенно выделялись здания английской и голландской факторий. А дальше шел китайский город е свое-



Джонка.

С гравюры ив атласа к путешествию капитана уе-Лаперуяа.

■образными, похожими на большие двухэтажные палатки домами, принадлежавшими зажиточным людям, и с жалкими мазанками, в которых жили бедняки.

«Кантон внутри представляет гостиный двор, ибо каждый дом оного служит купеческою лавкою, а улицы вообще названы быть могут рядами разных товаров и ремесел. Улицы в нем узки, и от величайшего множества народа, которым они непрестанно наполнены бывают, проходить ими весьма трудно», сделал запись капитан Лисяиский.

Действительно, значительная часть города походила на сплошные торговые ряды, потому что н в тех домах, где в нижних этажах не было магазинов, обычно жили какие-нибудь ремесленники, выставлявшие на продажу свои изделия. Здесь

3!в

можно было не только увидеть разнообразные товары, но и наблюдать, как их изготовляют.

Китайский купец.

С гравюры из атласа Крузенштерна.

Особенно интересно было видеть, как работают мастера, вырезывающие и вытачивающие из слоновой кости, дерева или щита черепахи миниатюрные вещицы и безделушки. Нередко из кусочка слоновой кости величиной с грецкий орех вырезывалась джонка с мачтами, каютой и гребцами или китайский домик со всеми его деталями, различные . звери — слоны, буйволы, крокодилы или причудливые драконы.

Терпение, искусство и трудолюбие мастеров были изумительны.

И почти при каждой прогулке по

Кантону офицеры «Надежды» и «Невы» приобретали какие-либо резные изделия — от шкатулок из кости или камня до практически совсем бесполезных вещей, сделанных так мастерски, что трудно было удержаться от покупки.

— В искусстве резьбы по кости и камню китайцы едва ли нс первые в свете мастера, — заметил Крузенштерн.

Но на улицах города нищета еще больше бросалась в глаза, чем в гавани. Было очень много нищих и почти столько же воров, не раз залезавших в карманы русских моряков.

Крузенштерн и Лисянекий объясняли и это воровство и обилие пиратов около Кантона крайней нуждой. Оба капитана отметили, что вся власть принадлежит здесь мандаринам разных рангов, а остальные жители лишены всяких прав.

— Каждый принужден здееь сносить участь свою, как бы юна ни была горька, терпеливо, — говорили русские моряки.

Чиновники старались возможно больше держать под контролем жизнь города, но русские замечали, что всякий раз, когда приходится иметь дело с мандаринами, работа тормозится.

«Погрузка и выгрузка товаров в здешнем городе производятся е удивительной скоростью, лишь только бы не мешалось правительство; в противном же случае неминуемо должна воспоследовать несносная медлительность», записал капитан Лисянский.

К началу февраля 1806 года продали меха, оставив некоторое количество лучших шкурок морских бобров и чернобурых лисиц, для того чтобы отвезти в Россию. Взамен приобрели столько чая, хлопчатобумажных и шелковых тканей, фарфора и других товаров, что едва удалось разместить груз на кораблях.

Теперь можно было, нигде не задерживаясь, возвращаться на родину. «Надежда» и «Нева» запаслись свежей провизией для долгого плавания и вышли из Кантона.

Началось новое плавание, которое должно было продлиться несколько месяцев. Надо было, взяв курс на юг, итти мимо Индокитая. Потом, пройдя через Яванское море, следовало пересечь Индийский океан п, обогнув Африку, дойти до Англии. Оттуда «Надежда» и «Нева» могли вернуться в Кронштадт тем путем, которым шли вперед почти трп года назад.

Английские моряки, часто плававшие в Индию и Китай, уже довольно хорошо изучили океаны, лежащие на этом пути. У Крузенштерна и Лисянекого были карты, значительно облегчавшие обратное плавание из Кантона.

«Надежда» и «Нева» благополучно пересекли Южно-Китайское море. Через три недели после выхода из Кантона корабли приблизились к зеленым берегам Суматры и Явы. После долгах дней, когда с палубы видны были только море да небо, увидели кокосовые пальмы, развесистые баобабы, под тенью которых могли укрыться сотни людей, п густой тропический лес, похожий на гигантский запущенный ботанический сад.

Казалось очень соблазнительным остановиться на несколько дней в Батавии, куда нередко заходили корабли, возвращающиеся из Китая. Но в этом не было необходимости, а насыщенный испарениями, жаркий воздух этих мест считался вредным для здоровья. Среди команды кораблей, делавших остановку в Батавии, часто начинались болезни. «Надежда» и «Нева», пройдя через Зондский пролив между Суматрой и Явой, пошли по Индийскому океану.

В середине апреля корабли были уже недалеко от южного берега Африки. Стояла пасмурная погода. Часто налетали короткие шквалы с сильным дождем. В один из туманных дней корабли потеряли друг друга из виду.

Ночыо Крузенштерн приказал жечь фейерверк и стрелять нз пушек. Но «Нева» не отзывалась. Когда небо прояснилось, Крузенштерн тщетно всматривался в горизонт, надеясь увидеть вдалеке паруса «Невы».

Еще перед выходом из Кантона Крузенштерн уговорился е Лисянским, что, случайно разлучившись, корабли должны, обогнув южный берег Африки, итти к острову Святой Елены и там

встретиться.

Через четыре дня после того, как «Надежда» потеряла из виду «Неву», Крузенштерн увидел вдалеке гористый берег. Капитан сразу узнал мыс Доброй Надежды, где бывал в те годы, когда плавал на английских кораблях. Здесь можно было найти в изобилии все, что нужно кораблю в дальнем плавании. Переселенцы из Голландии, называющиеся здесь бурами, очень - успешно занимались на юге Африки сельским хозяйством, разводя породистый домашний скот, выращивая прекрасные овощи, плоды и виноград.

На «Надежде» еще не кончились припасы, взятые в Кантоне. Всем хотелось не терять ни одного дня на пути домой. Корабль прошел мимо мыса Доброй Надежды и стал удаляться от ■африканских берегов.

Капитан взял курс на северо-запад между Африкой и Америкой. Снова изо дня в день с палубы видна была только водная равнина. ■

Всякий раз, когда астроном Горнер в ясный день или светлую ночь выносил свои инструменты, чтобы определить широту и долготу, к нему подходило несколько человек. Каждому хотелось поскорее точно узнать, где находится корабль, чтобы высчитать, много ли миль пройдено за последние сутки и сколько еще остается пройти.

Третьего мая на горизонте показался остров Святой Елены, похожий на громадный камень, высунувшийся из глубины моря.

— Сей остров точно затерялся в Атлантическом океане. От-иода до Америки около трех тысяч, а до Африки две тысячи верст считается, — сказал Крузенштерн.

Когда «Надежда» остановилась на рейде у острова Святой Елены, к кораблю подплыл в шлюпке английский офицер.

Он поздоровался с капитаном особенно любезно.

— Известно ли вам, что мы союзники? Россия вместе с Англией и Австрией вступила в войну против императора Наполеона,— сказал офицер, услышав, что «Надежда» идет из Китая и уже третий месяц находится в плавании.

Крузенштерн узнал, что французская эскадра крейсирует в океане, нападая на корабли, принадлежащие неприятельским государствам, а англичане, в свою очередь, перехватывают французские суда. Дальнейшее плавание становилось опасным. Французские корабли могли задержать «Надежду», встретившись е ней в море.

Крузенштерн простоял у острова Святой Елены четыре дня. Этот скалистый остров, выросший посреди океана между экватором и южным тропиком, был вершиной вулкана. Но те

времена, когда здесь происходили извержения, прошли очень давно. О них можно было догадаться только по остаткам лавы, уже выветрившимся и покрытым землей. На острове прекрасно росли овощи и фрукты.

Англичане давно поняли, какое значение может иметь этот небольшой остров как место стоянки для океанских кораблей в далеком плавании. Они сильно укрепили его берега. Губернатор принял капитана Крузенштерна очень учтиво, выразил готовность помочь ему, снабдить корабль свежей провизией, но предупредил, что иностранцы, приезжающие на остров Святой Елены, не имеют права выходить за пределы города, потому что запрещено приближаться к укреплениям.

Крузенштерн, конечно, не мог предполагать, что на этом удаленном от всех земель скалистом островке будет заточен через несколько лет император Наполеон, еще разбивавший тогда одну армию за другой. Более надежное место заключения для такого пленника трудно было найти.

Подходя к острову Святой Елены, Крузенштерн надеялся увидеть «Неву». Однако на рейде стоял только один английский

Берег острова Свято» lij

корабль. «Нева» не пришла и в те дни, которые «Надежда» провела у острова.

«Нева» считалась более быстроходным судном, чем «Надежда». Приходилось думать, что «Нева» отсутствует не вследствие опоздания, а по какой-либо другой причине. Крузенштерн с тревогой думал о том, что капитан Лиеянекий, не зайдя на остров. Святой Елены и не узнав о начавшейся войне с Францией, не примет мер предосторожности и попадет в руки неприятеля.

Было бы безопаснее итти дальше вдвоем. Но стало очевидно,, что ждать «Неву» бесполезно. Крузенштерн отошел от острова Святой Елены, решив изменить направление плавания. Вместо того чтобы итти к южному берегу Англии и плыть через Ла-Манш, поблизости от французской земли, Крузенштерн взял куре к Шотландии. Обходя Англию с севера на большом расстоянии от Франции, можно было рассчитывать, что удастся избежать встречи с французскими кораблями.

Через три месяца «Надежда» вошла в Балтийское море. Теперь, когда родная земля была уже близко, всю команду охватило нетерпение.

— Каждый час за день кажется,—говорили на корабле.

Девятнадцатого августа «Надежда» подошла к Кронштадту, совершив кругосветное плавание в три года и двенадцать дней.

Среди кораблей, стоявших на Кронштадтском рейде,

Крузенштерн увидел и «Неву». Оказалось, что «Нева» пришла в-Кронштадт уже две недели назад.

Капитан Лиеянекий рассказал, что у него оказалось достаточно свежих припасов и воды, чтобы при бережном их расхо-

довании дойти без остановки от Кантона до Англии. К тому же дул попутный ветер, и не хотелось терять его, заходя на остров Святой Елены.

— Английские корабли часто ходят от берегов Китая до Англии, но, поскольку мне известно, еще никто не проходил сей путь без остановки. Я хотел доказать, что русские моряки могут - совершить столь дальнее плавание, не заходя куда-либо для отдохновения, — говорил Лисянский.

Капитан случайно узнал о войне между Россией и Францией, встретив английский военный корабль. Лисянскому удалось благополучно дойти до английского порта Портсмут. Англичане дали для охраны «Невы» двадцатичетырехпушечный военный корабль, сопровождавший русское судно до Копенгагена.

Успешное окончание первого кругосветного плавания русских моряков было отпраздновано как важное событие в истории российского флота. Все участники экспедиции получили награды, а матросам было предоставлено право получить отставку с пожизненной пенсией.

В память этого события была выбита медаль с изображением корабля под всеми парусами и надписью: «За путешествие кругом света 1803—1806».

Крузенштерн и Лисянский проложили путь для других русских мореплавателей. Далекое плавание из Балтийского моря к российским берегам Тихого океана постепенно стало обычным .делом для русских моряков.

СОДЕРЖАНИЕ

Издательство просит отзывы обитой vu иге прислать по адреса: Москва,

М. Черкасский пер., д. 1. Детгиз.

Ответственны!! редактор *В. Касимепко.* Художественный редактор *В. Пахомов.* Технический редактор *В. Артамонов.* Корректоры *10. Носова* и *Е. Трушковскип.*

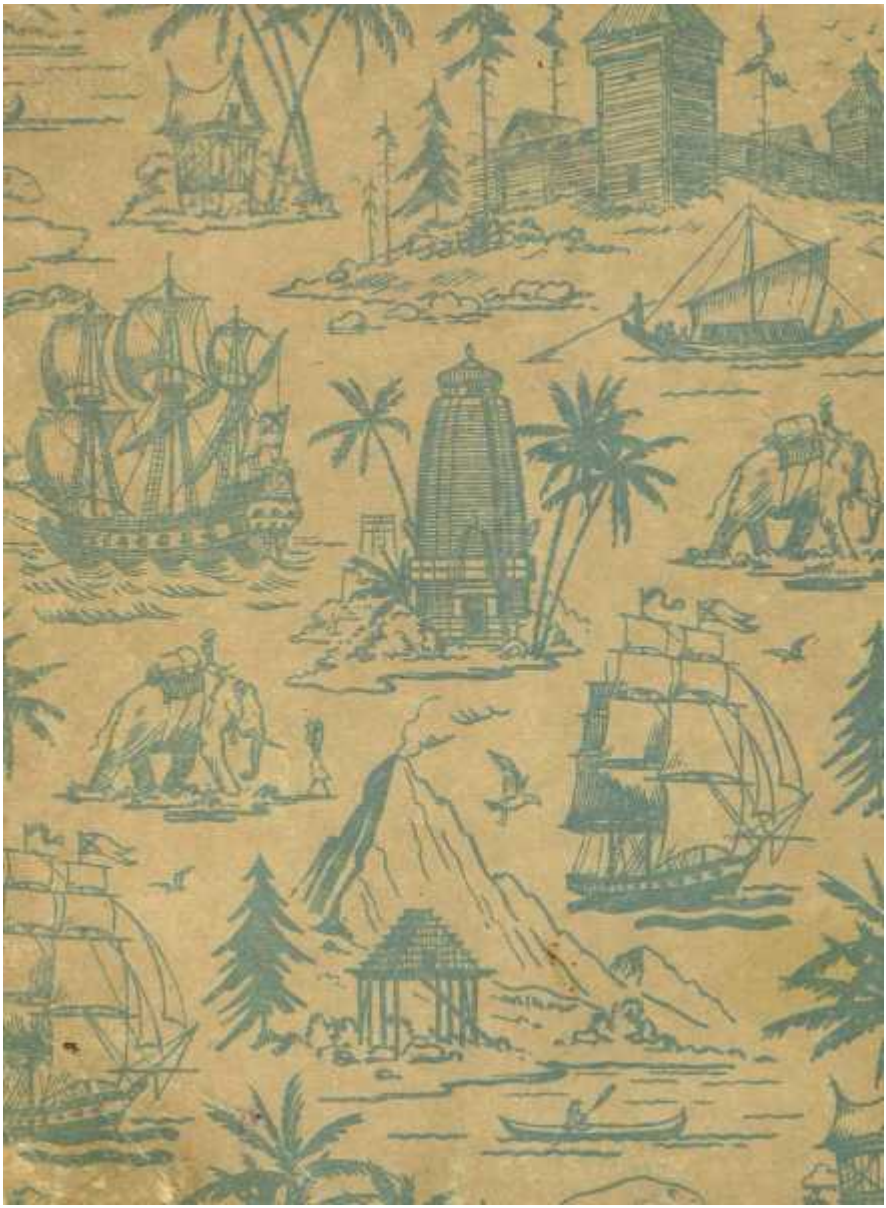
Подшгсано к печати 17/111 1947 г.

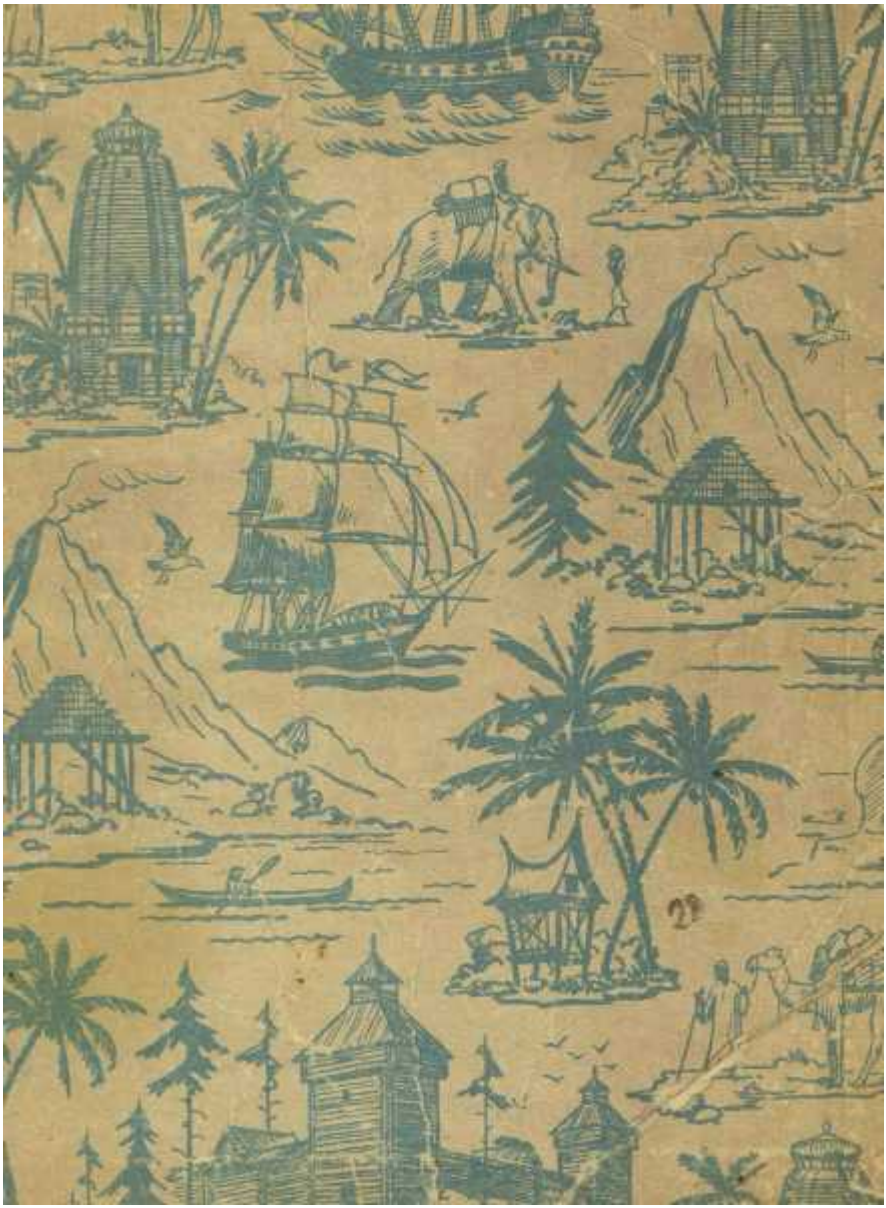
20′*А* п. л. (17,8 уч.-нзд. л.). 36 000 ей. В11.Л. Тираж 30 000 ока. А03331. Заказ Х; 3017. Цена 12 руб.

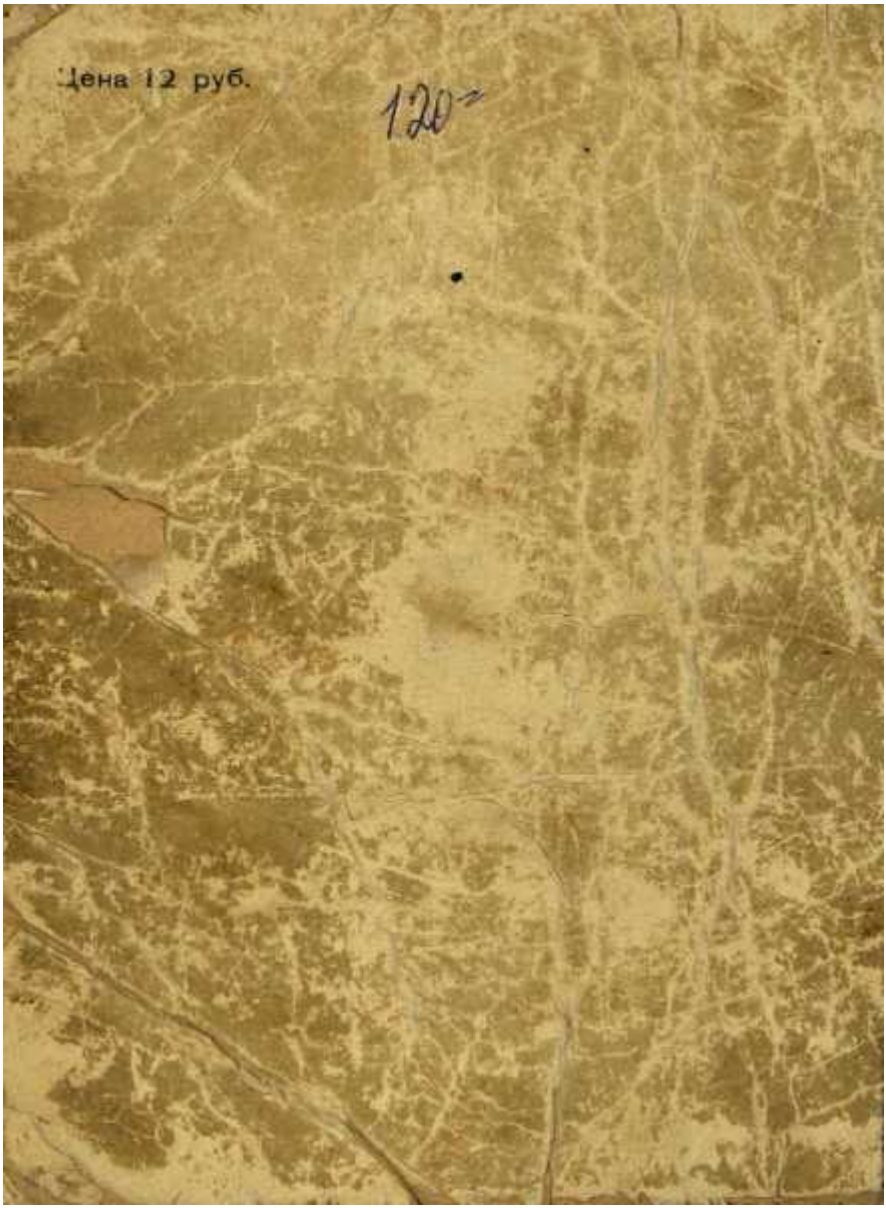
Фабрика детской книги Детгнза. Москва) Сущевский вал, 49.

' -I Ис£ Мет, |ф.

ъ\







notes
1

А щ е — если.
2

Ество— еда.
: — очень.
3

Переидох — перешел.
4

Карга — каменистая отмель.
5

Челобитная — прошение.
6

Кюст —берег.
7

Живот — жизнь.
8

Норд — север.
9

Прошло восемь дней после того, как «Святой Петр» и «Святой Павел» вышли в плавание. Пакетботы удалились от берега Камчатки уже больше чем на тысячу верст. Они пересекли 47-ю параллель и дошли до 46-й. Но на том месте, где, по карте Де-
10

Паки — опять.
1&8